

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

XXIV ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

- 3 ДАВЫДОВ А.П. Общество как медиационный субъект социального развития
(к методологии межсубъектного диалога)
- 14 ФЕТИСОВ В.Я. Контуры диагноза для социологии
- 29 КРАВЧЕНКО С.А. Амбивалентности цифровизации: востребованность
ее национально-культурной модели для устойчивого развития

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 38 МЕРСИЯНОВА И.В., ИВАНОВА Н.В., БРЮХНО А.С. Изменилась ли цифровая
компетентность российских НКО в условиях пандемии?
- 49 РОГОЗИН Д.М. Ошибки измерения и репрезентации в ответах на вопрос
об уровне образования

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- 60 ЗБОРОВСКИЙ Г.Е., АМБАРОВА П.А. Мобилизация ресурсов научно-
педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО)
- 72 ШЕВЧЕНКО П.В. Изменение статусных характеристик учителя московской школы

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 84 ХУШКАДАМОВА Х.О., БЕРЕЗИНА А.В. Политическое представительство женщин
в Таджикистане и Иране
- 94 АЛЛАХВЕРДЯН А.Г. Женское лицо социологической науки (по материалам
Росстата)

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 100 БУЗГАЛИН А.В., КОЛГАНОВ А.И. Капитализм, посткапитализм и креативная
революция (критические размышления о статье Д.А. Давыдова)
- 110 ЯКОВЛЕВА Н.Г. Какие ростки посткапитализма способны обеспечить прогресс
человеческого потенциала и технологическую модернизацию?
- 116 ЧЭНЬ Хун, БАРАШКОВА О.В. Посткапитализм или социализм?
-

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 122 ЛИТВИНЦЕВ Д.Б., МОЖЕЙКИНА Л.Б., ОСЬМУК Л.А. Социальная реклюзия и социальная секлюзия как формы социального отчуждения: к постановке проблемы

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 132 ЧЕПУРЕНКО А.Ю. Российский малый бизнес в первой половине 2022 г.: между Сциллой и Харибдой
- 139 ВОСКРЕСЕНСКИЙ Ф.А., ВОСКРЕСЕНСКАЯ Е.А. Об уровне виктимности россиян

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 144 КАРАПЕТЯН Р.В., ТАРАНДО Е.Е. Социальные вызовы и модели регулирования трудовой сферы: формируя устойчивое будущее
- 146 ФАРАХУТДИНОВ Ш.Ф., ЕФИМОВА Г.З. Общество в поисках баланса (о XII Грушинской конференции)
- 149 ЛАТОВ Ю.В. Человеческий капитал в условиях новых вызовов (о секции на XII Грушинской конференции)

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

- 153 ДЕМИДЕНКО С.Ю. Вперед в прошлое? (о книге А.В. Шипилова)

ЮБИЛЕИ

- 161 Исаеву К.И. – 85 лет
- 163 Миронову Б.Н. – 80 лет!

165 ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД

IN MEMORIAM

- 174 Памяти Г.П. Орлова

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)
В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2022 г.

А.П. ДАВЫДОВ

ОБЩЕСТВО КАК МЕДИАЦИОННЫЙ СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (к методологии межсубъектного диалога)

ДАВЫДОВ Алексей Платонович – доктор культурологии, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (apdavydov@gmail.com).

Аннотация. В статье приводятся определения субъекта социального развития в социальной эпистемологии, в социокультурном анализе социальной динамики России, в концепции экономической социодинамики, в представлении о многомерности социальной мобильности, в концепции «высвобождения» управления из-под власти синкретизиса «власть-управление-собственность», в социально-управленческой концепции проблематики субъектности. Обосновывается анализ субъектности развития через взаимосвязанность понятий: «субъект социального развития» и «медиация». Приводятся две стороны медиационного процесса: разрушительной, которая возникает, когда субъект, начавший переход от старого к новому, оказался неспособным его завершить, и созидательной, когда переход завершается формированием третьего смысла как альтернативы исходным смыслам. Поиск методов борьбы с социальным неравенством – одно из направлений социокультурного исследования.

Ключевые слова: социальное развитие • субъект • середина • мера • медиация • межсубъектные отношения • оппозиция «культура – общество» • диалог • неравенство

DOI: 10.31857/S013216250022302-5

«Медиация» (от *mediana* – лат. середина; *mediation* – англ. поиск середины, медиация) – понятие, разработанное и введенное в научный оборот в России А.С. Ахиезером. От этого понятия происходит и «медиационный процесс», избегающий мыслить абсолютами (крайностями) по формуле «либо – либо» и нацеленный на поиск решений в межполюсной «сфере между» этими «либо», и «медиационная субъектность» – способность в принятии решений избегать как авторитарных, исходящих от власти, так и эмоциональных решений, в частности, исходящих от соборности и коллективного бессознательного народа, населения, толпы. В основании изучения «медиационного субъекта» лежит представление о способности власти, с одной стороны, и личности, группы, общества – с другой, вести межсубъектный диалог, нацеленный на поиск «срединных» смыслов как нового основания (меры) развития всего социума. Критичная диалогичность «медиационного субъекта» может быть понята через его способность к тернарному мышлению и договороспособности. «Медиационный сдвиг» в сознании – это изменение меры независимости Я от Другого в межсубъектной системе «Я – Другой» (Кант, Ницше, Сартр). Об этом сдвиге можно сказать и по-другому: это переход от монологичности Я к его способности

В основе статьи – доклад автора на методологическом семинаре «Проблемы субъектности. Социолого-управленческий подход» в Центре социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН от 11.04.2022.

ответить на зов Другого (М. Бахтин). Способность Я и Другого в системе «Я – Другой» встать на общую точку зрения в междисциплинарном критическом диалоге является основанием «медиационного сдвига» (М. Бахтин, В. Лекторский, А. Давыдов [Давыдов, 2021; 2020]).

Становление концепции «социального развития» как альтернативы идее «строительства коммунизма» началось в российских науках о человеке после 1953 г. Взбадриваемая партийно-идеологическими инъекциями система «субъект – объект» все более отказывалась работать на развитие, а объект все более хотел быть его вполне полноценным субъектом. Один из массовых молодежных лозунгов горбачевской перестройки, обращенный к КПСС, «Партия, дай порулить!» отразил созревшее понимание, что социальное развитие – результат не столько объективации управляющего субъекта, сколько *диалога* в междисциплинарных отношениях. Инструмент «субъект – объект» как основная методология развития все более уступал место методологии «субъект – субъект». В массовом сознании и социальных науках ширилось понимание, что реальным субъектом социального развития является общество (в идеале видевшееся как гражданское).

Субъект социального развития – это макросубъект управления со сверхспособностями или междисциплинарный диалог? Сегодня социальная субъектность имеет право на существование, лишь понимая себя через свою способность к стратегическому целеполаганию и освоению технических средств его реализации.

Какие типы целеполагания предлагает нынешняя наука о человеке? 1) Классическая философия – теории цели, познания знания, самопознания Я (Р. Декарт, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель и др.). 2) Философская неклассика – теории коммуникации, познания Я через Другого, переориентацию разума с идеи познания на идею взаимопонимания (экзистенциализм С. Кьеркегора, Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Бубера, в России М. Бахтин, В. Лекторский, В. Библер, А. Ахиезер, И. Михайлова и др.); в социальных науках – теории диалогизации междисциплинарных отношений с целью формирования сетевой субъектности, нацеленной на саморазвитие социума. 3) Философская постнеклассика – теории сложных саморазвивающихся систем (В. Степин), сред (В. Лепский); в социальных науках – средовой подход к представлению о социальном развитии через усиление, по Лепскому, властной управленческой вертикали.

Я согласен с критикой постнеклассиками отсутствия в России гражданского общества как доминирующего субъекта с их критикой квазиинститутов, которые имитируют гражданскую субъектность, и предлагаемые ими альтернативы. Согласен, что в условиях гигантской территории и обширной полисубъектности 1) нужно разрабатывать идею укрепления макросубъекта (Лепский называет его метасубъектом), символизирующего целостность/единство социума, и поддерживать партиципацию региональных субъектов РФ в стремлении к этому символу, и 2) что субъект любого уровня, коль скоро он сознает себя субъектом, должен быть способным определять стратегическую цель своей субъектности, и что среди всех стратегических целей наиважнейшая – социальное развитие. Лепский в первой половине 2000-х гг. призвал установить «диктатуру развития» [Лепский, 2015]. Эта идея не устарела и в 20-е гг. XXI в. Лепский призывал создать в стране «контуры общественно-государственного управления под непосредственным руководством Президента РФ с полномочиями выше ведомственных структур исполнительной власти... Президент РФ получит важнейший механизм стратегического управления и развития» [там же: 230].

С такой суперцентрализацией управления, которая якобы способна помочь сформировать в нашей стране гражданское общество, не могу согласиться. Конструкция Лепского упускает главное: в условиях полисубъектности развития к результату ведет не столько партиципация (как причастность) местных субъектов к действиям федерального макросубъекта даже и с безграничными способностями управления, сколько диалог между ними – пусть это диалог партнеров не в одной весовой категории, но диалог, то есть *совместный поиск меры взаимодополнительности*, а не тотальное замещение региональной самостоятельности диктатом федерального центра. Чтобы успешно противостоять постнеклассическому представлению о суперсубъекте развития, я обращаюсь к теориям

коммуникации, личности и критического диалога в неклассической философии М. Бахтина, В. Лекторского, В. Библера, И. Пригожина, А. Ахиезера, И. Михайловой, опираясь и на идеи Ж.-П. Сартра, З. Фрейда, Э. Фромма, А. Маслоу, Б. Латтура. В изучении социологических оснований социального развития я использую результаты исследований Т. Заславской, М. Черныша, Н. Тихоновой, А. Тихонова, Ю. Епихиной, В. Ядова, Р. Инглхарта, И. Кузнецова, Н. Седовой, А. Мерзлякова, В. Богданова. В строительстве теории социального развития я выделяю первостепенную значимость концепции межсубъектной «сферы между», «середины»/«поиска середины», медиации как метода формирования и снятия социокультурного противоречия (угрозы раскола) между противоположностями (культурой и обществом).

Идея «середины» в истории европейской аналитики. Аристотель (384–322 до н.э.) в «Никомаховой этике» писал, что мышление крайностями безнравственно, нравственным является поиск меры, которую он назвал «серединой»; чем более «серединен» выбор человека, тем он более нравственен: «Добродетель – это середина, и чем добродетель выше, тем в большей мере она середина» [Аристотель, 1984: 118, 323, 307, 322, 325, 341]. Г.В.Ф. Гегель (1770–1831) в «Науке логики» сказал, что в древнегреческой формуле «единство и борьба противоположностей» не два, а три полюса [Гегель, 1999: 816], указав, что человек в принятии решения может опираться не только на противоположные полюса в мышлении оппозициями, но и на третью точку как на основание – межполюсную «середину», а дуальное мышление может переходить в тернарное. Французский антрополог К. Леви-Стросс (1908–2009) определил «середину» как идею и практику обожествления ритуально обрядовой сферы между смыслами жизни и смерти в культуре современных первобытных племен Индийского океана [Леви-Стросс, 1994]. Идея «середины» превратилась в идею «поиска середины» в работах А.С. Ахиезера (1929–2008) на материале изучения циклической динамики русской культуры [Ахиезер, 2008]. Сегодня, когда мы ищем новые методологические ресурсы, чтобы понять логику социального развития России, все более нарастает потребность углубить наше представление о «середине», «поиске середины» (медиации) в межсубъектных отношениях. Зачем?

Актуальность методологической «середины» сегодня. Сегодня российская наука о развитии социума ставит актуальнейшие вопросы в рамках тернарного мышления, в котором методология «поиска середины» (формирования альтернативы как третьих смыслов) имеет ключевое значение:

— соединить лучшие элементы капитализма и социализма, чтобы выработать такие интегративные схемы межсубъектных отношений, которые более эффективны, чем предложенные обоими укладами;

— модернизировать отношения между федеральным центром и регионами, чтобы через эту модернизацию более адекватно отвечать на современные вызовы жизни;

— научиться формировать и снимать социокультурные противоречия так, чтобы избавить Россию от постоянной угрозы раскола между статикой культуры и динамикой общества в условиях социального развития;

— выработать новые способы сотрудничества капитала и государства, чтобы они способствовали увеличению общественного богатства и одновременно не допускали социального напряжения, порождаемого этим сотрудничеством;

— научиться находить адекватные меры взаимопроникновения субъектности централизованного управления экономикой и свободы рынка; эти меры должны порождать формы социального рыночного хозяйства;

— научиться формировать меру совместности в совместной деятельности госчиновников и населения по модернизации социальной мобильности населения и др.

Список задач, которые требуют поставить проблему развития через медиационные способности субъекта социального развития, по существу, бесконечен. Это методологическое направление социальных наук в какой-то степени нашло отражение

в исследованиях российской социальной динамики. Каковы же результаты трудов российских ученых, на которые можно опереться в дальнейших исследованиях на этом пути?

Идея медиационного субъекта в акте социального развития. В социальной эпистемологии. *Субъект развития* – это результат диалога исходных субъектов в системе «субъект – субъект», через который «оба изменяются» и «выигрывают оба» [Лекторский, 2010]. Это результат нарастающей значимости третьей субъектности в межсубъектном смысловом пространстве как измененного состояния сознания исходных субъектов, а затем и зарождающегося третьего субъекта в «сфере между» ними. Третья субъектность через свои новизну, актуальность и диалогичность все более определяет развитие всего социума, формируя новую межсубъектную системность в системе «Я – Другой» [Бахтин, 2000, Лекторский, 2010].

В социокультурном анализе социальной динамики России. *Субъект развития* – это результат формирования и снятия противоречия (в условиях России – раскола) между статикой культуры – как субъекта-хранителя исторически сложившихся ценностей и динамикой общества – как субъекта-генератора текущих интересов. И это – формирование в «сфере между» ними третьих социокультурных смыслов-субъектов как результат диалога между социальной инновацией (вектор возможностей) и культурной традицией (вектор ограничений) [Ахиезер, 2008; Михайлова, 2007; 2015; Давыдов, 2018; 2021].

В концепции экономической социодинамики (КЭС). *Субъект развития* в государственно-частном партнерстве в условиях малочисленности среднего класса и слабости институтов гражданского общества – результат синтеза индивидуализма и холизма через принцип несводимости и взаимодополняемости политической (опирающейся на государственные законы) и рыночной (опирающейся на законы рынка) ветвей формирования общественных интересов. Этот синтез не может состояться без субъектности третьей составляющей экономической социодинамики – 1) это открытое общество (К. Поппер, В. Лекторский), *диалого-институциональная* саморазвивающаяся среда (термин В. Степина), в которой равноправно-конкурентно взаимодействуют все субъекты экономических отношений, реализующие индивидуальные, групповые и общественные интересы; и 2) медиационное правило: рыночный игрок (субъект-исполнительная власть) не может устанавливать правила игры, а устанавливающий правила игры (субъект-законодатель) не может принимать в ней участие [Гринберг, 2019].

В представлении о многомерности социальной мобильности. *Субъект развития* – это результат формирования субъектом-государством и субъектом-населением индивидуализации социальной мобильности как органической части модернизации социальных отношений [Черныш, 2018; 2017]. В данном случае модернизация/развитие осуществляется как медиационный процесс в «сфере между» двумя традиционными социальными состояниями, унаследованными динамичным обществом из исторически сложившейся статичной культуры, – с одной стороны, устойчивой немобильностью населения и, с другой стороны, с устоявшимися командно-административными стандартами управления социальной мобильностью. Акт модернизации формирует в этом промежуточном пространстве третью субъектность – «эмерджентную» (П. Блау) диалогичную площадку как новое основание, на котором социальное развитие противостоит феномену «похищения государства» командно-административной системой, двойным стандартам в управлении этой системой социальными процессами и энтропийному нарастанию равнодушия и пассивности населения [Черныш, 2016].

В концепции «высвобождения» управления из-под власти синкретизиса «власть-собственность». *Субъект развития* – это результат выделения «власти-управления-собственности» в особый экономический уклад для решения стратегических задач государства, где управление функционирует в соответствии с законами государства, а в секторе экономики (с сильной рыночной составляющей) развитие – это результат предоставления управлению права свободно осуществлять субъектные функции развития в соответствии с законами рынка [Тихонов, 2014: 5–7; Давыдов, 2020]. Развитие в данном случае – результат

субъектности медиационного процесса, так как представляет собой поиск меры взаимопроникновения двух векторов встречного «просачивания»: «просачивания» капитала «снизу вверх» (trickle up) как акта выращивания крупных монополий из мелкого и среднего бизнеса (опыт, в основном, США) и «просачивания» капитала «сверху вниз» (trickle down) как акта движения ресурсов в результате их концентрации сначала наверху в руках государства, крупных финансовых и производственных монополий и затем с помощью этих держателей власти и капитала выращивания мелких и средних компаний (опыт, в основном, Западной Европы) [Гринберг, 2019].

В социально-управленческой концепции проблематики субъектности. Субъект развития – результат повышения эффективности управления социальными процессами и объектами. Для достижения результата (цели) необходимо совместное, социально-ориентированное конструирование субъектами (властью и населением) условий и критериев реализации совместно принятых решений на принципах обратной связи [Мерзляков, 2021: 133–178; Богданов, Смирнова, 2021: 303–339].

Теперь необходимо определиться с собственной методологией изучения субъекта развития.

Оппозиция «культура – общество» как основной методологический инструмент изучения способности общества быть субъектом социального развития. Эта оппозиция в текстах о ценностных ориентирах имеет много модификаций: «традиция – инновация» (В. Ядов, А. Ахиезер, А. Гофман, А. Давыдов), «традиция – современность» (Р. Инглхарт, И. Кузнецов), «активность, активизм, пассионарность – пассивность, пассивизм» (Н. Седова), «индивидуализм – коллективизм» (Н. Тихонова, М. Черныш, М. Горшков, В. Петухов), «государственное – частное» (Р. Гринберг), «власть – общество» (А. Тихонов, А. Мерзляков, В. Богданов). По существу, это варианты методологической оппозиции «культура – общество», которую эпистемологически обобщенно можно интерпретировать через оппозиции «статика – динамика» и «старое – новое» в акте социального развития.

В основе этой оппозиции лежит представление, что социальная динамика начинается через отказ человека от мышления абсолютами. Но отказ от мышления абсолютами и вознившая «между» культурной статикой и социальной динамикой проблема отнюдь не означают, что протестный субъект в межсубъектном смысловом пространстве, в условной межполюсной «середине» автоматически победоносно находит творческие альтернативные решения. Поклоняясь новым идолам, он вполне способен уйти в сектантство, терроризм, фашизм и т.д. Он может также ничего не создать, утонуть в неопределенности, порождая тупики, химеры, пустоту типа онегинщины, нигилизма, подпольности подпольного человека.

Одно из наиболее распространенных представлений о межполюсной «середине» и медиации как о «болоте» внесли в научный оборот Ю.А. Левада, Ю.Н. Афанасьев и И.М. Клямкин. Я с ними согласен. В статье «Зинаида Голенкова и российская социология» [Давыдов, 2014: 136–151] я писал о причинах того, почему человек «застревает» в движении между старым и новым и добровольно соглашается жить в таком, например, прекариатном «болоте» или в том, что стороннему глазу кажется «болотом». Но кроме разрушительного эффекта у медиации есть созидательная сторона. Отказываясь от старых абсолютов и устремляясь к новым идеалам, человек, пусть часто заблуждаясь, создает новое. Этот медиационный шаг новизны меня интересует более всего.

В следующем разделе статьи приведены примеры «двуликой» (многомерной) медиации: в социальных исследованиях Р. Инглхарта, И.М. Кузнецова и Н.Н. Седовой я показываю, как рождается человек, решившийся на переход от старого к новому, но «застрявший» в своем переходе. А в работах Н.Е. Тихоновой, М.Ф. Черныша и В.А. Ядова, Р.С. Гринберга и др. я показываю медиационные механизмы, которые побуждают человека успешно двигаться к новым рубежам.

Р. Инглхарт, И.М. Кузнецов (ФНИСЦ РАН): Установка, нацеленная на анализ социальной реальности через оппозицию «традиция – современность». Кузнецов пишет: «Согласно

концепции Р. Инглхарта ценностный дрейф, а точнее, на наш взгляд, дрейф содержания тех или иных ценностных максим, происходит между двумя полюсами – полюсом “традиционных ценностей (ценностей выживания)” и полюсом “секулярно-рациональных ценностей (ценностей самореализации)”. Социальный субъект “может опираться либо на привычную, исторически сложившуюся (сформулированную в религиозной доктрине и/или в системе обычного права) систему представлений о “должном”, “достойном”, “само собой разумеющемся”, либо на рациональные суждения об эффективном пути достижения поставленных целей, либо занимать некую промежуточную позицию»... «Традиция обычно определяется как “социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени”». И продолжает: «Дополнительно, в нашем понимании, базирование на традиции означает ориентацию на ставшие обычаями, общепринятыми жизненные цели, а также стратегии достижения целей. Это означает, что любые (даже самые новаторские с точки зрения сегодняшнего дня) поведенческие стратегии и практики являются “традиционными” в том случае, когда они становятся общепризнанными и доминирующими в обществе» [Кузнецов, 2016: 86–87].

Кузнецов, таким образом, описывает один из вариантов транзита, дрейфа ценностей от полюса «старого, исторически сложившихся ценностей» (статика культуры) к полюсу «нового, рациональной самореализации» (динамика общества), который может породить состояние неуспеха, *застревания субъекта* в акте перехода: «Сама по себе идея транзита ценностей («дрейфа») логически предполагает некоторое состояние перехода от одного полюса к другому, то есть промежуточную позицию, когда люди частично уже отошли от традиционалистских взглядов на какие-то принципы социального взаимодействия, но пока до конца не приняли модернистскую трактовку этих принципов, то есть находятся в статусе *культурных маргиналов* (в трактовке Э. Стоунквиста)» [Кузнецов, 2016: 88]. Промежуточный, можно сказать *застревший* в «середине», нитонисейный способ мышления кузнецовского субъекта – основание угрозы социокультурного раскола в обществе.

Н.Н. Седова (ФНИСЦ РАН): установка, нацеленная на анализ социальной реальности через оппозицию «пассионарии, пассионарность, активизм» – «обыватели». Седова подводит итоги последних исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН. «Пассионарии» – «последовательно выбирают по всем трем параметрам те суждения, которые отражают активистские установки на: самодостаточность («могу сам обеспечить себя и свою семью, не нуждаясь в поддержке со стороны государства»), активное отстаивание своих интересов («чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них бороться»), поиск и освоение нового («главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового», «направленного на изменение не только своей жизни, но и окружающей действительности»).

Доля «пассионариев» в стране, выделенных по таким основаниям, составила 25% респондентов [Седова, 2016: 109]. «Обыватели» «последовательно (по всем трем параметрам) выбирают суждения, которые отражают установки на зависимость от государства: “без поддержки государства мне и моей семье не выжить”, приспособление (“нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней”), консерватизм (“главное – уважение сложившихся обычаев, традиций”)). Группа обывателей в РФ составляет 19% респондентов» [Седова, 2016: 109–110].

Методология Седовой позволяет определить наиболее важную для моего исследования огромную социальную группу – «промежуточных» – людей, которые, отказавшись абсолютизировать и активистские, и пассивистские установки (56% респондентов) [там же: 110], *застрежали* в «середине», в «сфере между» активизмом и пассивизмом. Почему «застрежали»? Потому что, отказавшись мыслить абсолютами, они не выработали альтернативу им. Седова называет этот тип мировосприятия смешанным, но оценку не дает. Даю я. Эта медиационная смешанность в «сфере между» есть «стоячее болото», субъектом которого является положение «ни то, ни се» как одно из возможных состояний «середины». Об

этом состоянии много писали А. Пушкин, Н. Гоголь, Ф. Достоевский, А. Чехов, В. Пелевин и, как говорилось выше, Ю. Левада, Ю. Афанасьев и др.

Н.Е. Тихонова (ВШЭ; ФНИСЦ РАН): установка, нацеленная на исследование социальной реальности через оппозицию «коллективистские ценности – индивидуалистические ценности». Тихонова пишет: «В России исторически нужен был особенно жесткий “пресс” культурных норм, вырабатывавших способность к подчинению личных интересов коллективным и неизбежно формировавших в этой связи в первую очередь не ценности успеха и преуспеяния, а ценности хороших отношений, душевной гармонии, и, особенно, чистой совести как свидетельства соблюдения данным индивидом в его собственных глазах интериоризированных норм культуры. Этот “пресс” веками сдерживал центробежный индивидуалистический порыв россиян, позволяя не только сохраниться определенному типу социума, но и обеспечить в нем приемлемые условия для совместного существования, не доводя до “войны всех против всех” (опасность которой особенно велика в условиях отсутствия эффективно действующей правовой системы). Сейчас этот “пресс”... в значительной степени уже исчез... максимальный рост в последние годы продемонстрировали именно те ценности, которые связаны с индивидуальным успехом и самоутверждением в ущерб ценностям, присущим культурам коллективистского типа... Об этом же говорят и другие исследования ценностей – Н. Лапина, В. Магуна и М. Руднева, Н. Латовой, Н. Лебедевой и А. Татарко, выполненные с использованием иных методик и на других массивах данных» [Тихонова, 2011: 17; 2012: 38–52].

Почему динамика индивидуализма по Тихоновой – важное? Почему она медиационная? Потому что эта динамика располагается в «сфере между» соборным и авторитарным началами межсубъектных отношений, оппонируя обоим с позиции своей самости и диалогичности. Индивидуализация в исследовании Тихоновой не только отказывается от соборно-авторитарного старого, она создает альтернативу ему – субъектность индивидуальных социальных отношений и субъекта этих отношений – личность и гражданское общество.

М.Ф. Черныш (ФНИСЦ РАН). Установка, нацеленная на исследование социальной реальности через оппозицию: «командно-административные методы управления социальной мобильностью – индивидуализация социальной мобильности». В российских социальных науках распространен подход, согласно которому государство – враг развития, и его нужно «как можно меньше». У Черныша – иное: образ его государства – это субъект развития. Черныш находит «согласование интересов во имя общего будущего» как общую у государства и населения демократическую альтернативу – индивидуализацию мобильности или «индивидуализацию взаимно ориентированного поведения и взаимодействия государства, представленного соответствующими органами управления, и общественно-экономических групп» [Черныш, 2016: 47–60; 2017: 13–48]. Этот тип взаимодействия – прекрасное основание формирования и медиационного мышления у участников государственно-частного партнерства и развертывания медиационных процессов в обществе.

На этот альтернативный момент в исследовании Черныша обращает внимание В. Ядов: «М. Черныш справедливо считает, что в России надлежит создать социальные механизмы, позволяющие увеличить масштабы восходящей мобильности: бесплатное среднее образование, минимально квотируемое платное высшее, банковские ссуды на высшее образование, привилегии для отслуживших в армии, универсальную систему требований и личностных тестов отбора на государственную службу и др.» [Социология, 2018: 666–667]. Ядов открывает «индивидуализацию» социальной мобильности Черныша как альтернативный и, по существу, медиационный процесс. Почему медиационный?

Потому что этот процесс у Черныша разворачивается в «сфере между» двумя традиционными социальными состояниями, унаследованными динамичным обществом из исторически сложившейся статичной культуры – устойчивой немобильностью населения и устоявшимися командно-административными стандартами управления социальной мобильностью, слабо связанными с меняющимися индивидуальными потребностями людей. Этот субъективный процесс потому и медиационный (ищущий середину), что нацелен на

поиск адекватной меры изменений обоих статичных полюсов, но главным образом модернизацию способов своей объективации. И не только.

Медиационность индивидуализации мобильности проявляется также в том, что разворачивается не только «между» двумя объектами модернизации, но и между двумя субъектами, осуществляющими политику реформ, – государственными органами/властной элитой и гражданским обществом/социальными элитами/населением. Эти субъекты реформ хотя и оппонируют друг другу, но, взаимодополняя друг друга, вместе ищут адекватную меру индивидуализации (адекватную меру бахтин-лекторской межсубъектной совместности)¹. Именно в ней, в этой условной «середине», в «сфере между» двумя застойными полюсами и двумя субъектами перемен в системах «субъект-объект»/«субъект-субъект», рождаются точки роста динамичной экономики и динамичной социальности, разворачивается сложный, противоречивый, чреватый срывами в инверсию, альтернативный медиационный процесс социокультурной модернизации общества.

Как обобщить медиационные сдвиги в понимании субъектности и субъекта социального развития, то есть как понять сдвиги в методе?

Медиационный сдвиг в изучении социального развития. Установка на переход от родовых отношений к индивидуальным отношениям через диалог. Смена оснований. Родовая традиция в социальных отношениях не умерла, но время, когда она доминировала, давно миновало. То же можно сказать и об инновации: способность создавать новые технологии определяет скорость и конфигурацию развития, но претензия модерна доминировать в социальных отношениях и реанимировать эпоху европейского модернизма XVII – XIX вв. так и не состоялась. Нарастает иное – значимость открытия точек роста в «сфере между» традицией и инновацией на новом (третьем, альтернативном) основании, которая была бы формой прагматической актуализации элементов прошлого опыта в новых условиях. Новое рождается через акт включения традиции (традиций) в диалог культуры и общества, старого и нового, статики и динамики, единства и многообразия, традиции и инновации. Последовательное осуществление демократического стиля управления обществом порождает новый тип исследовательской методологии: поскольку все субъекты, системы и направления оказываются в определенной степени синхронными и равноценными, то вопрос их новизны уступает место вопросу о методологии поиска адекватной меры их взаимоотталкивания/взаимопроникновения, вопросу о языке их взаимодействия. Это вопрос – о диалоге между исторически сложившейся культурой и формирующимся большим обществом.

Отсюда вывод: именно через разделение смыслов культуры и общества и выдвигание диалога между ними на передний план общественного интереса возникает возможность переосмысления в науке о России оснований ее цивилизационного развития. Начинается путь к формированию новой исследовательской парадигмы – обретает значимость иное понимание структуры и динамики культуругенеза и социогенеза. Точки роста новой культуры зарождаются сегодня не в статике культуры, а в динамике общества, в новых целях и потребностях динамичного социального субъекта и его способности к социокультурному диалогу. Они являются миру как новые социальные интересы, не записанные в дуализме тысячелетней культуры, и, пройдя испытания эпохами, оседают в культурном богатстве как новые культурные ценности. В культуре новые ценности какое-то время (иногда веками, тысячелетиями) хранятся, помогают обществу эффективно отвечать на новые вызовы жизни, потом устаревают, становятся охраняемыми музейными реликвиями и циклически заменяются новыми – теми, которые общество, пройдя через увлечения и разочарования, апробировав потом и кровью, отправляет в культурное богатство на новое хранение и поклонение.

Эта пульсирующая смена оснований есть диалогичный механизм формирования медиационного субъекта, который способен разрешать социокультурные противоречия, снимать

¹ Подробнее см.: [Давыдов, 2021: 191–202].

угрозу социокультурного раскола в обществе и конструировать новую меру его развития. Как работает этот механизм, можно увидеть в динамике реформ.

В начале и ходе реформы привычная дуализация мира и вместе с ней дуализирующая мир и охраняющая ценности статичная культура теряет в общественном сознании авторитет (статус) основания развития. Нарастает кризис исторически сложившегося всеобщего, не способного адекватно отвечать на новые вызовы жизни.

На пике побеждающей реформы место дуализации занимает тернарное мышление. Смена интересов происходит как формирование особенного, претендующего на то, чтобы выступить в качестве нового всеобщего (всеобщего особенного), то есть нового основания культуры. Разворачивается и находится на пике борьба разрушающейся (исторически сложившейся) и нарождающейся (альтернативной, модернистской) тенденций за статус социальной доминанты и нового основания культуры.

Но пульсация продолжается, и на излете реформы начинается новый цикл – погружение динамичного общественного сознания в новую статику, в придание достигнутой социальной новизне статуса культурного богатства как морального основания нового бытия [Давыдов, 2020].

Отсюда вывод: постоянно ища новую меру взаимоотталкивания/взаимопроникновения, статика (статичная культура) и динамика (динамичное общество), циклически меняясь местами, могут периодически занимать статус основания развития по медиационной формуле: «дуальность – тернарность Лекторского/Ю.Лотмана/Ахиезера – новая дуальность»; «исторически сложившаяся социокультурная статика – социальная динамика Бахтина/Лекторского/Библера/Ахиезера – новая социокультурная статика»; «равновесие – дезорганизация Ахиезера/аномия/динамический хаос И. Пригожина – новое равновесие Р. Гринберга». И в каждом звене этих тернарных формул основным содержанием является степень его диалогичности. Социокультурный межсубъектный диалог как третий субъект в системе «Я – Другой» и новое основание развития социума становится генеральной теоретико-методологической темой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. 3-е изд. М.: Новый Хронограф, 2008.
- Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
- Богданов В.С., Смирнова А.С. Опыт анализа социальных сетей в контексте исследования процесса социального группообразования в отношении оценки реализации национальных проектов // Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 303–399.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1999.
- Гринберг Р.С. В поисках равновесия. М.: Магистр, 2019.
- Давыдов А.П. Основание развития как социокультурная проблема (к вопросу о медиационной теории эволюции западного социума) // Вестник Института социологии. 2018. № 24. С. 27–51.
- Давыдов А.П. Зинаида Голенкова и российская социология // Философские науки. 2014. № 10. С. 136–151.
- Давыдов А.П. Методологическая «середина-для» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга/А. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 191–202.
- Давыдов А.П. Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 18. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 529–564.
- Кузнецов И.М. Эволюция ценностных ориентиров в континууме «традиция – современность» // Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая. М.: Весь Мир, 2016. С. 86–87.
- Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
- Лекторский В.А. Теория познания // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 47–52.

- Лепский В.Е. Постнеклассическая методология формирования образа будущей России // Рефлексивные процессы и управление. Сб. мат. М.: Когито-Центр, 2015. С. 225–232.
- Мерзляков А.А. Результаты исследования управляемости процессами социального группообразования и поддержки населением стратегии развития РФ в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации (по материалам полевого опроса) // Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 133–178.
- Микайлова И.Г. Идеалы и их роль в социокультурном воспроизводстве цивилизаций с позиций синергетической философии истории. СПб.: Алетейя, 2016.
- Седова Н.Н. Жизненные приоритеты: от потребностей и интересов к действию // Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая. М.: Весь Мир, 2016. С. 109.
- Социология Ядова. Методологический разговор. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 666–667.
- Тихонов А.В. Социология управления. М.: КРАСАНД, 2014. С. 5–7.
- Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 17.
- Тихонова Н.Е. Особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики России. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 38–52.
- Черныш М.Ф. Социальная мобильность: традиционные и современные подходы // Социальная мобильность в России: поколенческий аспект. М.: ИС РАН, 2017. С. 5–48.
- Черныш М.Ф. Двойные стандарты в современном обществе: pro et contra // Философские науки. 2016. № 3. С. 47–60.

Статья поступила: 20.04.22. Финальная версия: 23.05.22. Принята к публикации: 24.08.22.

SOCIETY AS A MEDIATION SUBJECT OF SOCIAL DEVELOPMENT (Re: Methodology of Inter-Subject Dialogue)

DAVYDOV A.P.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Aleksey P. DAVYDOV, Dr. Sci. (Cultural), Chief Researcher, Center for the Sociology of Management and Social Technologies, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (apdavydov@gmail.com).

Abstract. The article offers definitions of the social development subject in social epistemology, in the sociocultural analysis of Russia's social dynamics, in the concept of economic sociodynamics, in the idea of the multidimensionality of social mobility, in the concept of "release" of management from the power of syncretism "power-management-property", in the social managerial concept of subjectivity issues. An analysis of the subjectivity of development through the interconnection of the concepts: "subject of social development" and "mediation" is argued for. Two sides of the mediation process are emphasized: a destructive one, which occurs when the subject, beginning a transition from the old to the new, was unable to complete it, and creative one, when the transition ends with the formation of a third meaning as an alternative to the original meanings.

Keywords: social development, subject, middle, measure, mediation, intersubjective relations, opposition "culture – society", dialogue.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. (2008) *Russia: Criticism of Historical Experience*. 3rd ed. Moscow: Novyi Khronograf. (In Russ.)
- Aristotle. (1984) *Essays in 4 vol. Vol. 4*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Bakhtin M.M. (2000) *Author and Hero. To the Philosophical Foundations of the Humanities*. St.-Peterburg: Azbuka. (In Russ.)
- Bogdanov V.S., Smirnova A.S. (2021) An analysis of social networks in the context of studying the process of social group formation in relation to the assessment of national projects implementation. In: *Reforming the Power-Administrative Vertical in the Context of the Implementation of National Projects and the Activation of Spontaneous Group Formation Processes*. Moscow: FNIS Ts RAN: 303–399. (In Russ.)

- Chernysh M.F. (2016) Double standards in modern society: pro et contra. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. No. 3: 47–60. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2017) Foreword. Chapter 1. Social mobility: traditional and modern approaches. In: *Social Mobility in Russia: Generational Aspect*. Moscow: IS RAN: 5–12, 13–48. (In Russ.)
- Davydov A.P. (2014) Zinaida Golenkova and Russian sociology. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. No. 10: 136–151. (In Russ.)
- Davydov A.P. (2018) The basis of development as a socio-cultural problem (Re: the question of the mediation theory of the evolution of Western society). *Vestnik Instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 24: 27–51. (In Russ.)
- Davydov A.P. (2020) Methodological “middle” as a tool for studying social reality. In: *Russia in Reform*. Yearbook. Iss. 18. Moscow: Novyi Khronograf: 529–564. (In Russ.)
- Davydov A.P. (2021) Methodological “middle-for” in the perspective of V. Lektorsky’s non-classics, A. Akhiezer’s mediation and the R. Grinberg/A. Rubinstein’s complementarity principle. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 4: 191–202. (In Russ.)
- Grinberg R.S. (2019) *In Search of Balance*. Moscow: Master. (In Russ.)
- Hegel G.W.F. (1999) *The Science of Logic*. Moscow: Mysl’. (In Russ.)
- Kuznetsov I.M. (2016) The evolution of value orientations in the continuum “tradition – modernity”. *Russian Society and the Challenges of the Time*. Book four. Moscow: Ves’ mir: 87. (In Russ.)
- Lektorsky V.A. (2010) Theory of knowledge. In: *New Philosophical Encyclopedia in 4 vol.* Vol. 4. Moscow: Mysl’: 47–52. (In Russ.)
- Lepsky V.E. (2015) Post-non-classical methodology of forming the image of the future Russia. In: *Reflexive Processes and Management*. Coll. of mat. Moscow: Kogito-Center: 225–232. (In Russ.)
- Levi-Strauss C. (1994) *Primitive Thinking*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Merzlyakov A.A. (2021) Results of a study of the controllability of the processes of social group formation and support by the population of the development strategy of the Russian Federation in regions with different levels of socio-cultural modernization (based on field survey materials). In: *Reforming the Power-Administrative Vertical in the Context of the Implementation of National Projects and the Activation of Spontaneous Group Formation Processes*. Moscow: FNISTS RAN: 133–178. (In Russ.)
- Mikaylova I.G. (2016) *Ideals and Their Role in the Socio-Cultural reproduction of Civilizations from the Standpoint of the Synergetic Philosophy of History*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Sedova N.N. (2016) Life priorities: from needs and interests to action. In: *Russian Society and the Challenges of the Time*. Book four. Moscow: Ves’ mir: 109. (In Russ.)
- Sociology of Yadov. Methodological Conversation*. (2018) Moscow: Novyi Khronograf: 666–667. (In Russ.)
- Tikhonov A.V. (2014) *Sociology of management*. Moscow: KRASAND: 5–7. (In Russ.)
- Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. (2020) From “smart regulation” to “smart management”: the social problem of feedback digitalization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 74–81. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2011) Dynamics of the normative-value system of Russian society (1995–2010). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. No. 4: 17. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2012) Peculiarities of “Russian Modernists” and Perspectives of Russia’s Cultural Dynamics. Article 1. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. No. 2: 38–52. (In Russ.)

Received: 20.04.22. Final version: 23.04.22. Accepted: 25.08.22.

В.Я. ФЕТИСОВ

КОНТУРЫ ДИАГНОЗА ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ

ФЕТИСОВ Владимир Яковлевич – доктор философских наук, профессор, научный консультант Центра системных инициатив, Санкт-Петербург, Россия (asooper2002@mail.ru).

Аннотация. Социология испытывает дефицит рефлексии ее содержания и структуры как научной дисциплины, связей основных сторон её как науки. Слабо исследованы воздействия, идущие от объекта и предмета к методам и средствам, к системе знаний, эпистемологическим и социальным функциям, и обратно. Социальные функции определяют специфику социологии, благодаря им она способна влиять на практику и получать от нее импульсы развития. В мире идет становление нового типа практик – сознательной, целенаправленной и социально ориентированной деятельности общества и его образований, важнейшее условие которого – достижение определенной степени интеграции. В результате можно обеспечить устойчивое развитие общества, его сохранение и воспроизводство. Поэтому на современном этапе социология вынужденно, чтобы быть востребованной, трансформируется в теорию данной деятельности, соответствующих ей отношений, форм коммуникаций и поведения. Перенос акцента с анализа общества и составляющих его единиц как объектов на исследование их и в качестве формирующихся социальных субъектов способствует превращению социологии в науку, обладающую теоретическим единством и практической значимостью. Статья написана с целью объяснения и разрешения нынешних противоречий, проблем и парадоксов социологии.

Ключевые слова: предмет социологии • анализ и синтез • когерентность • содержание науки как системы • функции социологии • социальный субъект • деятельность

DOI: 10.31857/S013216250022304-7

Введение. Российская социология заметно движется вперед, но экстенсивно. Анализируя новые явления и процессы, она не предлагает их четкого социологического видения. Возникает несоответствие между усилиями социологов к охвату всех сторон общества и незначимой новизной добытого знания. Отсюда дублирование социологией других наук и подмена ее ими. Характерны черты социологии сегодня – атомизация знания, бессистемность, разрыв теории и эмпирических исследований, господство номинализма и методологического индивидуализма, ослабление диалога представителей направлений... Дискуссии, как правило, вращаются в кругу антиномий, идея развития подменена изменениями, содержание науки сводится к ее истории и методологии. Как следствие – низка объяснительная, критическая, экспертная, прогностическая способность социологии, слаба ее востребованность. Она увядает и как учебная дисциплина высшей школы.

Неудовлетворительное состояние социологии признается многими, давая импульс поиску путей выхода из него. Один из вариантов – дискуссия П. Штомпки и М. Буравого. По мнению первого, социология – академическая наука, социолог, следуя эталонам науки, должен заниматься исследованиями, не вторгаясь в жизнь общества. Буравой – за публичную социологию; главное, для кого и чего проводятся исследования. Штомпка обвинял Буравого в утопизме, Буравой Штомпку в позитивизме. Усматривая будущее социологии в академизме, Штомпка ответил, что предпочитает быть «последним позитивистом», чем «последним ленинцем» [Штомпка, 2015: 40]. Но один ориентир в отрыве от другого не выведет социологию из существующего состояния. Не решат проблему приобретающие характер моды «повороты». От цифровых технологий, конечно, влияющих на практики исследований, наблюдений за поведением людей, диагностики меняющегося общества, предпочтений, ценностей индивидов и социальных групп также вряд ли можно ждать концептуальных сдвигов в социологии. Время радикальных перемен предъявляет

новые требования к теории. Попытаемся выявить и объяснить нынешние противоречия, проблемы и парадоксы социологии, а также наметим пути их разрешения.

Повышение уровня научности социологии – условие выхода из кризиса. Основная причина нынешнего состояния социологии – недостаток научности. Степень научности знания прежде всего определяется тем, сколь аргументированно и полно раскрыта специфика ее объекта и предмета, методов и средств исследований, содержания как системы знаний, эпистемологических и социальных функций. Требуется анализ и синтез системы как звеньев цепи прямых и обратных связей. Такой подход позволяет и обязывает рассматривать их на одном уровне обобщения, сопоставлять между собой и с определенным срезом реальности. В результате создается возможность преодолеть герметичность науки, раскрыть ее взаимодействия с практикой. Влияя на последнюю через социальные функции, она получает от нее импульсы развития. А. Филиппов во многом был прав: в современной России нет востребованности теоретической социологии [Филиппов, 1997].

Дефицит научности социологии проявляется в отсутствии теоретических определенных ее базовых сторон. Каждая из них, как правило, анализируется в отрыве от других. Они развиваются неравномерно, но теоретическая зрелость науки зависит от обоснованности всех ее сторон в единстве и взаимодействии.

Один из показателей степени научности – раскрытие специфики социологии, аморфность трактовки которой – свидетельство преднаучного состояния. Непроясненность специфики – причина неуверенности ученых, боязни поисков онтологических и эпистемологических основ, стремления «примкнуть» к другим, объединиться с ними. Но прежде чем объединяться, нужно обрести свое «лицо». «Примыкательство» не делает социологию авангардом, что она заслуживает в силу своей природы.

Целостное видение социологии в единстве и взаимодействии её сторон – важное условие повышения научности и выполнения ею своих функций. Анализ показывает: все стороны социологии нуждаются в исследовании. Особенно ее предмет, предопределяющий методы и средства исследований, содержание знаний, функции. «Там, где наука не может сконструировать предмет и представить его “естественную жизнь”, определяемую существенными связями, там и кончаются ее притязания» [Степин, 2011: 153]. Определение предмета дисциплины возможно на высокой ступени развития науки, как итог, обобщение пути и достигнутых результатов [Ойзерман, 1982: 177].

Предмет науки дуален: он есть срез реальности и её теоретическое выражение. Между его онтологическим и теоретическим аспектами существуют единство и различие. Абсолютизация первого ведет к редукции науки к обыденному знанию. Если преувеличивается второй, возникает опасность отрыва от действительности, ухода в мир произвольных абстракций. Деонтологизация порой заходит далеко, порождая призывы вернуть социологию к реальным проблемам. В данном отношении показательны теории, рвущие связи наук и реальности (Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко): в результате исчезновения предмета социология обретает характер симулякра, замещая реальности знаками. Но знак – не предмет социологии, он – модель отдельной сферы реальности, выражающая предельно абстрактно ее закономерные связи. Лишь в этом случае происходит сопряжение предмета социологии с ее методами, средствами, содержанием как системой знаний.

Предмет науки как модель двойственен. С одной стороны, он конкретен, потому что в нем мы стремимся представить все стороны реальности в существенных связях и отношениях. С другой – абстрактен в силу того, что представленное им выражено предельно обобщенно. Отсюда трудности и эвристичность определения предмета наук и социологии особенно. В ее предмете противоречие конкретности с абстрактностью разрешается изложением содержания как системы знаний и раскрытия функций. В социологии, следовательно, важно видеть формальную и содержательную стороны. Первая в общей форме рассматривает компоненты и соотношения, присущие многим научным дисциплинам. Вторая наполняет их конкретным содержанием, обогащая первую. Если абсолютизируется первая – наука уходит от реальности; если вторая, она превращается в сумму теорий,

теряя интегральные качества, проявляющиеся в функциях. Говоря о повышении научности социологии, мы имеем в виду синтез этих сторон.

Поиск предмета социологии как сферы общества, не «захваченной» другими науками, несмотря на усилия многих, не увенчался успехом. Не вдаваясь в дискуссии, выделю два подхода к его определению – «узкий» и «широкий». Первый сводит ее предмет к сферам, сторонам, аспектам общества. Второй охватывает все общество. Ни тот, ни другой нельзя признать удовлетворительными. Первый расходится с содержанием социологии; оно много шире и разнообразнее любой сферы и не укладывается в «прокрустово ложе». Включение в предмет социологии всех сфер общества приводит к отождествлению объекта и предмета, что противоречит логике познания, – переходу от философского к все более дифференцированному его представлению. В литературе распространен взгляд, согласно которому объект и предмет социологии не различаются, а ее предметом являются общество в целом. Данная трактовка воспроизводит позицию социологов XIX в., игнорируя факт изучения общества другими науками [Тощенко, 2014].

От описания и объяснения к теории деятельности общества как социального субъекта. Дифференциация общества на сферы, сводимые к совокупности структур и институтов, характеризует их в статике, не позволяя выделить из общества (как объекта) предмет социологии. Его поиск следует вести в русле процессуального подхода к реальности. Классическая социология анализировала главным образом общественные структуры и формы социальной организации. Современные теоретики сосредоточились на процессах. Проблема, на наш взгляд, в доведении анализа процессуальности до вскрытия современных форм деятельности общества и составляющих его образований.

Понять современное общество в динамике можно как объективно протекающий процесс, на содержание и вектор которого все больше влияет сознательная деятельность людей. Происходит неравномерный и противоречивый, но ощутимый переход от естественно-исторического к социально-историческому типу развития. По мере его разветвления качественно преобразуются объективная и субъективная стороны жизнедеятельности людей, происходит радикальный сдвиг их соотношения, появляются формы деятельности и отношения, общения и поведения, без учета которых не выявить предмет социологии и раскрыть ее специфику.

Обсуждение предметного поля науки невозможно лишь в рамках чистой логики. Всякое начало, отмечал М. Мамардашвили, исторично. Поиск предмета социологии предполагает обращение к ее онтологическим основаниям, возникшим в процессе развития общества. Чтобы понять, куда движется наука, надо ответить на вопрос, откуда она идет. Без интерпретации (объяснения) онтологии социального знания социология не может подтвердить свой научный статус [Ключарев, 2022: 6].

Социология появилась в эпоху индустриализма, урбанизации, секуляризации, освобождения от феодальных оков. Развитие буржуазного строя вело к преобразованию социальной структуры общества, к выходу на арену истории новых сил. Начиналось более рациональное осознание классами, этносами, слоями своих потребностей и интересов. Происходило выдвижение целей и программ, поиск способов и средств их реализации, создавались политические партии, профсоюзы, другие объединения. Формирующееся гражданское общество нуждалось в ассоциациях, которые только и могут отстаивать интересы людей, добиваться их целей.

Создание общностей сознательными субъектами существенно меняло их деятельность и отношения между собой и с государством, вело к сдвигам повседневной жизни, став онтологической основой возникновения социологии. Она отлична от иных социальных учений. Социологические теории по генезису социальные, но не все социальные теории социологичны [Тихонов, 2013: 39–40]. Теории общества, существовавшие до середины XIX в., социальные, хотя некоторые несли заряд социологичности (Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо). Социологические теории формируются позднее. Их критерием, по нашему мнению, является мера, в которой общество и его составляющие

рассматриваются как социальные субъекты. Речь идет о раскрытии процесса их становления, содержания и структур, деятельности и отношений, форм общения и поведения. Возникновение и осмысление социологии связано не только с учением Конта, где эта сторона реальности оказалась на периферии, но и с философией жизни (В. Дильтей, А. Бергсон) и особенно с марксизмом. Последний наиболее аргументированно для своего времени отразил процесс становления пролетариата как социального субъекта.

Подход Маркса и Энгельса к анализу пролетариата социологичен, он отвечает духу эпохи перехода общества от естественно-исторического к социально-историческому типу развития. Без учета положений марксизма трудно понять процесс возникновения и развития социологии. Естественно, они требуют современного прочтения, развития и конкретизации. Главное в марксизме с социологической точки зрения – обоснование присущих обществу изменений, осуществляемых деятельностью людей по реализации исторически меняющихся потребностей, интересов, ценностей, целей. Дистанцирование социологов от этих положений порой ведет в тупик. Парсонс в своем структурном функционализме ставил во главу угла социальный порядок, функциональность, интегрированность и устойчивость структур-компонентов общества. Идеи поддержания социального порядка и изменений оказались несовместимыми. Модель общества, ориентированная на порядок без изменений, была обречена, структурный функционализм утратил статус полноценной науки в деструктивно-активной атмосфере конца 1960-х гг. [Щербина, 2019].

Вывод о необходимости изменений общества вытекает из положений марксизма, прежде всего мысли Маркса о человеческой деятельности как сознательной и целенаправленной. Деятельность – необходимое и важнейшее условие существования общества, цели которой определяются факторами, находящимися за ее пределами. Исходный пункт мотивов – потребности. Маркс обращает внимание на специфику человеческих потребностей, постоянное их изменение и развитие. «Удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведет к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом» [Маркс, Энгельс, 1966: 27]. Переход к более высоким потребностям отражен в законе их возвышения.

Потребности – не единственное звено исторического механизма мотивации деятельности. Современная социология оперирует обобщенными показателями состояния индивидов – уровнем и качеством жизни. Выдвигается тезис наполненности жизни. Её индикаторы – мобильность, включенность и креативность. Важны компоненты мотивации деятельности (интересы, нормы, ценности и цели) – предмет исследований социологов. Однако они чаще рассматриваются вне взаимодействия друг с другом. Если брать механизм мотивации деятельности в целом, можно говорить о существовании в ней прямых/обратных связей; предыдущее звено предопределяет последующее, которое в свою очередь оказывает на него обратное влияние. В реальности происходят нарушения этих связей, деформация отдельных звеньев, в механизме образуются социальные «тромбы». Вербализированные программы и планы деятельности не всегда согласуются с реальностями [Батыгин, 1986: 176].

Возвышению потребностей препятствует ряд факторов, в результате блокируется развитие других компонентов мотивации деятельности людей. Особенность сознательной целенаправленной деятельности в том, что она содержит потенциальные возможности возвышения потребностей, уровня и качества жизни. Полученные результаты на одном этапе трансформируются при определенных условиях в новые свойства индивидов и общностей как субъектов, становясь источником более зрелой формы жизнедеятельности.

Вопрос формирования человека как субъекта все чаще поднимается авторами. В литературе распространение получил термин *agensu*. Но агент – проводник, представитель чьей-то воли, чьих-то идей создает впечатление, что необходимость социальных изменений порождена «фатальной» естественно-исторической необходимостью, агентом которой выступают индивиды и группы. Такое понимание вызывает необходимость

использования понятия «субъект». Данное понятие в социальном плане более емкое и содержательное. Отсюда возникает обращение к концепту «субъектность». Отмечая востребованность субъектности человека, И.А. Лескова пишет, что она представляет собой возможность не просто действовать, а, будучи слитой с действием, подниматься над ним и обусловившими его обстоятельствами, занимать позицию «над», выходить за пределы непосредственных связей, в которых живет человек [Лескова, 2016: 26]. Проблема в том, чтобы, учтя специфику каждого уровня реальности, степень его зрелости, распространить субъектный подход на общности и общество в целом. Социология движется от трактовки общества как социального организма к пониманию его как социальной системы. Структурно-функциональный подход не поднялся до осознания социума как социального субъекта. Социальная мысль на новом уровне возвращается к характеристике общностей как социальных субъектов, к тому, что сделал марксизм в отношении рабочего класса.

Возникает вопрос соотношения социологии и марксистской теории общества; одни их отождествляют, другие противопоставляют. Подход к социологии как науке, стержнем которой становится исследование общества и его составляющих с позиций социальных субъектов, их деятельности и взаимодействия, позволяет решать данную проблему. Марксизм в анализе общества фокусировал внимание на основных классах как субъектах. Однако, если классы, хотя в разной степени, – социальные субъекты, не все социальные субъекты могут быть отнесены к классам. В этом отношении социология шире классовой теории марксизма. Последняя может быть частным случаем первой. Марксизм дал характеристику пролетариату как историческому субъекту, тем самым выявив существенную сторону социальной реальности, которая оказалась на периферии внимания зарождавшейся социологии. Последняя сосредоточилась на исследовании микромира, повседневности, поведения, взаимодействия людей «лицом к лицу». Однако по мере развития она вынуждена обращаться к этой проблеме.

Учение Конта, основателя социологии, – «утробная» стадия развития науки; ориентированная на естественные дисциплины, она слабо сопрягалась с социальной реальностью. Поэтому его социология справедливо оценивается как проект будущей науки, который ни Конту, ни его последователям не удалось осуществить. Здесь истоки обреченности социологии на поиски предмета и собственной идентичности. Речь именно о поисках предмета, не о частных его уточнениях [История теоретической социологии..., 1995: 6, 12, 21]. Хотя усилия в данном направлении ведутся, обоснованного определения предмета социологии нет и сегодня, что определяет ее преднаучное состояние. Аморфность трактовок предмета социологии во многом обусловлена игнорированием названных выше теоретико-методологических принципов. Она негативно сказывается на раскрытии всех сторон нашей науки.

Обратимся к ее методам, на связь которых с предметом науки обращает внимание ряд социологов. Сложилась традиция, согласно которой свойства методов рассматриваются как чисто технические. Однако существует содержательная связь между моделью изучаемого объекта и методами; за методом стоит модель изучаемого с его помощью явления [Толстова, 2013: 13–14]. «Профзаболевание» социологов, пишет другой автор, обусловлены состоянием теоретического знания, один из изъянов которого – размытость предмета социологии. Она порождает у исследователей методологическую травму [Татарова, 2012].

Поворот в социологии к качественным методам был вызван тем, что на первый план исследований реальности выходит социальная жизнь, в которой доминируют индивиды и общности как субъекты. В этом, вероятно, причина распространения биографического, кейс-стади, глубинных интервью и других методов. Социальная жизнь требует менее формализованных, «мягких» методов, хотя здесь есть пределы, перейдя которые социология теряет специфику. Очерчивание предмета социологии органично связано со стратегией познания социальной реальности. Основная причина кризиса социологии – устаревшая эпистемология, в рамках классических схем не учитывающая историческую и социальную обусловленность форм мышления [Дудина, 2013: 15, 23].

Особая связь существует между определением предмета науки и развертыванием ее содержания как системы знаний. Система – совокупность взаимодействующих элементов, обладающая интегративными свойствами. Системность – атрибут науки; степень ее системности – индикатор зрелости, достигаемой посредством реализации потенциала, заложенного в определении предмета. Существующие трактовки предмета социологии не сориентированы на синтез знания. Они, как правило, перечисляют стороны общества, не указывая на их взаимодействие. В социологии доминирует расчленение социальной реальности, порождающее фрагментацию знания.

Дифференцированное видение реальности – прерогатива социологии. Оно позволяет применять эмпирические методы исследования, получать определенное знание, осуществлять операционализацию и верификацию, определять выборку как репрезентативную часть генеральной совокупности... Реализация данной тенденции – условие социологического познания. Однако, и в этом суть проблемы, анализ должен уравниваться синтезом, в результате которого только и выявляются собственно социальные качества. Они приобретаются индивидами и общностями, вещами и предметами по мере включения их в совместную деятельность людей, порождая зависимость вовлеченных в нее элементов. Социальные качества определяются не предметной наличностью, а системностью общественного взаимодействия [Батыгин, 1986: 24–25].

Атомизация и фрагментация знания в отрыве от синтеза снижают статус социологии как науки, ее эпистемологические и социальные функции и потому подвергаются критике. В результате «футлярности» социального анализа явлений и процессов происходит их «отсечение» от причинно-следственного контекста, гипостазирование их собственного содержания [Кармадонов, 2015]. Социология, по мнению британского социолога Дженкинса, представляет собой совокупность спекулятивных, не связанных между собой эссе [Дженкинс, 2015]. К перечисленным автором можно добавить и другие теории, описывающие отдельные явления социальной реальности. Каждое из них объясняется гипотезой *ad hoc*, затрудняя их включение в социологию как систему знаний. Разобщенность теорий проявляется и в отраслевой социологии. Происходит горизонтальное дробление предметного поля, матрицы социологии. Часть её поля заполняют далекие или автономные от социологии отраслевые дисциплины [Осипова, 2013: 41].

Свидетельство разрозненности социологического знания – отсутствие в нем закономерностей. Их обнаружение – высшая ступень познания мира. Но социологии трудно это сделать. Закономерности заменены «стандартами», «регулярностью», «паттернами» поведения. Подобные самоограничения не случайны. Теоретики не стремятся открывать законы, хотя не уходят от поиска объективных связей между явлениями. Социология остается описательной наукой, с трудом обретая статус объяснительной дисциплины [Иванов О., 2014]. Но если она «застревает» на уровне описания, то не может преодолеть дискретность своего знания и, следовательно, раскрывать закономерные связи.

В социологии остается актуальной проблема когерентности, установления связей различных теорий. За нею скрыта неспособность науки найти внутреннее единство явлений и процессов своего предметного поля. Но курс социологии на дифференциацию реальности продолжает доминировать. Его можно обнаружить, например, в интерпретации процесса развития социологии, предложенной Д.В. Ивановым. Согласно ей, данная наука проходит пять этапов, последние из которых – закрепление дифференцированности знания – эра «пещерной» социологии [Иванов, 2013]. Выдвигаются и другие аналогичные взгляды на эволюцию социологии. В.И. Дудина выделяет в метатеоретизировании стратегии интегративную, эволюционную и перспективистскую. Они по-разному решают проблему дисциплинарной раздробленности социологии. Первая ведет поиск интегративной социальной теории, вторая признает возможности такой теории в будущем. Согласно третьей, раздробленность социологии не устранима. Несмотря на то что обоснование разнообразия менее вдохновляющая цель, чем создание единой теории, вероятно, она заслуживает теоретических усилий [Дудина, 2017: 16–17]. С этим трудно согласиться.

Наряду с дифференциацией реальности и ее анализом ощущается потребность интеграции разных сторон общества и – на этой онтологической основе – синтеза знаний о нем.

Сложный процесс конструирования содержания социологии как системы знаний происходит вследствие определенной трактовки, с одной стороны, ее предмета, с другой – социальных функций. Но последние формируются под воздействием практики. Познание, трансформируясь в социальные функции науки, включается в практико-теоретический континуум истории. Игнорирование данного обстоятельства ведет социологию к замыканию в самой себе.

Поскольку эмпирические исследования непосредственно связывают социологию с практикой, ее основные черты и тенденции, включая соотношение дифференциации и интеграции знания, невозможно понять абстрагируясь от процессов в современном обществе, которые вопреки Парсонсу требуют радикальных преобразований. Происходит кризис социально-экономической системы, основа которой – господство рыночного фундаментализма, финансового капитала и коммерциализация социальной сферы. Идет дальнейшая поляризация доходов, растут бедность и несправедливость. Социальное неравенство в современном мире осуществляется в традиционных и новых формах. Во многих странах растут мегаполисы, где социальная жизнь не связана границами, подвижна, открыта, мультикультурна. Но жизнь в них контрастирует с упадком малых городов и сельской местности. Рост и автономизация мегаполисов – анклавов глобализации – приводят к тому, что они отрываются от окружающих территорий и сообществ по уровню, качеству, стилю жизни и ценностным установкам [Иванов, 2019].

Социальная поляризация общества подрывает его единство и стабильность. Следует ставить вопрос не просто о социальном порядке, ибо он может обеспечиваться насильственными методами, а о сохранении общества, что требует кардинальных изменений всех его сфер, интеграции в пространстве и во времени.

Деятельность социальных субъектов – способ сохранения и развития общества.

В прошлом, как правило, развитие общества происходило за счет широких масс и порой само приносилось в жертву сохранению строя. История, особенно России, демонстрирует господство этих крайностей на многих этапах. Оно порождало социальную напряженность, противоречия и конфликты, смену революций контрреволюциями, реформ, откатами в архаику. В современном мире ситуация иная. Общество может обеспечить свою устойчивость не иначе, как посредством всестороннего развития. Подобно человеку на велосипеде, оно теряет стабильность, если не движется вперед. Сохранение общества через развитие как феномен современности вызван рядом причин.

(1) Рост потребностей широких слоев, происходящий в результате действия присущих им закономерностей, демонстративного эффекта, усиленного средствами массовой информации. Удовлетворение возрастающих потребностей, повышение уровня и качества жизни населения может быть обеспечено обновлением средств производства, переходом к новым технологическим укладам, использованием достижений современной промышленной революции. Нужен устойчивый и инклюзивный рост, означающий, что его результаты достаются всем. В противном случае в обществе усиливаются деструктивные процессы, ведущие к его дестабилизации и разрушению.

(2) Конкурентная борьба в мире, в которой проигравшие страны обречены на сырьевую экономику и неэквивалентный обмен с негативными последствиями, а победившие пожирают плоды технологической ренты. Технологическая зависимость общества затрудняет решение многих его проблем, в том числе обеспечение безопасности и суверенитета.

(3) Необходимость решения демографических проблем, снижения смертности и повышение рождаемости, эффективной борьбы с болезнями, их профилактики и т.д. Эпидемия коронавируса наглядно показала значимость достижений в науке и технологиях, в общей культуре. Социальная зрелость общества проявляется в степени его единства, в способности людей к совместным и мобилизационным действиям во имя сохранения жизни.

(4) Потребность в развитии науки, техники и технологий необходима в целях предупреждения и снижения технологических катастроф, решения угрожающих жизни экологических проблем. Советское общество потерпело крушение потому, что не позволило ценам говорить экономическую правду. Рыночная экономика губит окружающую среду и себя, не позволив ценам говорить экологическую правду.

Необходимость развития общества диктуется и тем, что без него невозможно обеспечить обороноспособность и суверенитет. Динамика общества приобретает существенное значение с точки зрения «притягательности». Актуальна эта проблема в отношениях России и стран ближнего зарубежья: мы не только приобретаем, но и теряем союзников в результате низких темпов развития и неспособности решать на современном уровне многие проблемы.

Сдерживание России посредством санкций направлено на торможение ее развития и маргинализацию, на подрыв единства народа, на ослабление и распад страны. Режим санкций возник не сегодня и не исчезнет завтра.

Если в современных условиях устойчивое сохранение общества может быть обеспечено его всесторонним развитием, то само развитие социума зависит от превращения его в субъект, способный осуществлять исторически новую – сознательную, целенаправленную, социально ориентированную деятельность. Имею в виду сознательный, целерациональный характер, социально-гуманитарную направленность этой деятельности. Рациональность, понятая широко, – ценностный феномен.

Анализ истории высвечивает социальное содержание лежащей в её основе деятельности. Пример – фашистская Германия: целерациональные цели, планы их реализации, приведены в действие людские и материально-технические ресурсы. Результаты оказались прямо противоположными целям. Были поработаны страны и народы. Советская страна понесла тяжелейшие потери. Но прекратила существовать Германия как фашистское государство, ее руководство по решению Международного трибунала понесло заслуженную кару. Следовательно, какой бы ни была целерациональная деятельность партий и государств, она, если противоречит интересам и ценностям народов, в конечном счете обречена на провал. Субъектность общества, лишённая гуманистических оснований и замешанная на национализме – превосходстве одной нации над другими ведет к нацизму, что демонстрируют события последних лет.

Важнейшее условие становления общества как субъекта – изменение его социальной структуры, сокращение социального расстояния между «верхами и «низями», измеряемого индексом Джини, удельный вес дееспособных слоев населения, возможности восходящей массовой мобильности, повышение уровня и качества жизни...

Высшее проявление интеграции общества – становление его социальным субъектом, основные черты которого – суверенитет, свобода выбора векторов развития и их реализация в сознательной, целенаправленной, социально ориентированной деятельности. Благодаря такой деятельности общество способно адекватно реагировать на вызовы, улавливать объективные тенденции, ставить и увязывать текущие и перспективные задачи, разрабатывать и реализовывать программы их решения. Когда речь идет об обществе как социальном субъекте, его деятельности и отношениях, то имеется в виду процесс движения от состояния, характеризуемого как общество травмы, к должному, обусловленному необходимостью его сохранения через развитие. Черты общества травмы в той или иной степени присущи многим социальным системам. Их проявление – неопределенность стратегических целей, неустойчивость власти, ее неспособность организовывать совместные действия граждан, доминирование интересов корпоративных и групповых устремлений, конвертация власти и капитала, декоративная оппозиция, несамостоятельность государства [Тощенко, 2020: 31, 38–39, 40–46, 50–56, 315–316, 331].

Особая роль в становлении общества как социального субъекта принадлежит научному диагнозу реальности, анализу полученных результатов, сопоставлению с целями и, в зависимости от степени их совпадения, корректировке деятельности. Сущностно

важны прямые и обратные связи между политическим руководством и массами. Мера совпадения результатов с целями – критерий эффективности и показатель приближения деятельности к объективной динамике общества. Пользуясь метафорой, можно представить целенаправленный курс преобразований общества как шахматную игру с историей [Божич, 2009]. Незрелому политическому руководству, субъективизму и волюнтаризму, неготовности масс история может ставить «мат», о чем свидетельствует крушение СССР. Важный показатель зрелости деятельности общества – способность ее включать в себя рыночные механизмы и использовать их как средства достижения социальных целей.

О сложности и нелинейности движения к сознательной деятельности общества свидетельствуют колебания в разных странах то в сторону социальных программ, то к защите крупных собственников и бизнеса. Сознательная деятельность общества – антипод стихийной эволюции, сторонники которой, постмодернисты, демонстрируют фатализм в трактовке социальных процессов.

Сознательная деятельность, выше представленная как идеальная модель, в реальности проявляется в разных степени и формах, определяемых уровнем развития производства, социальной структурой, состоянием социального государства, гражданского общества, расстановкой и ориентацией политических сил... Исторически первое проявление нового типа деятельности – революционные преобразования XX в. в России. Действия партии Ленина – её предельный вариант со всеми плюсами и минусами. Эта деятельность в западной литературе получает негативную оценку – за редкими исключениями. Американский историк М. Малиа, критикуя Октябрьскую революцию в России, признал, что она представляла собой политический, идеологический и культурный разрыв с извечной традицией: переход от корпоративного иерархического мира, данного людям историей и/или божественным промыслом, к миру, где люди сознательно организуют и формируют свое общество [Малиа, 2015: 309].

Сознательная деятельность общества предполагает объединение усилий индивидов и структур на макро-, мезо- и микроуровнях. В.И. Ленин, размышляя о создании нового общества, видел односторонность и утопизм мыслителей, которые стремились радикально изменить существующий порядок «сверху» (Сен-Симон) либо «снизу» (Ш. Фурье, Р. Оуэн). Возражая им, он обосновал необходимость сочетания действий нового государства с сознательной деятельностью широких масс. Особое внимание Ленин (его последние письма и статьи) уделяет кооперированию крестьян, как способу включения их в деятельность социума. Интеграция – необходимое важное условие формирования деятельности, осуществляющейся впервые в истории по плану и способной, как показали события, решать важнейшие экономические и социальные проблемы. Когда принципы этой деятельности соблюдались, страна добивалась поразивших мир успехов. Когда высшее руководство их нарушало, следовали неудачи и провалы (Н. Хрущев, М. Горбачев, Б. Ельцин).

С точки зрения исторически нового типа деятельности следует рассматривать процессы в мире в XX в.: «Новый курс» Рузвельта, внедрение кейнсианских идей в экономику, немецкое «экономическое чудо» Л. Эрхарда. Во второй половине XX в. ряд стран Восточной Азии покончили с экономическим отставанием и массовой нищетой. Представляет интерес опыт стран Европы, особенно скандинавских, Азии и Латинской Америки. Радикальный вариант нового типа деятельности, основа которой – планово-рыночный механизм, – преобразования последних десятилетий в Китае как прогрессивный вариант деятельности, обеспечивающей длительные высокие темпы экономического развития, успехи во всех сферах жизни.

Такая деятельность развивается неравномерно и противоречиво. Современную социологию можно считать наукой, выражающей процесс ее формирования, соответствующих отношений и коммуникаций. С данных позиций более прозрачна эволюция социологии. На ее этапах на первое место ставились различные явления. В период возникновения на первом плане было общество в целом, затем акцент перемещается на составляющие его образования. Чем дальше, тем больше социологические теории сосредоточены на

активной стороне жизни индивидов и объединений. Среди множества направлений социологии все большую значимость приобретают деятельностно-активистские теории. Их интенция в утверждении доминирующей роли социальных субъектов, практически преобразующих структуры и институты, в показе того, как люди, сообразно традициям, экономическим и другим условиям, сами делают свою историю [Ядов, 2009: 26]. Деятельностно-активистский подход способствует выявлению логики эволюции социологии, более глубокому пониманию ее современного состояния, функций и тенденций развития.

Характеризуя структуру нашей науки, в качестве основных составляющих обычно выделяют макро- и микротеории. Макротеории (марксизм, структурный функционализм, критическая теория Франкфуртской школы) ориентированы на исследование общества как целого, системы. Теории социального обмена, рационального выбора, символический интеракционизм, феноменологическая социология, социальный акционизм сфокусированы на описании и объяснении индивидуальных взаимодействий. Эти два вида теорий непосредственно не сопряжены и трудно сопоставимы. Каждый из них трактуется как особая парадигма. Социология объявляется полипарадигмальной дисциплиной.

Представляется необходимым подвести оба вида теорий под общий знаменатель: рассмотреть с точки зрения субъектов и соответствующей деятельности. Тогда одни теории будут выражать деятельность общества, классов, слоев (социологический реализм), другие – действия индивидов (социологический номинализм). Между этими теориями при таком подходе выявляются как различия, так и сходства, сопряженность, позволяя раскрывать специфику взаимодействия субъектов во времени и в пространстве. Суть номинализма в том, что только индивиды являются реальными единицами; все процессы следует рассматривать сквозь призму их мотивов и действий. «Путь к познанию коллективных целостностей лежит через анализ действий отдельных индивидов» [Мизес, 2005: 43].

Возрастание роли синтеза – критерий зрелости социологии, её социальной направленности. В наше время в социологии доминируют номинализм и методологический индивидуализм. Ориентация на исследование индивидуальных действий и отношений ведет, как отмечалось, к атомизации знания. Социология при такой установке развивается вширь, фиксируя лишь формы взаимодействия индивидов. Такая ориентация порождает идею замены развития изменениями, наука не «дотягивает» до макромира, без чего невозможны качественные преобразования. Дискретный характер социологии в результате господства номинализма не позволяет ставить вопрос и ее социальных функций.

Идеологическая основа социологического номинализма – либерализм, отразивший практики перехода от феодализма к капитализму. Их суть раскрыл в XVIII в. А. Смит. «Каждый отдельный человек имеет в виду лишь собственный интерес, преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае он невидимой рукой направляется к цели, которая не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится служить им» [Смит, 1993: 332].

В разнообразии направлений современной социологии доминирующим остался номинализм. Считается, что объяснение на уровне индивидуальных действий «фундаментальнее» объяснения на уровне системы. В отличие от естествознания, согласно этим взглядам, социологам не удается найти на макроуровне социальной реальности законы или контекст, подобный законам [Шубрт, 2017: 15].

Социологический номинализм в социальных науках подвергается критике, но поворот к принципам, подразумевающим гетерогенность социальной реальности, сложен и противоречив. Он не плод наивного реализма или морального идеализма, а результат теоретического ре- и переконструирования социума. На место одиночки – объекта исследования социального знания – выходит совместный субъект познания и деятельности, погруженный в усложняющийся мир [Колпаков, 2006: 38]. Проблема в том, чтобы довести анализ этого мира до деятельности общества как социального субъекта и образующих его единиц. Социология, погруженная в мир межиндивидуальных взаимодействий,

с трудом движется в данном направлении. Сознательные радикальные преобразования XX – начала XXI в. оказались, как правило, вынесенными за пределы ее предметного поля и интерпретируются как случайные явления. Однако трудности, противоречия и конфликты становления новой деятельности не означают, что «с водой нужно выплескивать и ребенка».

Деятельностно-активистское отношение к реальности разделяют не все. Постмодернисты отрицают возрастание роли субъекта, считая, что стороны взаимодействия равны, границы между ними размыты, субъект не может претендовать на целостность, поскольку переживает кризис идентичности. Такой взгляд отбрасывает социологию назад, поскольку в этом случае она, бросая вызов установленному порядку, и не может содействовать его изменению.

Одно из важных проявлений становления общества социальным субъектом – возрастание спроса на перемены, фиксируемые эмпирическими исследованиями. Требования перемен на разных уровнях – существенная черта современности. Отсутствие их реализации – причина напряженностей, кризисов, конфликтов и протестных движений.

Проблема в прояснении того, в каком направлении должны проходить перемены, кто и каким образом их осуществит. В идеале они могут быть успешны, когда отвечают потребностям населения. Но потребности под воздействием господствующих групп трактуются по-разному, идет борьба за реализацию их вариантов. Между тем постоянные и существенные изменения связаны со становлением общества и индивидов как социальных субъектов. Характер взаимодействия общества как системы и его элементов – традиционно сложная проблема. Интегральные свойства системы во многом определяют деятельность и поведение элементов, подчеркивал Парсонс. Каждое общество, по его мнению, – хорошо интегрированная структура, где каждый элемент выполняет необходимую для его устойчивости функцию. Система ограничивает элементы, ставя их в некие рамки. Однако следует иметь в виду определенную самостоятельность элементов. Каждый из них вносит вклад в изменение системы, что акцентировал Дарендорф.

Становление общества как социального субъекта значимо усложняет его взаимодействие с элементами. Лишь двигаясь в указанном направлении, оно способно самостоятельно и устойчиво развиваться, поддерживать баланс потребностей нынешних и будущих поколений, большинства и меньшинства, решать ключевую проблему современности – подчинить деятельность рыночных институтов задачам общественного развития. Обязательное условие такой трансформации – формирование индивидов как самостоятельных социальных единиц. Парадокс рациональности, описанный в кибернетике как связь повышения управляемости со снижением разнообразия управляемых объектов, здесь не работает. Справедливое, динамично развивающееся общество – не пирамида, его не создадут рабы. Эволюция общества и его элементов в направлении повышения их субъектности – сознательно осуществляемый процесс. Он требует теоретического обоснования. Здесь особая роль социологии. Свою функцию она может выполнять при условии учета новых явлений и смещения акцента в исследованиях.

Становится очевидным: социология должна осуществлять не только анализ отдельных явлений и процессов, но и синтез получаемых результатов, на важность чего обращает внимание С.Г. Кирдина-Чэндлер. Несостоявшийся теоретический синтез, по ее мнению, тормозит развитие научного знания и реальных процессов. Задача такого синтеза в том, чтобы создать общую теорию, соединяющую, казалось бы, несовместимые программы, «перенастроить» научные направления в соответствии с общественными запросами [Кирдина-Чэндлер, 2021]. Синтез предполагает абстрагирование от ряда свойств изучаемых явлений, создавая возможность рассматривать их обособленно друг от друга и в контексте социальных систем. Применительно к социологии сказанное означает: различные образования включаются в систему сознательной, целенаправленной деятельности, где обретают новые свойства и связи. Индивиды и общности превращаются из объектов в субъекты, а предметный мир, структуры и институты – в предпосылки, условия и средства их

деятельности. Сознательная деятельность общества и его образований представляет онтологическую основу социологического синтеза; ее зрелость определяет в итоге характер синтеза. Игнорирование этой базы делает невозможным решать проблемы когерентности, преодолевать разрыв между уровнями анализа социальной реальности, выработать целостное представление о ней.

Социологический синтез сказывается на всех сторонах нашей науки. Он придает ей отличный от других дисциплин характер, особым образом связывает ее с реальностью. Без него невозможно выделить ключевые темы социологии и определить направление ее развития, преодолеть господство ложной новизны, проявляющейся в потоке тем и данных.

В литературе справедливо отмечено, что социологическое знание (отечественное и зарубежное) попадает в «ловушку» фрагментации и не находит сил сгенерировать обобщающую теорию [Амбарова, 2022: 47]. Представляется, что основная причина этого – отсутствие теоретического синтеза; без него невозможно раскрыть сущность явлений. В исследованиях нередко сущность и явление отождествляются, умножая сущности. Но, как писал в XIV в. Оккам, сущности не следует умножать без надобности. В современной социологии они множатся, поощряемые грантовой поддержкой, требованиями «новизны» и «оригинальности», которые теснят обоснованность и достоверность результатов.

В результате синтеза происходит «приращение» социологического знания, поскольку он требует в силу своей природы вовлечения в орбиту исследований все новых явлений, в том числе тех, что отражаются в специальных и отраслевых теориях. Потребность в последних возникает в связи со специализацией и диверсификацией деятельности общества и его образований как субъектов.

Таким образом, прогресс социологии проявляется не только в дифференцированном подходе к реальности, в углублении анализа ее отдельных явлений и аккумуляции знаний о них. Он и в органично связанном с анализом теоретическом синтезе, онтологической основой чего выступает исторически меняющаяся деятельность общностей и индивидов. Анализ – строительный материал, синтез возводит здание науки. Лишь благодаря ему возможно исследовать во всем объеме социальные проблемы общества и обосновывать способы их решения. Представление об обществе и его элементах как социальных субъектах – результат социологического синтеза. Степень научности социологии, следовательно, тесно связана с ее социальной направленностью. Отсюда неудачи попыток преодолеть сциентизм, узкий профессионализм и дисциплинарную ограниченность нашей науки, абстрагируясь от ее социальных функций. Непродуктивно и стремление рассматривать последние, не опираясь на содержание науки.

Заключение. Среди мер, связанных с преодолением существующего состояния социологии, важна роль метатеоретизирования. Широко представленное в зарубежной и отечественной литературе и среди российских социологов, оно открывает возможности интеграции знания, выявления логики его развития, способствует сдвигу в понимании предмета социологии. Однако метатеоретизирование само по себе вряд ли выведет социологию из кризиса. Оно ориентировано на изложение и комментирование наличных теорий. Предложенный диагноз состояния социологии способствует переходу от её интерпретации как полипарадигмальной дисциплины, в которой отсутствуют концептуальное единство, связь между разделами, теорией и эмпирией, содержанием и функциями, к представлениям, где взаимодействие между ними органично по характеру. Нынешнее состояние вызвано тем, что существующие в социологии парадигмы не способны объяснить многие явления современности. Новые теории обострили противоречия между полипарадигмальностью и дисциплинарным единством социологии как нормой науки. Выход не просто в смене парадигм, а в выдвижении их новой формы, которая включала бы в свое содержание предыдущие на более высоком уровне теоретического синтеза. Изложенная трактовка социологии не умаляет существующие теории. Она, учитывая их разную удаленность от ключевых тем, находит этим теориям «место», не позволяя превращаться в универсалии, препятствуя сведению реальности к одной из ее сторон. Трансформация

социологии из абстрактной, атомизированной дисциплины в конкретную науку, способную выполнять познавательные и социальные функции, востребована современностью.

Выявление специфики данной науки позволяет осознать и ее роль как учебной дисциплины в социогуманитарной подготовке специалистов и руководителей. В последнее время она вытесняется из высшей школы. Одна из причин – Болонский процесс. Учебные планы составлены по принципу: раб должен быть здоров и знать язык хозяев, ориентируют университет на подготовку исполнителей и потребителей. Системе образования, гармоничной потребностям времени и общества, надо формировать обучающихся как социальных субъектов – созидателей, творческих личностей, граждан своей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообщества в современной России в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 41–51. DOI: 10.31857/S013216250017229-4.
- Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
- Божич А.С. Большевизм. Шахматная игра с Историей. М.: Алгоритм, 2009.
- Дженкинс Р. Что ждет социологию: вымирание, застой или эволюция? // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 11–21.
- Дудина В.И. Стратегия метатеоретизирования в социологии // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 10–19.
- Дудина В.И. Эпистемологические матрицы социологического знания СПб.: СПбГУ, 2013.
- Иванов Д.В. От глобализации к постглобализации: анклав дополненной современности и перспективы социального развития // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 1. С. 12–18.
- Иванов Д.В. Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 3–13.
- Иванов О.И. Социологическое объяснение: к характеристике современных практик // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 3–9.
- История теоретической социологии. В 5 т. Т. 1. От Платона до Канта. М.: Наука, 1995. С. 5–15.
- Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Несостоявшийся синтез – тормоз реальной практики (методологические замечания по поводу распада СССР) // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250016308-1.
- Ключарев Г.А. Онтологическая проблематика в социологической интерпретации: к постановке вопроса // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 5–16. DOI: 10.31857/S013216250017230-6.
- Колпаков В.А. Послесловие к публикации // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. IX. № 3. С. 34–38.
- Лескова И.А. Концепция субъектоцентрированного содержания высшего образования: монография. М.: Наука, 2016.
- Малия М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира / Пер. с англ. Е.С. Володиной. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М.: Полит. лит-ра, 1966.
- Мизес фон Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.
- Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. 2-е изд. М.: Мысль, 1982.
- Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 29–51.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Наука, 1993.
- Степин В.С. История и философия науки. Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Академ. Проект; Трикста, 2011.
- Татарова Г.Г. Интеграция социологического знания – неизбежный этап в социологии // Телескоп: журнал социологии и маркетинговых исследований. 2012. № 6. С. 2–7.
- Тихонов А.В. Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Новые идеи в социологии: монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 33–49.

- Толстова Ю.Н. История методов исследования как отражение эволюции теоретической мысли в социологии // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 13–23.
- Тощенко Ж.Т. О социологических стратегиях в социологии // Вестник РГГУ. 2014. № 4. С. 11–21.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. С. 352.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 3–12.
- Филиппов А.Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 5–37.
- Штомпка П. «Позитивистский» манифест // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 38–40.
- Шубрт И. Коулман, Коллинз, Гидденс о теории действий как основе общесоциологической теории // Социологическое исследование. 2017. № 2. С. 14–23.
- Щербина В.В. Изменение характеристик социологии как науки (причины, итоги, перспективы) // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 29–39. DOI: 10.31857/S013216250007460-9.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009.

Статья поступила: 21.06.22. Финальная версия: 25.07.22. Принята к публикации: 29.07.22.

CONTOURS AND STROKES TO A PORTRAIT OF SOCIOLOGY

FETISOV V.Ya.

System Initiatives Center, Russia

Vladimir Ya. FETISOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Scholarly Consultant, System Initiatives Center, St. Petersburg, Russia (acooper2002@mail.ru).

Abstract. An important reason for the crisis of sociology is lacking reflection on its content and structure as a discipline, lacking links between its main aspects. Poorly studied remain both influences from the object and subject onto methods and means, content –system of knowledge, epistemological and social functions, and *visе-versa* as well. Meanwhile, social functions largely determine specifics of sociology, for thanks to them it is able to influence practice and get impulses from it for own development. A complex and contradictory process of a new practice-type formation is going on in the world –that of a conscious, purposeful and socially oriented activity of society and its formations, a most important condition for which is achieving a certain degree of its integration. Only as a result of such activity it is possible to ensure sustainable development of society and, consequently, its preservation and reproduction. Therefore, at the present stage, sociology has, if it wants to be in demand, to transform into a theory of this activity, with the relations, forms of communication and respective behavior. The shift in emphasis from the analysis of society and its constituent units as objects to study them as emerging social subjects contributes to transformation of sociology into a modern full-fledged science possessing theoretical coherence and practical significance. The offered interpretation of sociology is a hypothesis to explain and resolve contradictions, problems and paradoxes thus accumulated.

Keywords: subject of sociology, analysis, synthesis, coherence, content of science, system, functions of sociology, social subject, activity.

REFERENCES

- Ambarova P.A. (2022) Social fragmentation of the community in modern Russia in search of sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 41–51. DOI: 10.31857/S013216250017229-4. (In Russ.)
- Batygin G.S. (1986) *Substantiation of scientific conclusion in applied sociology*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Bozhich A.S. (2009) *Bolshevism. Chess game with history*. Moscow: Algorithm. (In Russ.)
- Dudina V.I. (2013) *Epistemological matrices of sociological knowledge*. St. Petersburg: SPbGU. (In Russ.)
- Dudina V.I. (2017) Strategy of metatheorizing in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 10–19. (In Russ.)
- Filippov A.F. (1997) On the “theoretical sociology” concept. *Sotsiologicheskii jurnal* [Sociological journal]. No. 1–2: 5–37. (In Russ.)

- History of theoretical sociology*. (1995) In 5 vol. Vol. 1. From Plato to Kant. Moscow: Nauka: 5–15. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2013) Stages of the evolution of sociology and dominant types of theorizing. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–13. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2019) From Globalization to Post-Globalization: Enclaves of Augmented Modernity and Prospects for Social Development. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. No. 1: 12–18. (In Russ.)
- Ivanov O.I. (2014) Sociological explanation: to the modern practices characteristics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 3–9. (In Russ.)
- Jenkins R. (2015) What awaits sociology: extinction, stagnation or evolution? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 11–21. (In Russ.)
- Karmadonov O.A. (2015) Solidarity, integration, conjunction. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)
- Kirdina-Chandler S.G. (2021) Failed Synthesis as a Brake of Real Practice (Methodological Notes on the Collapse of the USSR). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 27–36. DOI: 10.31857/S013216250016308-1. (In Russ.)
- Kliucharev G.A. (2022) Ontological problems in sociological interpretation: to the formulation of the question. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–16. DOI: 10.31857/S013216250017230-6. (In Russ.)
- Kolpakov V.A. (2006) Afterword to the publication. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. IX. No. 3: 34–38. (In Russ.)
- Leskova I.A. (2016) The concept of subject-centered content of higher education: monograph. Moscow: Nauka: 376. (In Russ.)
- Malia M. (2015) *Locomotives of History: Revolutions and the Formation of the Modern World*. Transl. from Eng. by E.S. Volodina. Moscow: Politicheskaya encyclopediya. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1966) *Feuerbach. The Opposite of Materialistic and Idealistic Views* (New publication of the first chapter of the "German Ideology"). Moscow: Polit. lit-ra. (In Russ.)
- Mises von L. (2005) *Human activity. Treatise on economic theory*. Chelyabinsk: Socium. (In Russ.)
- Oizerman T.I. (1982) *Problems of historical and philosophical science*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Osipova N.G. (2013) Sectoral matrix of modern sociology: the crisis of divergence. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science]. No. 2: 29–51. (In Russ.)
- Shcherbina V.V. (2019) Changing the characteristics of sociology as a science (reasons, results, prospects). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 29–39. DOI: 10.31857/S013216250007460-9. (In Russ.)
- Shubrt I. (2017) Coleman, Collins, Giddens on the theory of action as the basis of general sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 14–23. (In Russ.)
- Smith A. (1993) *Research on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Stepin V.S. (2011) *History and philosophy of science. Textbook for graduate students and applicants for the candidate of sciences degree*. Moscow: Akadem. Proekt; Triksta. (In Russ.)
- Sztompka P. (2015) "Positivist" Manifesto. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 38–40. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2012) Integration of sociological knowledge as an inevitable stage in sociology. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. No. 6: 2–7. (In Russ.)
- Tikhonov A.V. (2013) Domestic sociology: problems of getting out of the state of pre-science and development prospects. In: *New ideas in sociology: monograph*. Moscow: Unity-Dana: 33–49. (In Russ.)
- Tolstova Yu.N. (2013) The history of research methods as a reflection of the evolution of theoretical thought in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 13–23. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2000) Sociology of life as a concept for the study of social reality *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2014) On sociological strategies in sociology. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for Humanities]. No. 4: 11–21. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2009) *Modern Theoretical Sociology as a Conceptual Basis for the Study of Russian Transformations*. St. Petersburg: Intersocis. (In Russ.)

Received: 21.06.22. Final version: 25.07.22. Accepted: 29.07.22.

С.А. КРАВЧЕНКО

АМБИВАЛЕНТНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ЕЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва (sociol7@yandex.ru).

Аннотация. Автор анализирует амбивалентности цифровизации, изменяющие факторы, обеспечивавшие устойчивое развитие социума и природы. Показывается, что их последствия имеют сложную причинность и зависят не только от объективных трендов саморазвития современных реалий, но в значительной степени от выбора людьми путей имплементации цифровых инноваций, что национально и культурно обусловлено. В рационально-формальной модели цифровизации, утвердившейся на Западе и навязанной нам, доминируют тренды хаотизации и дегуманизации, ей имманентно присуща «культура отмены» ценностей других народов. В качестве альтернативы предлагается национально-культурная модель цифровизации, цель которой – создание качественно новых возможностей устойчивого развития страны с учетом возникших конфронтационных геополитических реалий. Автором обосновываются базовые составляющие этой модели, квинтэссенция которых – управление характером и содержанием процессов цифровизации с учетом особенностей культуры и ментальности россиян, нашей цивилизационной специфики. В этом контексте обосновывается востребованность перерождения цифровизации образования с западного прагматизма на цели всестороннего развития личности; цифровизации здравоохранения – с абсолютизации протокола лечения на нахождение его оптимального баланса с искусством врачевания. Делается вывод, что предлагаемая модель цифровизации позволит нелинейно наращивать потенциал устойчивого развития нашего общества.

Ключевые слова: цифровизация • амбивалентность • устойчивое развитие • нелинейность, сложность • «культура отмены» • гуманизм

DOI: 10.31857/S013216250020181-2

Квинтэссенция проблемы: методологические подходы. В начале XXI столетия развернулась цифровизация, представляющая собой совокупность глобальных процессов, ведущих к презентации объектов и субъектов, текстов и образов в цифровом контенте, входящем в со-функционирование с национальным социумом и культурой, живой и неживой природой, традиционными технологиями. Вместе с тем масштабные модернизационные и технологические процессы всегда имели национальную специфику, будучи обусловленными экономическими, социальными, культурными и политическими реалиями [История модернизации..., 2014]. Соответственно, цифровизация, чтобы быть функциональной, особенно в контексте достижения цели устойчивого развития страны, должна быть национально ориентированной, учитывать наши цивилизационные особенности. Это нашло выражение в национальных проектах «Экология»; «Демография»; «Общественное здоровье»; «Образование»; «Жилье и городская среда» и др. Все проекты имеют цели и целевые показатели, предусматривают конкретные сроки реализации. ВЦИОМ регулярно осуществляет подборку данных по проблематике внедрения в проекты достижений цифровизации и искусственного интеллекта¹.

¹ См.: URL: [rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_102020.pdf](https://www.vciom.ru/press-releases/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_102020.pdf) (дата обращения: 24.07.2022).

Цифровые новации имеют амбивалентные последствия, переводят проблему устойчивого развития в качественно иное состояние: под вопрос ставятся прежде казавшиеся «универсальными» факторы, его обеспечивавшие, соответственно, прежние методологические подходы к их интерпретации. Ныне уже невозможно мыслить самодостаточность общества через призму теории Т. Парсонса, исходившей из того, что его «подвижное равновесие», жизненность и эффективность социетального сообщества, фидуциарной, политической и экономической подсистем обеспечивается реализацией требований (AGIL), которыми являются адаптация, целедостижение, интеграция, латентное воспроизводство генетического кода [Парсонс, 1994]. Принципиально новым в современном развитии, отмечает Дж. Урри, стало то, что исчезают «чистое» общество и «аутентичная» природа – зародились и получают все большее распространение гибриды: «социальные и физические/материальные миры полностью переплетаются» [Урри, 2011: 8]. Для анализа становления социоцифроприродных реалий гибридного типа, возможностей их устойчивого развития востребованы теории, основанные на усложняющейся меж- и постдисциплинарности. Среди них акторно-сетевая теория Б. Латура, Дж. Ло и др., акцентирующая взаимовлияние социального, технического и природного. По их мнению, возникшие гибриды социальных акторов с нечеловеческими актантами обладают качественно иной функциональностью [Латур, 2014; Law, 2004]. Деятельность индивидуальных и коллективных акторов предполагает функционирование материально-цифровых объектов в сложном фрейме, обусловленном не только культурой и прежним социальным опытом, но и цифровой сетью, размывающей пространственно-временные рамки прежнего мира. Гибриды социальных и нанокомпонентов создают новые рационально-прагматические опции, необходимые для устойчивого развития в условиях социоприродной турбулентности, трансформируют представления о роли науки как атрибутивном факторе прогресса и социального процветания. Полагаем, в методологии Б. Латура особую значимость имеет постулат о том, что внедрение технологических инноваций, взаимодействие социальных акторов с нечеловеческими актантами должно осуществляться на основе демократизации научного знания [Латур, 2018].

Цифровизация стала драйвером нелинейных преобразований, однако ведущим к *амбивалентным последствиям*, сочетающим дезорганизацию и организацию. Полвека назад Р. Мертон критически подошел к парсоновской теории – суть его теоретических инноваций состояла в том, что социальные формы становятся предрасположенными к функциональной амбивалентности [Merton, 1976]. С тех пор под влиянием ускоряющейся социальной и культурной динамики, развития науки и цифровых технологий *амбивалентности качественно усложнились* по крайней мере в трех смыслах: 1) гибридные социоцифроприродные реалии обрели *рефлексивную функциональность* – она детерминирована *аутопойезисом*, порожденным *«внутрисистемной неопределенностью, которая может быть редуцирована лишь собственными структурными образованиями системы»* [Луман, 2004: 69]; 2) особенностью их существования является *нелинейное развитие* в контексте разрывов и травм [Alexander, 2012; Тощенко, 2020], некоторые из которых обретают характер «естественных» и «нормальных» [Gravchenko, 2020: 150–159]; 3) содержание амбивалентностей цифровизации зависит как от внутреннего контекста – политических целей, ценностей и норм культуры, идеологий, общественного сознания, так и внешних геополитических реалий.

В одно историческое время в разных странах процессы цифровизации протекают *национально и культурно обусловлено*. Их целеполагание и функциональность политически и идейно задаются. Из этого следует, что конкретные последствия амбивалентностей цифровизации зависят не только от объективных трендов, но в значительной степени от субъективного фактора – *выбора* людей, их видения путей имплементации цифровых инноваций и, соответственно, будущего страны. Этот выбор осуществляется в диапазоне от слепого заимствования/импорта ноу-хау и чипов до создания собственного цифрового облака, функционирующего на основе собственных технологий и в национальных интересах. Сегодня становится все более очевидным, что российскому обществу неадекватна

навязанная извне формально-рациональная модель цифровизации, основанная на следовании «универсальным» либеральным ценностям. По существу, она латентно внедряла «культуру отмены» – было прекращено производство отечественных телевизоров, автомобилей, станков с собственным программным и чиповым обеспечением; под предлогом «заидеологизованности» разрушено советское образование, а главное – отменялось креативно-гуманистическое мышление, выражавшее историческую предрасположенность россиян к самообучению, изобретательству, творению высокого искусства и осуществлению добрых дел с ориентацией на социальную справедливость.

Новая геополитическая обстановка проявляется в утрате функциональности либеральной модели глобализации, основанной на развитии стран «золотого миллиарда» за счет людских и природных ресурсов остального мира, в переходе от однополярного к многополярному миру, в увеличении дезорганизации и хаотизации международных отношений. Это требует преодоления формально-рациональной модели цифровизации и имманентно присущей ей «культуры отмены» национально-локального контента – западные социальные практики и ценности, цифровые технологии выражают-де «универсальное» и «самое правильное», олицетворяя «цивилизованность». Альтернативой ей, полагаем, должна стать *национально-культурная модель цифровизации*, нацеленная на воспроизводство *национального человеческого капитала, устойчивое развитие социума и природы*, придание научным и технологическим инновациям, образованию, здравоохранению социогуманистического вектора развития. Для выработки такой модели цифровизации востребованы новые теоретико-методологические подходы, ориентированные на изучение функционального потенциала *национально-локальных реалий*. Несомненно, следует учитывать созданные мировой научной мыслью новейшие меж- и постдисциплинарные парадигмы. Но они обусловлены западными культурными реалиями, предполагают формально-рациональную «эпистему» – по М. Фуко, набор прагматических дискурсивных правил, задающих соответствующую структуру мышления в контексте власти и знания [Фуко, 2004]. Необходимо их критически «переоткрыть» с учетом базовых ценностей, традиций нашей культуры, ее гуманистического потенциала. Успешные исследования в этом направлении предпринимались российскими учеными [Горшков, 2020; Лапин, 2021]. Со своей стороны, мы предложили контуры концепции «гуманистического цифрового поворота». Его квинтэссенция выражается в необходимости перехода от прагматически ориентированной цифровизации, фактически ведущей к прагматическому администрированию экономикой, наукой, образованием, здравоохранением, к «умному управлению», гуманистическому вектору развития, что является ответом на вызовы становления сложной, нелинейно развивающейся реальности. Акцентирование значимости фактора гуманизма в практиках цифровизации позволит обеспечить устойчивое со-развитие общества, природы, новейших технологий [Кравченко, 2019: 397–405].

Амбивалентности рационально-формальной модели цифровизации: доминирование трендов хаотизации и дегуманизации. Под влиянием цифровизации, ее рационально-формальной модели возникли глобальные сети, функционирование которых амбивалентно для устойчивого развития, что рельефно видно на примере изменений в характере коммуникаций. С одной стороны, данные сети раздвигают пространственно-временные границы, образуя, отмечает М. Кастельс, «соседствующие пространства», функционирующие во «вневременном времени». Если прежде люди взаимодействовали друг с другом непосредственно в своих жизненных мирах, то в сетевом обществе зарождается и получает распространение «массовая самокоммуникация» – «форма коммуникации, включающая в себя Интернет, аватар-интеракцию в виртуальном пространстве, а также цифровой контент», что формирует «новую коммуникационную среду», основанную на «культуре реальной виртуальности» [Castells, 2010: XXX, XXXI]. В результате люди, отдаленные в физическом и социальном пространствах, могут контактировать друг с другом.

С другой стороны, увеличение подобного рода коммуникаций и сетевых взаимодействий, в которых отсутствуют общие ценности и стабильные смыслы, ведет к производству

неустойчивого, короткоживущего социума, дисперсии нормативности и порядка. «Интернет “сообщества”, – отмечал З. Бауман, – не предназначены для долгоживучести... К ним легко присоединиться, но, аналогично, их легко покинуть и бросить в любой момент, когда внимание, симпатии или антипатии, настроение или мода повернулись в другое направление» [Bauman, 2011: 90, 92]. В социальных сетях разыгрываются онлайн перформансы, способствующие, как считает Дж. Александер, стиранию различия между реальным человеком и его инсценированным телом [Alexander, 2017: 102–103]. Если прежде лживая и дисфункциональная сущность «парадоксального человека» была сравнительно устойчивой и легко видимой – его парадоксальность поведения и сознания «наглядно обнаруживалась в конкретных жизненных ситуациях, когда публично и словесно провозглашаемые суждения опровергались практическими действиями» [Тощенко, 2001: 55], то его современный прототип, как правило, более сложен и латентен: цинизм, лицемерие и смена масок камуфлируются симулякрами и воспроизводятся кодами обновляющихся соблазнов [Бодрийяр, 2000]. Он способен перманентно менять обличье благодаря формированию в сетях неисчислимого множества «цифровых тел», означенных «успехом» и «звездностью».

В значительной степени под влиянием цифровизации начался процесс дисперсии национальной принадлежности: прежняя дуальность коренной – «чужак»-иностранец стала неоднозначно функциональна, способствуя «отмене» этнической идентичности, ранее казавшейся прирожденной и пожизненной. «Все методы исследования, – пишет У. Бек, – которые оперируют такими статическими концептами, как “иностранец” и “коренной”, не годятся для реальностей жизни, которая все более становится транснациональной и включает плюрализм присоединений, выходящих за границы стран и национальной принадлежности» [Beck, 2007: 26].

Хаотизации социума и природы способствует эффект, обозначенный Э. Гидденсом своим именем – «парадоксом Гидденса». Суть его в том, что ныне люди не реагируют должным образом на отложенные во времени негативные последствия своей деятельности. К таковым, обусловленным цифровизацией, социолог относит следующие: «угроза стабильности благосостоянию и образовательным системам, равно как и более широким чувствам солидарности»; «различия между цифровым производством – компьютерным миром – и реальным миром становится размытым»; «многие индивиды – возможно, большинство – не ощущают себя целостными идентичностями» [Giddens, 2016: 59, 76, 144]. Очевидно, в рационально-формальной модели цифровизации «культура отмены» проявляется в отношении ряда базовых ценностей самой западной цивилизации (свободы слова, права собственности, толерантности к инакомыслию). Доминирующие в ней тренды хаотизации и дегуманизации делают ее весьма рискогенной для устойчивого развития и социума, и природы.

Рационально-формальная модель цифровизации, по существу, умаляет значимость *этических проблем* использования нанотехнологий для «совершенствования» человеческого тела и разума. Эти технологии, несомненно, позволяют устранять ряд «генетических ошибок» природы, осуществлять восстановление зрения или слуха, подвижностей конечностей в случаях травм мозга. Однако их использование для легитимации «текущести» не только морально-этических принципов, но даже гендера и пола ставит под вопрос устойчивое развитие человека как Homo Sapiens. Особенно рельефно проявляются амбивалентности, связанные с внедрением чипирования (вживления в человека микрочипов-имплантатов, содержащих информацию), что ныне стало предметом эмпирических исследований социологов. Опрос, проведенный ВЦИОМ, выявил, по мнению россиян, следующие преимущества чипов: не нужно носить с собой документы (9%); легче найти потерявшегося человека (6%); бесконтактная оплата, проще оказывать медпомощь (по 4%); борьба с преступностью (2%). При этом треть опрошенных (32%) затруднились ответить, треть (34%) высказались против чипирования. К недостаткам и рискам чипирования россияне отнесли: слежку (35%); влияние на психику (16%); возможность

манипулирования/зомбирования (11%)². Как видно, негативные оценки чипирования существенно преобладают над позитивными. Эти данные свидетельствуют: некоторые последствия цифровизации означают новые этические вызовы, сказывающиеся на обеспечении онтологической безопасности человека и функционировании общественных институтов, устойчивости социума в целом. Полагаем, минимизировать риски амбивалентных проявлений цифровизации негативного толка можно прежде всего за счет выработки гуманистически ориентированных управленческих подходов к распространению новых био- и цифровых технологий с учетом базовых ценностей и этических принципов, исторически сформировавшихся в национальной культуре.

Национально-культурная модель цифровизации: новые опции устойчивого развития. Альтернативой рационально-формальной цифровизации может стать гуманистически ориентированная модель, функционирующая на основе национальных и культурных ценностей и субстантивной рациональности. На ее основе можно сформировать качественно новые опции устойчивого развития нашей страны с учетом конфронтационных геополитических реалий, созданных коллективным Западом. Предложим следующие базовые составляющие этой модели. 1. *Институционализация гуманистически ориентированного управления цифровизацией* с целью формирования молодых людей как креативных акторов, сохраняющих человеческую духовность, национально-культурную преемственность поколений, историческую память на фоне ныне происходящих метаморфоз с процессами социализации и воспитания. Как считает У. Бек, «молодые поколения уже родились как “цифровые сущности”. То, что упаковано в магическое слово “цифра”, стало частью их “генетического наряда”... Для них метаморфоза стала второй природой, в то время как старшие поколения рассматривают ее как угрозу своему существованию» [Бек, 2016: 189]. Предполагаемый тип управления цифровизацией нацелен на гуманизацию экономики, науки, образования, здравоохранения, социальной жизни, включая гармонизацию отношений между поколениями. «Управление, – отмечает А.В. Тихонов, – которое не выполняет в обществе гуманистическую функцию, превращается в манипулирование людьми, в технологию достижения любой, в том числе аморальной и асоциальной цели» [Тихонов, 2007: 128]. Гуманистическая функция управления позволяет целенаправленно формировать содержание цифровизации – залог преемственности в развитии поколений, позволяющий противостоять «культуре отмены».

2. *Цифровизация, обеспечивающая баланс ускоряющегося развития с сохранением долгоживущих ценностей.* Вхождение в скоростной «темпомир», предполагающее новый режим самоорганизации [Князева, 2002], стало одним из значимых индикаторов «эффективности» прагматической цифровизации. По мнению Дж. Урри, сформировавшийся «фетишизм движения» утвердился во всех сферах жизнедеятельности людей [Urry, 2008: 197]. Однако если определенная часть общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, не успевает рефлексировать по поводу последствий цифровизации, то могут возникать принципиально новые вызовы устойчивому развитию. Они выражаются в том, что скоростные темпы жизни урезают функциональность статичных смыслов, ритуалов, солидарностей, веры, институциональных рутин – всего того, что «поддерживает чувство онтологической безопасности» [Гидденс, 2003: 385]. Скорость доступа к новой информации, ее перманентное обновление изменяют характер общественного сознания – оно утрачивает качество стабильности, способствуя включению в него кентавризмов [Тощенко, 2011] и «цифрового мусора» [Mosco, 2017: 144]. Скоростное клиповое мышление имманентно предполагает «культуру отмены», формирующую у людей желание новизны, получения благ без существенных затрат физической и умственной энергии, что побуждает принимать все инновации, особенно означенные симулякрами «успешности», быстро и без их критического осмысления. Отсюда следует, что необходимо «очеловечить» скорость цифровых изменений, имея в виду сохранение базовых ценностей

² См.: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10418>

в контексте имплементации принципов «поворота ригидности» [Кравченко, 2021: 12–22], которые обеспечивают преемственность функционирования институтов, воспроизводство социальной стабильности и защищенности.

3. *Ресурсно ориентированная цифровизация, нацеленная на рачительное отношение к природе.* Первые ростки ее прослеживаются на путях перехода к социальной экономике и биоэтике. В мире, отмечает М. Кастельс, утверждаются «альтернативные ценности: ценность жизни над ценностью денег; эффективность сотрудничества над жестокостью конкуренцией; социальная ответственность над краткосрочными финансовыми стратегиями» [Castells, 2017: 1]. На этих основаниях разработаны постантропоцентрические цифровые технологии, предполагающие формирование гуманного отношения людей к цифровым актантам и биоприроде [Braidotti, 2013]. Полагаем, эти инновационные предложения, адаптирующие принципы гуманизма к современным цифровым реалиям, весьма значимы для устойчивого развития.

4. *Цифровизация образования, переориентированная с формального рационализма и прагматизма на цели всестороннего развития личности.* В свое время Р. Мертон отмечал, что распространение социальных практик, обусловленных формальной рациональностью, приводит к утрате самостоятельного, творческого мышления, что было обозначено им «обучением неспособности» [Мертон, 2006]. По существу, заимствованная у Запада модель цифровизации утверждает его новые формы: альтернативой занятиям в библиотеке становится «зависание» в интернете, учебные тексты и энциклопедии подменяются Википедией, содержащей в концентрированном виде «культуру отмены» академического знания. Существенные побочные потери для образования, обусловленные прагматической цифровизацией, ныне осознаются и зарубежными исследователями. Как считает канадский социолог У.Х. Вандербург, система современного образования «отделена от жизненного опыта и культуры», студенты «стали зависимыми от “гугливания”», они «полагаются на многочисленные факты и мнения, доступные из их мобильных компьютеров». Реальная опасность прагматически ориентированных цифровых форм «обучения неспособности» осознается широкой научной общественностью. Некоторые профессора, представляющие компьютерную науку, «потратили много времени, убеждая руководство школ убрать компьютеры из классов» [Vanderburg, 2016: 256–292, 348]. Его соотечественник В. Моско утверждает, что компьютерное обучение, нацеленное на научение студентов мыслить подобно компьютеру, по существу, олицетворяет собой «новую технологическую религию, сингулярность и трансгуманизм» [Mosco, 2017: 115, 123].

Необходимо признать, что сама по себе цифровизация образования – не самоцель, а инструмент добычи информации с амбивалентной функциональностью. Опираясь на гуманистические традиции советского образования, современные учителя в силах преодолеть влияние прагматической цифровизации и «компьютерного мышления». Процесс превращения информации в знание подвержен вызовам «культуры отмены» смысла вообще: «Мы живем в мире, – отмечал Ж. Бодрийяр, – где информации становится все больше, а смысла все меньше» [Baudrillard, 1994: 79]. Выработка собственно знания включает в себя критическое осмысление информации, креативность, диалоговое обучение, противопоставление исторической правды «не-событиям» и «постправде» (Ж. Бодрийяр), формирование мировоззрения с гуманистическим стержнем.

5. *Цифровизация здравоохранения, предполагающего принципы оптимального соотношения протокола лечения с сохранением искусства врачевания.* Распространение цифровой диагностики и лечения пациента при всех достоинствах этих практик, особенно в период эпидемий, латентно минимизирует роль искусства врачевания как непреходящей ценности. Полагаем, необходимо защитить от «культуры отмены» искусство врачевания, имеющее глубокие корни в российской культуре, в лечебных практиках земских докторов – оно может выступить значимым фактором нашей национально-культурной модели развития здравоохранения.

6. *Цифровизация науки, гармонизирующая взаимодействие человека с природой, микро- и макромиром.* Цифровые технологии позволяют создать, по существу, качественно новый научный инструментарий, открывающий возможности исследования гибридных реалити в контексте преодоления разделения общества и «мира» машин. Соответственно, начался процесс перехода от монодисциплинарных к междисциплинарным подходам. При этом крайне важным для устойчивого развития придать междисциплинарному знанию гуманистический стержень, позволяющий задавать пределы ряда научных исследований (эксперименты с бактериями, нацеленные на создание новых штаммов; чипирование мозга, исходя из принципов «садовника», знающего-де, какой социум является «сорняком»). Эти пределы экзистенциально значимы для сохранения не только духовной сущности человека, но и первозданной природы.

* * *

Различным сообществам соответствуют разные типы модернизации и, соответственно, модели цифровизации. Заимствованная нами у Запада формально-прагматическая модель помимо возможностей для обороны, национальной безопасности, экономического роста, оптимизации логистики, столь необходимых для устойчивого развития страны, порождает множество ненамеренных последствий, деструктивных тенденций, включая вызовы «культуры отмены». Современная геополитическая ситуация востребовала альтернативную модель в виде национально-культурной цифровизации. В перспективе она позволит, сохранив необходимые рациональные компоненты, технологические инновации, выработанные человечеством, минимизировать тренды хаотизации и дегуманизации, сформировав новые возможности креативного и гуманистического толка, позволяющие нелинейно наращивать потенциал устойчивого развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 18.07.2008. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3429/3430> (дата обращения: 04.05.2022).
- Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академ. Проект, 2003.
- Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. М.: Весь Мир, 2020.
- История модернизации как предмет социально-философского анализа / Отв. ред. В.Г. Федотова, В.А. Колпаков. М.: ИФ РАН, 2014.
- Князева Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002.
- Кравченко С.А. Востребованность «поворота ригидности» для устойчивого развития: контуры концепции // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 12–22. DOI: 10.31857/S013216250015998-0.
- Кравченко С.А. Социология в движении: востребованность гуманистического цифрового поворота (на англ. яз.) Sociology on the move: The demand for humanistic digital turn // Вестник РУДН. 2019. Т. 19. № 3. С. 397–405. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-397-405.
- Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021.
- Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014.
- Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
- Парсонс Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. М.: ИНИОН РАН, 1994.
- Тихонов А.В. Социология управления. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
- Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011.
- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография. М.: Гардарики, 2001.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия; Универ. книга, 2004.

- Alexander J.C. *The Drama of Social Life*. Cambridge: Polity Press, 2017. P. 102–103.
- Alexander J.C. *Trauma: A Social Theory*. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Michigan: University of Michigan Press, 1994.
- Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Beck U. *Cosmopolitan Version*. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press, 2013.
- Castells M. et al. *Another Economy is Possible*. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Castells M. *The Rise of the Network Society*. Second Ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Giddens A. *Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe?* Cambridge: Polity Press, 2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10418>
- Kravchenko S.A. The birth of “normal trauma”: The effect of non-linear development // *Economics and Sociology*. 2020. No. 2. P. 150–159. DOI: 10.14254/2071-789X.2020/13-2/11.
- Law J. *After Method: Mess in Social Science Research*. London, New York: Routledge, 2004.
- Merton R.K. *Sociological Ambivalence and Other Essays*. New York: Free Press, 1976.
- Mosco V. *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2017.
- Mosco V. *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Emerald Publishing Limited, Bingley, 2017.
- Obasogie O.K., Darnovsky M. (eds) *Beyond Bioethics: Toward a New Biopolitics*. California: University of California Press, 2018.
- Urry J. *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2008.
- Vanderburg W.H. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press, 2016.

Статья поступила: 04.05.22. Финальная версия: 24.07.22. Принята к публикации: 27.07.22.

THE AMBIVALENCES OF DIGITALIZATION: THE DEMAND OF ITS NATIONAL-CULTURAL MODEL FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

KRAVCHENKO S.A.

MGIMO-University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Philos), Head of the Sociology Department, MGIMO-University; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia, Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

Abstract. The author has analyzed ambivalences of digitalization, which change the factors that ensured sustainable development of *socium* and nature. It is shown that their consequences have a complex causality – they are depended not only on the objective trends of self-development of modern realities, but largely on people’s choice of ways to implement digital innovations, that are nationally and culturally conditioned. The rational-formal model of digitalization, as emerged in the West and imposed on us, is dominated by chaotization and dehumanization trends, its inherent trait is a “cancel culture” towards values of other nations. As an alternative to it, there has been proposed a national and cultural model of digitalization aiming to create qualitatively new opportunities for sustainable development of the country, taking into account confrontational geopolitical realities that have arisen. The author substantiates basic components of this model, quintessence of which is the governance of the content and characteristic features of digitalization processes, taking into account the culture and mentality of the Russians, their civilizational specificity. In this context, a reorientation of digital education from Western pragmatism to the goals of comprehensive personal development is argued for as well as the digitalization of health care – from the absolutization of the treatment protocol to finding its optimal balance with the art of healing. It is concluded that the proposed model of digitalization will nonlinearly increase potential for sustainable development of our society.

Keywords: digitalization, ambivalence, sustainable development, non-linearity, complexity, “cancel culture”, humanism.

REFERENCES

- Alexander J.C. (2012) *Trauma: A Social Theory*. Cambridge: Polity Press.
- Alexander J.C. (2017) *The Drama of Social Life*. Cambridge: Polity Press.
- Baudrillard J. (1994) *Simulacra and Simulation*. Michigan: University of Michigan Press.
- Baudrillard J. (2000) *De la Seduction*. Moscow. Electronic publishing: Center for Humanitarian Technologies. 18.07.2008. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3429/3430> (accessed 04.05.2022). (In Russ.)
- Bauman Z. (2011) *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2007) *Cosmopolitan Version*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2016) *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Braidotti R. (2013) *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press.
- Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society*. Second Ed. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Castells M. et al. (2017) *Another Economy is Possible*. Cambridge: Polity Press.
- Fedotova V.G., Kolpakov V.A. (eds) (2014) *The History of Modernization as a Subject of Socio-Philosophical Analysis*. Moscow: IF RAN. (In Russ.)
- Foucault M. (2004) *Archaeology of Knowledge*. St. Petersburg: Gumanitarnaya Academia; Univer. kniga. (In Russ.)
- Giddens A. (2016) *Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe?* Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A. (2003) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2020) "There is Such a profession – To Study Society". Selected Articles, Interviews, Biographical Revelation. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Knyazeva E.N. (2002) *Foundations of Synergetics. Regimes with Aggravation, Self-Organization, and Tempo-Worlds*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2019) Sociology on the Move: The Demand for Humanistic Digital Turn. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 19 No. 3: 397–405. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-397-405.
- Kravchenko S.A. (2020) The birth of "normal trauma": The effect of non-linear development. *Economics and Sociology*. No. 2: 150–159. DOI: 10.14254/2071-789X.2020/13-2/11.
- Kravchenko S.A. (2021) The Demand for the "Rigidity Turn" for the Sustainable Development: Contours of a Concept. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 12–22. DOI: 10.31857/S013216250015998-0. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2021) *The Complexity of New Russia's Becoming. Anthroposophical and Socio-Cultural Approach*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Latour B. (2018) *Politics of Nature: How to Bring the Sciences Into Democracy*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Law J. (2004) *After Method: Mess in Social Science Research*. London, New York: Routledge.
- Luhmann N. (2004) *Society as a social system*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Merton R.K. (1976) *Sociological Ambivalence and Other Essays*. New York: Free Press.
- Mosco V. (2017) *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley: Emerald Publishing Limited.
- Obasogie O.K., Darnovsky M. (eds). (2018) *Beyond Bioethics: Toward a New Biopolitics*. California: University of California Press.
- Parsons T. (1994) Some Problems of General Theory in Sociology. In: *Modern Western Theoretical Sociology*. Moscow: INION RAS. (In Russ.)
- Tikhonov A.V. (2007) *Sociology of Governance*. Moscow: "Kanon+" ROOI "Rehabilitation". (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2001) *Paradoxical Man: Monograph*. Moscow: Gardariki.
- Toshchenko Zh.T. (2011) *The Centaur-Problem: A Philosophical and Sociological Analysis*. Moscow: Novyi Khronograf. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (A Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Urry J. (2008) *Mobilities*. Cambridge: Polity Press.
- Urry J. (2011) *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press.
- Vanderburg W.H. (2016) *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press.

Received: 04.05.22. Final version: 24.07.22. Accepted: 27.07.22.

Методология и методы социологических исследований

© 2022 г.

И.В. МЕРСИЯНОВА, Н.В. ИВАНОВА, А.С. БРЮХНО

ИЗМЕНИЛАСЬ ЛИ ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РОССИЙСКИХ НКО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ?

МЕРСИЯНОВА Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях департамента политики и управления факультета социальных наук, директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора (imersianova@hse.ru); ИВАНОВА Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник того же Центра (nvivanova@hse.ru); БРЮХНО Александра Сергеевна – стажер-исследователь научно-учебной лаборатории междисциплинарных исследований некоммерческого сектора (abryuhno@hse.ru). Все – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. В статье представлены результаты расчетов индекса цифровых компетенций российских НКО и их интерпретация в свете теоретических представлений об эффективной деятельности НКО в цифровом пространстве. Эмпирической основой расчетов являются данные всероссийских обследований негосударственных некоммерческих организаций в точке входа в пандемию (2019) и через год после ее начала (2021). Оценка текущей ситуации показала, что российские НКО слабо используют возможности цифровых технологий: среднее значение индекса составляет 2 балла из 10 ($SD = 1,6$). Сделан вывод о том, что цифровизация коснулась в первую очередь тех НКО, которые уже применяли информационные технологии в своей деятельности, за время пандемии обратились к новым для себя цифровым инструментам, тогда как организации, ранее не использовавшие цифровые технологии, оказались немотивированными внедрять их в свою деятельность. Это свидетельствует о проявившейся в период пандемии «цифровой поляризации» НКО, которая усиливает разрыв между выделенными на основе индекса группами «цифровых аутсайдеров» и «цифровых лидеров».

Ключевые слова: НКО • цифровизация • цифровые технологии • цифровые компетенции • индексы • пандемия

DOI: 10.31857/S013216250020647-4

Глобальные процессы цифровой трансформации в сфере государственного управления и в бизнесе актуализируют экспертный дискурс в этой области и научный анализ происходящих изменений, выявление особенностей цифровизации применительно к различным сферам экономики и управления, исследование инновационного потенциала и перспектив внедрения цифровых технологий и концептуализацию понятия цифровой трансформации в свете современных теорий управления и экономики [Gil-Garcia et al., 2018; Van Veldhoven, Vanthienen, 2019].

Аналитическое осмысление цифровой трансформации применительно к некоммерческим организациям (НКО), являющимся важнейшими каналами мобилизации гражданской активности россиян, пока отстает. Инструментом, улавливающим состояние цифровой

компетенции НКО, служат индексы, характеризующие их деятельность в цифровой среде. В мировой практике они немногочисленны и представляют собой адаптацию индексов, разработанных для бизнеса.

В российском контексте актуальность разработки индекса, позволяющего оценить уровень цифровых компетенций НКО с учетом их потребностей и особенностей, обусловлена возрастающей ролью некоммерческих организаций и сектора в целом в экономическом и социальном развитии нашей страны. На сегодняшний день в России зарегистрировано около 210 тыс. некоммерческих организаций, которые оказывают широкий спектр услуг, включая социальное обслуживание, образование, организацию досуга, патриотическое воспитание, оказание психологической помощи, социальную интеграцию людей с ограниченными возможностями, помощь различным категориям населения, оказавшимся в трудной ситуации, и многое другое. Некоммерческие организации внесли заметный вклад в оказание помощи населению в ситуации пандемии: открыли «горячие линии» психологической поддержки, помогли освоить дистанционное обучение школьников, опекали бездомных, доставляли продуктовые наборы и помогали людям старшего возраста. На НКО возлагаются большие надежды со стороны населения. Так, согласно данным всероссийского опроса населения, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2021 г. ($N = 2000$), 78% респондентов считают, что НКО и общественные инициативы должны включаться в решение социальных проблем наряду с государственными учреждениями¹.

В рамках исследования разработан индекс цифровых компетенций некоммерческих организаций, который является инструментом, позволяющим оценить степень внедрения цифровых технологий в деятельность НКО. На основе показателей индекса решается основная задача исследования – сопоставление уровня цифровой компетентности НКО в период, предшествующий пандемии, и в период пандемии. Подобное сравнение позволяет ответить на вопрос о том, как повлиял кризис пандемии на динамику внедрения информационных технологий в российский некоммерческом секторе.

Опыт оценки состояния цифровой компетентности НКО. Мировой опыт последних лет свидетельствует о растущем осознании важности внедрения цифровых технологий в деятельность НКО. Развитие цифровых технологий и социальных медиа предоставляет некоммерческим организациям новые возможности эффективной коммуникации с целевыми группами и ключевыми стейкхолдерами, содействует узнаваемости, прозрачности и легитимности НКО, повышению общественного доверия к организациям третьего сектора.

На фоне активно развивающегося инструментария оценки сформированности цифровых компетенций на межстрановом, страновом уровне и в различных секторах экономики индексы цифровизации НКО не столь многочисленны. Импульс к разработке индексов цифровизации некоммерческого сектора в настоящее время исходит от консалтинговых бизнес-компаний, а не от самого сектора или его исследователей. Актуальность разработки отдельных индексов цифровизации для НКО обусловлена фундаментальными отличиями потребностей НКО от потребностей коммерческих структур. Стратегия приращения цифровых технологий коммерческими компаниями преследует цели максимизации прибыли, увеличения доли рынка, повышения доходов акционеров. НКО не имеют в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли. В связи с этим они принципиально отличаются от коммерческих организаций своей миссией, стратегиями ее реализации, целевыми аудиториями. НКО действуют в условиях дефицита ресурсов,

¹ Данные всероссийского опроса городского и сельского населения Российской Федерации в возрасте 18 лет и старше, проведенного в декабре 2021 г. в рамках Мониторинга состояния гражданского общества Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. По многоступенчатой стратифицированной территориальной случайной выборке опрошено 2000 респондентов, проживающих в 8 федеральных округах, в 48 субъектах РФ, в 133 муниципальных образованиях, в том числе сельских. Квоты по основным социально-демографическим параметрам – пол, возраст, уровень образования и тип населенного пункта.

отличаются от бизнес-компаний набором финансовых операций, особенностями организационной культуры и управления [Shafiee Nahrkhalaji et al., 2019]. Миссия некоммерческих организаций заключается в производстве общественного блага, подход к измерению цифровых компетенций НКО, их роли в повышении эффективности организаций призван отражать эту специфику².

Существующие индексы цифровизации НКО методологически строятся как адаптация соответствующих индексов коммерческих компаний к потребностям некоммерческого сектора. «Исторически сложилось, что некоммерческие организации недоинвестируют в цифровые технологии, поскольку их финансирование направлено прежде всего на оказание прямых социальных услуг»³.

Развитие цифровых компетенций некоммерческих организаций обусловлено необходимостью эффективного взаимодействия с организациями государственного сектора и бизнеса, находящимися на значительно более развитых стадиях цифровой трансформации. Согласно данным доклада, опубликованного на сайте парламента Великобритании, некоммерческий сектор в целом отстает от коммерческого сектора в использовании цифровых инструментов приблизительно на пять лет⁴. Индекс цифровизации благотворительного сектора Великобритании первоначально был выстроен на основе комбинированного индекса базовых цифровых компетенций для бизнеса и благотворительного сектора Великобритании, который разрабатывается банком Lloyds с 2014 г. Лишь в 2019 г. банк предложил отдельный индекс стратегически важных цифровых компетенций для сектора НКО⁵. В основе индекса лежат восемь переменных, принимающих значения от 0 до 100: (1) доля онлайн-обращений, (2) доля онлайн-транзакций, (3) использование мобильных технологий, (4) использование цифрового документооборота, (5) соблюдение мер информационной безопасности, (6) использование онлайн-рекламы, (7) использование социальных медиа и электронной почты, (8) внутренний потенциал цифрового развития. Итоговое значение индекса цифровых компетенций представляет собой среднее арифметическое от значений данных переменных, при этом какое-либо взвешивание не производилось.

На основе значений индекса выделены пять кластеров НКО. Самые низкие значения характеризуют кластеры «пассивных» (0–18) и «начинающих» (18–34) НКО. Среди «пассивных» собственный сайт имеют менее одной четверти НКО и менее 10% присутствуют в социальных сетях. Высокие значения индекса отличают кластеры «стабильных» (34–48), «сильных» (48–62) и «продвинутых» (62–100) НКО.

Стратегически важные компетенции подразумевают внедрение цифровых технологий в процессы коммуникации, создание цифрового контента, управление данными, расчеты с поставщиками и потребителями, пользование государственными услугами и компьютерную безопасность. Среди видов деятельности, соответствующих стратегически важным цифровым компетенциям, не все одинаково популярны среди НКО. Чаще встречаются онлайн-коммуникации и расчеты с поставщиками и потребителями (91%), обновление программного обеспечения (81%), ответы на запросы (80%).

Среди преимуществ, связанных с применением цифровых технологий, респонденты выделяют экономию времени. Полученные данные свидетельствуют о том, что развитые цифровые компетенции способны принести заметный экономический результат. Одна треть НКО, входящих в кластер «сильных», отмечает рост своего оборота. В числе

² Can Technology Transform the Nonprofit Sector? (2018) Yale Insights. URL: <https://insights.yale.edu/insights/can-technology-transform-the-nonprofit-sector#:~:text=The%20nonprofit%20sector%20tends%20to,the%20challenges%20of%20organizational%20change> (дата обращения: 25.09.2020).

³ Digital Technology in the Not-for-Profit Sector. Infoxchange. URL: https://www.infoxchange.org/sites/default/files/it_in_the_not-for-profit_sector_report_for_2018_1.pdf (дата обращения: 25.09.2020).

⁴ Charities and Digital Technology. UK Parliament. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201617/ldselect/ldchar/133/13309.htm> (дата обращения: 29.08.2020).

⁵ UK Charity Digital Index 2019. Lloyds Bank. URL: <https://resources.lloydsbank.com/businessdigitalindex/> (дата обращения: 29.08.2020).

препятствий цифровой трансформации третьего сектора респонденты называют дефицит квалифицированных специалистов (42%) и непонимание определенной частью руководства благотворительных организаций значимости цифровых технологий (45%).

Индекс цифровизации скандинавских НКО⁶ разработан посредством адаптации индекса цифровой зрелости частных компаний, который рассчитывается на основе 117 индикаторов, агрегированных в четыре основные переменные. В адаптированном для сектора НКО варианте используются те же четыре переменные, однако число индикаторов сокращено до 100 с учётом особенностей некоммерческого сектора.

Переменная «Планирование» оценивает наличие стратегии цифровой трансформации и взаимодействие с партнерами по внедрению цифровых технологий. Переменная «Производство» включает использование онлайн-инструментов и платформ для повышения эффективности оказываемых услуг и разработки новых. Переменная «Продажи» отражает степень внедрения интерактивных технологий и цифровых инструментов в процесс маркетинга, осуществление платежей и расчетов онлайн. Переменная «Управление» описывает особенности технологической организационной культуры и развитие цифровой инфраструктуры. Каждая переменная в ходе непрозрачной процедуры агрегирования индикаторов получила оценку от 1 до 4.

Согласно результатам исследования, лишь немногие НКО имеют стратегию цифровизации, обеспеченную целевым бюджетом и кадрами. Как правило, используются относительно несложные онлайн-инструменты. Ощутима нехватка краудсорсинговых платформ для обмена идеями и предложениями, их интерактивное обсуждение внутри организации и во взаимодействии со стейкхолдерами. Переменная «Продажи» показывает наивысшие значения индекса цифровизации, что связано с активным распространением онлайн-платежных систем, интернет-инструментов и мобильных платформ привлечения средств. Среди барьеров на пути внедрения цифровизации в практику третьего сектора отмечаются следующие: недостаток цифровой культуры и стратегического подхода к цифровой трансформации, использование ограниченного набора базовых инструментов (электронная коммуникация, коллективные мобильные рассылки), недостаточное внимание к защите данных и компьютерной безопасности.

Интересный инструмент оценки состояния цифровизации представляет модель оценки цифровых компетенций некоммерческого сектора, разработанная международной организацией Nethope⁷. Модель опирается на 76 индикаторов, каждый из которых принадлежит к одной из шести категорий (переменных). Отдельный индикатор представляет собой результат оценки респондентом по пятибалльной шкале степени своего согласия с предложенным утверждением. Например, содержание переменной «Кадры» передается следующим набором утверждений: 1. «Мы выявляем слабые места в цифровых компетенциях наших сотрудников и партнеров и активно работаем над их устранением»; 2. «Мы выявляем слабые места в цифровых компетенциях благополучателей и активно работаем над их устранением»; 3. «Не только сотрудники IT-подразделений, но и все остальные сотрудники организации обладают цифровыми компетенциями и активно используют их». Содержание переменной «Данные» раскрывают следующие утверждения: 1. «Для нас качественные данные не менее важны, чем финансовые ресурсы. Мы анализируем данные, чтобы оценивать прогресс в реальном времени»; 2. «Мы делимся данными с партнерскими НКО и государственными организациями, которые оказывают услуги той же категории благополучателей»; 3. «Мы обеспечиваем безопасность данных, используем соответствующие стандарты безопасности и защиты личных данных».

⁶ Rapport: Catching Up with Society. A digital Reality Check for Nordic NGOs. URL: <https://www.mynewsdesk.com/dk/folkekirkens-noedhjjaelp/documents/rapport-catching-up-with-society-a-digital-reality-check-for-nordic-ngos-64926> (дата обращения: 29.08.2020).

⁷ The Digital Nonprofit Ability Assessment (2018). Nethope. URL: https://logcluster.org/sites/default/files/gm_files/the-dna-assessment-white-paper-2018_microsoft.pdf (дата обращения: 30.08.2020).

Процедура агрегирования переменных не разглашается. Значение индекса для отдельной организации представляет собой выраженное в процентах отклонение от «порога цифровизации» – условного значения, принятого за 100%, которое характеризует начало цифровой трансформации. На основе значений индекса выделяются четыре кластера НКО: технически обеспеченные, автоматизированные, взаимосвязанные и цифровизированные организации. Технически обеспеченные организации (tech-enabled) уделяют слабое внимание технической подготовке всего персонала, что создает цифровой разрыв между IT-специалистами и остальными сотрудниками. Предпочтением пользуются стандартные цифровые решения. Автоматизированные НКО (automated) ограничивают цифровизацию административными подразделениями, данные не сводятся воедино, доступ к ним возможен для ограниченного круга сотрудников, в соответствии с должностными обязанностями. Взаимосвязанные НКО (connected) ориентируют развитие цифровых технологий на запросы внешней среды. Данные различных подразделений интегрируются и доступны для других партнерских организаций. Цифровизированные НКО (digital) сочетают преимущества предыдущих типов. Все сотрудники организации обладают цифровыми компетенциями. Активно осуществляется коммуникация онлайн как внутри организации, так и с внешними стейкхолдерами.

Общей особенностью индексов цифровизации НКО является подразделение на базовые и продвинутые компетенции, которое осуществляется с различной степенью детализации. Результаты исследований отражают динамику перехода НКО от базовых компетенций к более продвинутым, хотя и не столь активную, как в коммерческом секторе. Выявлено, что одним из серьезных барьеров служит недопонимание лидерами НКО преимуществ внедрения цифровых технологий в различные сферы деятельности организации. Индексы фиксируют заметное отставание некоммерческого сектора в сфере цифровизации от коммерческих компаний. По данным британского индекса, лишь в 2019 г. впервые за шесть лет обследования доля благотворительных организаций, обладающих стратегически важными цифровыми компетенциями, приблизилась к доле подобных предприятий малого бизнеса⁸.

Методология построения индекса цифровой компетентности российских НКО. Всероссийское обследование негосударственных некоммерческих организаций, результаты которого составляют информационную базу исследования, проводится по квотной выборке по организационно-правовым формам и годам регистрации НКО, метод опроса – личное интервью с руководителями организаций. В статье использованы данные опроса 2019 ($N = 1000$) и 2021 гг. ($N = 1013$).

Базовые задачи внедрения цифровых технологий в НКО, выделяемые различными исследователями, включают распространение информации [Hackler, Saxton, 2007; Lovejoy, Saxton, 2012], привлечение средств [Bhati, McDonnell, 2019], построение отношений со стейкхолдерами [Curtis et al., 2010; Eimhjellen, 2014; Saxton, Guo, 2009], повышение эффективности менеджмента [McNutt et al., 2018; Chui, Chan, 2019]. Сконструированный индекс базовых цифровых компетенций включает в себя четыре переменные: 1) «цифровое присутствие»; 2) «цифровая инфраструктура»; 3) «цифровой фандрайзинг»; 4) «цифровые коммуникации».

Понятие «цифровых компетенций» операционализируется как «активные» компетенции, то есть те, которые организация непосредственно применяет в своей работе. На начальном этапе видится целесообразным использовать простые количественные характеристики; уровень компетенций по каждому направлению оценивается по одномерной шкале соответственно количеству цифровых инструментов, используемых организацией, по процедуре балльного суммирования. В рамках исследования все инструменты считаются равноценными и входят в интегральный показатель с одним и тем же весом. Такой подход к формированию интегральных показателей широко используется [Толстова, 1997; Девятко, 1993] и, несмотря на простоту, позволяет достаточно успешно

⁸ UK Charity Digital Index 2019. Lloyds Bank. URL: <https://resources.lloydsbank.com/businessdigitalindex/> (дата обращения: 29.08.2020).

идентифицировать наиболее и наименее цифровизированные организации, выявить основные «слабые» и «сильные» места. Таким образом, решается задача учета реальной широты цифрового инструментария НКО, без чего не удалось бы в должной мере использовать его для диагностики достижений и резервов цифровизации.

Переменная «цифровое присутствие» характеризует применение интернет-технологий для информирования аудитории о деятельности организации на базовом уровне, предполагающем одностороннюю коммуникацию, включает в себя десять индикаторов, каждый из которых оценивается в 1 балл. Значение переменной колеблется от 0 (не использует цифровые технологии) до 10 баллов (использует более девяти различных цифровых инструментов): 1) наличие вебсайта; 2) наличие страницы в социальных сетях; 3) регулярное участие в тематических форумах/блогах/сообществах/социальных сетях; 4) размещение информации и публикаций на тематических сайтах, в электронных изданиях; 5) наличие информации об НКО в электронных каталогах (базах), справочниках; 6) регулярное размещение видео- или аудиоинформации на специальных хостингах; 7) регулярная информационная рассылка; 8) размещение рекламы в Интернете; 9) размещение новостей на сайте Агентства социальной информации; 10) организация назвала любой другой инструмент, не входящий в число перечисленных выше.

Переменная «цифровая инфраструктура» оценивает внедрение технологий для обеспечения внутренних процессов, представлена следующими индикаторами: 1) использование CRM-программ; 2) наличие цифровой системы планирования и постановки задач; 3) использование чатов, групп в социальных сетях; 4) использование облачных сервисов хранения информации; 5) использование корпоративных порталов; 6) организация назвала любой другой инструмент, не входящий в представленный список.

Переменная «цифровой фандрайзинг» отражает степень использования технологий для привлечения денежных средств. По одному баллу добавлялось к оценке, если в течение двух последних лет организация осуществляла: 1) массовые email-рассылки писем с просьбой сделать пожертвование; 2) сбор средств через сайт НКО; 3) сбор средств через социальные сети НКО; 4) сбор средств через каналы в мессенджерах, чат-боты; 5) сбор средств через систему электронных денег; 6) публиковала фандрайзинговые материалы в онлайн-СМИ, использовала журналистский фандрайзинг; 7) сбор средств на краудфандинг-платформах; 8) сбор средств на интернет-аукционах; 9) обращение к донору через собственные мобильные приложения.

Переменная «цифровые коммуникации» характеризует использование в коммуникациях с целевыми аудиториями: 1) сайта; 2) социальных сетей; 3) мобильных приложений; 4) платформ для поиска волонтеров; 5) email-рассылок; 6) организация назвала любой другой инструмент, не входящий в представленный список.

Переменные приведены к единой шкале, после стандартизации могут принимать значения от 0 до 10. Итоговый индекс базовых цифровых компетенций представляет собой среднее арифметическое всех переменных. Каждое направление отражается в итоговой оценке с равным весовым коэффициентом. Это видится оправданным с учётом того, что переменные характеризуют направления деятельности, не формирующие однозначную иерархию.

Важный аспект, который необходимо учитывать при разработке модели, – это опасность скомпенсировать низкие значения одного измеряемого показателя высокими оценками другого. Чтобы избежать эффекта компенсации, используется, к примеру, метод порогового агрегирования [Мерсиянова, 2009; Алескеров и др., 2013], обеспечивающий ранжирование объектов, при котором наиболее низким (или, напротив, высоким) оценкам придаётся большая значимость, нивелирующая компенсационный эффект. Чтобы этого добиться, при ранжировании отдельные объекты сравниваются попарно, и более предпочтительным считается тот, где наблюдается меньшее число худших оценок (при условии, что шкала измерения едина для всех переменных) [Алескеров и др., 2007].

В данном случае принято решение пренебречь компенсаторным эффектом, что обусловлено характером используемых индикаторов: нет весомых оснований полагать, что

низкая оценка по одному из показателей при высоких оценках в остальном автоматически означает меньшую цифровую компетентность организации, она может объясняться иными причинами (например, НКО не ведет фандрайзинг, полагаясь на иные источники финансирования, но при этом активно использует цифровые технологии для других задач). Таким образом, простое линейное агрегирование с равными весами выглядит наиболее предпочтительным.

Оценка цифровой компетентности российских НКО до пандемии и спустя год после ее начала. Средние значения по всем областям цифровых компетенций невелики до пандемии и спустя год после её начала (рис. 1). Среднее значение индекса составило 2,1 балла ($SD = 1,6$) и практически не изменилось с 2019 г. (выросло на 0,3 балла). Показатели повысились по всем направлениям, кроме цифрового фандрайзинга, хоть и незначительно. Максимальное значение индекса в выборке также повысилось – в 2019 г. оно составляло 7,4 балла, в 2021 г. – 8,3. По направлениям «цифровая инфраструктура» и «цифровые коммуникации» максимальное значение индекса поднялось с 9 и 8,3 соответственно до полных 10 баллов, максимальное значение по направлению «инфраструктура» не изменилось (10 баллов), по направлению «фандрайзинг» упало с 9 до 7 баллов из 10 возможных.

Наиболее развитым направлением в оба периода оказались коммуникации (среднее значение 2,7; $SD = 2,4$). За время пандемии этот показатель изменился минимально – на 0,1 балла. 28% НКО в 2021 г. вообще не использовали информационные технологии для коммуникации с целевыми аудиториями или их руководители затруднились ответить на соответствующий вопрос, то есть их значение данного показателя равно 0.

Среднее значение переменной «цифровое присутствие» выросло на 0,4 балла и составило 2,4 ($SD = 2,1$). 16% НКО не присутствуют в Интернете – это самая низкая доля нулевых значений среди всех направлений.

По переменной «цифровая инфраструктура» значение показателя увеличилось на 0,5 балла и сравнялось со значением индекса присутствия ($Mean = 2,4$, $SD = 2,1$). Доля нулевых значений индекса по этому показателю 28%, однако в остальном разнообразии инструментов шире, что обуславливает равенство значений.

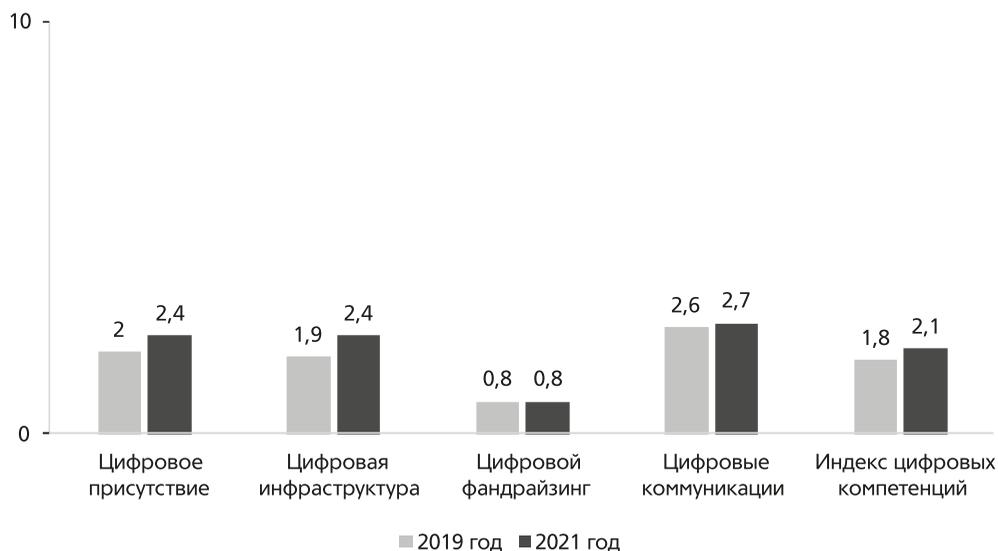

Рис. 1. Динамика индекса базовых цифровых компетенций

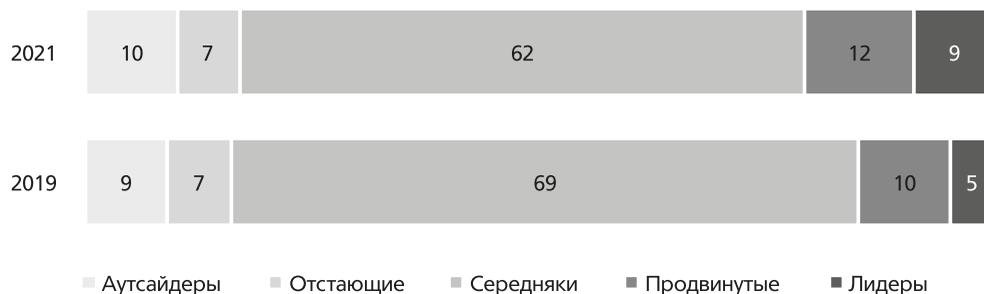

Рис. 2. Типологические группы НКО по уровню цифровых компетенций

Наихудший результат показывает переменная «цифровой фандрайзинг»: средний балл составляет всего 0,8 из 10 ($SD = 1,4$), 70% НКО не используют ни один из доступных цифровых инструментов. Это может быть свидетельством ресурсной зависимости от одних и тех же источников финансирования (в частности, государственного), на которые НКО по-прежнему ориентируются в период пандемии.

Классификация НКО по уровню цифровых компетенций. Исходя из того, насколько активно применяются цифровые технологии, мы выделили пять типологических групп (рис. 2). 1. «Цифровые аутсайдеры»: НКО, которые вообще не используют информационные технологии в своей деятельности (индекс равен нулю). К этой группе, стабильной по численности, относится примерно каждая десятая НКО. Их больше среди религиозных организаций и некоммерческих партнерств; организаций, занимающихся развитием и жилищной сферой; не являющихся социально ориентированными. 2. «Отстающие»: НКО с минимальным индексом базовых цифровых компетенций (0,5 балла и меньше); таких в выборке 7%. 3. «Середняки»: самая многочисленная группа, включающая 69% организаций, диапазон баллов – 0,6–3,1. За время пандемии эта группа уменьшилась на 7 п.п. 4. «Продвинутые»: организации, значительно более активно использующие цифровые технологии (3,2–4,5 балла); таких в выборке 10% в 2019 и 12% в 2020 г. 5. «Цифровые лидеры»: организации, которые в наибольшей степени используют все виды цифровых технологий (набирают более 4,5 балла). «Лидеров» больше среди благотворительных организаций и организаций, занимающихся здравоохранением.

Положительные изменения, произошедшие за время пандемии, наглядно заметны при сопоставлении численности типологических групп в 2019 и 2021 гг.: общая доля «продвинутых» и «лидеров» увеличилась на 6 п.п., тогда как число «аутсайдеров» и «отстающих» почти не изменилось. Средний диапазон цифровых инструментов НКО стал несколько шире, доля организаций, наиболее активно применяющих разнообразные технологии, возросла за два года. Доля «цифровых аутсайдеров» в выборке не уменьшилась. Это говорит о том, что цифровизация коснулась в первую очередь тех НКО, которые уже применяли информационные технологии в своей деятельности, за время пандемии обратились к новым для себя цифровым инструментам, тогда как организации, не использовавшие цифровые технологии, не были мотивированы внедрять их в свою деятельность.

Заключение. Результаты выявили парадоксальную картину. С одной стороны, вынужденный стремительный переход на удаленный режим работы в большинстве сфер деятельности способствовал процессам цифровой трансформации. Это создавало ощущение, что аналогичные процессы и в секторе НКО проходят активно. С другой стороны, данные нашего индекса свидетельствуют, что работа НКО в условиях самоизоляции способствовала повышению цифровых компетенций в меньшей степени, чем можно было ожидать. По сравнению с 2019 г. индекс цифровых компетенций вырос на незначительные 0,3 балла. Реальный уровень освоения цифровых технологий некоммерческими

организациями невысок: среднее значение индекса цифровых компетенций составляет 2,1 балла из 10 возможных.

В условиях пандемии закрепились и продолжает воспроизводиться в повседневных практиках «цифровая поляризация» между выделенными группами «лидеров», с одной стороны, «отстающими» и «аутсайдерами» – с другой. Позитивные изменения в сфере цифровизации в первую очередь коснулись тех НКО, которые и ранее использовали новые технологии.

Настоящее исследование ориентировано на оценку базовых цифровых компетенций некоммерческих организаций. При разработке индекса, во-первых, принимались в расчёт результаты проведенных ранее исследований, позволяющих оценить характер цифровой оснащённости российских НКО; во-вторых, проанализирован ряд аналогичных инструментов оценивания. География существующих индексов цифровых компетенций ограничена США, Великобританией и рядом европейских стран, методики оценивания зачастую являются собственностью компаний, производящих исследования, и отличаются методологической непрозрачностью. Данная работа позволяет рассмотреть специфический российский опыт цифровизации НКО, предлагает полностью прозрачную методологию, которая оставляет место для дальнейших сопоставлений.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются уточнение набора показателей, позволяющих охарактеризовать различные степени цифровых компетенций, и факторов, способствующих снижению «цифровой поляризации» в секторе НКО. Представляется важным учет потребностей организаций и потребностей клиентов различных категорий НКО в условиях перехода к деятельности в онлайн-формате. Преобладание среди «цифровых аутсайдеров» религиозных организаций, среди «лидеров» – организаций, работающих в сфере здравоохранения, может быть, помимо прочего, связано с тем, что потребности в использовании цифровых каналов возрастного населения, составляющего значительную долю целевой аудитории религиозных организаций, не слишком изменились за время пандемии, тогда как потребности населения в цифровом взаимодействии с организациями в сфере здравоохранения в условиях пандемии заметно возросли. Включение в следующих исследованиях в структуру индекса такого показателя, как изменение потребностей клиентов во время кризиса, могло бы обнаружить дополнительные факторы, способствующие или препятствующие цифровизации различных видов НКО, и тем самым повысить диагностический и прогнозный потенциал индекса.

Полученные данные, свидетельствующие о «цифровой поляризации» российских некоммерческих организаций, согласуются с выводами исследователей, рассматривающих различные аспекты цифровизации в масштабе российского общества в целом. Эксперты привлекают внимание к «цифровому неравенству» граждан как новой, требующей решения проблеме современного неравенства [Стратегия цифровой трансформации..., 2021]. Для преодоления «цифрового неравенства» необходимы планомерные усилия государства по внедрению доступных форм обучения цифровым технологиям для пенсионеров, повышению грамотности населения в отношении кибербезопасности и защиты персональных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Алескеров Ф.Т., Катаева Е.С., Писляков В.В., Якуба В.И. Оценка вклада научных работников методом порогового агрегирования // Управление большими системами: сборник трудов. 2013. № 44. С. 172–189. [Aleskerov F., Kataeva E., Pisyakov V., Yakuba V. (2013) Assessment of academic workers' contribution by the threshold aggregation method. *Upravleniye bol'shimi sistemami: sbornik trudov* [Large-Scale Systems Control]. No. 44: 172–189. (In Russ.)]
- Алескеров Ф.Т., Юзбашев Д.А., Якуба В.И. Пороговое агрегирование трехградационных ранжировок // Автоматика и телемеханика. 2007. № 1. С. 147–152. [Aleskerov F.T., Yuzbashev D.A., Yakuba V.I. (2007) Threshold aggregation of three-graded rankings. *Avtomatika i telemekhanika* [Automation and Remote Control]. No. 1: 147–152. (In Russ.)]

- Девятко И.Ф. Диагностическая процедура в социологии. Очерк истории и теории. М.: Наука, 1993. [Deviatko I.F. (1993) *Diagnostic procedure in sociology. Essay on history and theory*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Мерсиянова И.В. Российское гражданское общество в региональном измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. Т. 4. № 92. С. 26–44. [Mersianova I.V. Russian civil society in a regional dimension. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. Vol. 4. No. 92: 26–44. (In Russ.)]
- Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / Под ред. Е.Г. Потоповой, П.М. Потева, М.С. Шклярук. М.: РАНХиГС, 2021. [Potapova E.G., Poteev P.M., Shklyaruk M.S., eds. (2021) *The Strategy of Digital Transformation: to Write in Order To Implement*. Moscow: RANKHiGS. (In Russ.)]
- Толстова Ю.Н. Одномерное шкалирование: тестовая традиция в социологии (построение индексов, шкала Лайкерта, латентно-структурный анализ) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 1997. № 8. С. 54–65. [Tolstova Yu.N. One-dimensional scaling: test tradition in sociology (construction of indices, Likert scale, latent structural analysis). *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* (4M) [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)]. No. 8: 54–65. (In Russ.)]
- Bhati A., McDonnell D. (2019) Success in an Online Giving Day: The Role of Social Media in Fundraising. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 49. No. 1: 74–92. DOI: 10.1177/0899764019868849.
- Chui C.H.K., Chan C.H. (2019). The role of technology in reconfiguring volunteer management in nonprofits in Hong Kong: Benefits and discontents. *Nonprofit Management and Leadership*. Vol. 3. No. 1: 89–111. DOI: 10.1002/nml.21369.
- Curtis L. et al. (2010) Adoption of social media for public relations by nonprofit organizations. *Public Relations Review*. Vol. 36. No. 1: 90–92. DOI: 10.1016/j.pubrev.2009.10.003.
- Eimhjellen I.S. (2014) Internet Communication: Does It Strengthen Local Voluntary Organizations? *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 43. No. 5: 890–909. DOI: 10.1177/0899764013487996.
- Gil-Garcia J., Dawes S., Pardo T. (2018) Digital government and public management research: finding the crossroads. *Public Management Review*. Vol. 20. No. 5: 633–646. DOI: 10.1080/14719037.2017.1327181.
- Hackler D., Saxton G.D. (2007) The Strategic Use of Information Technology by Nonprofit Organizations: Increasing Capacity and Untapped Potential. *Public Administration Review*. Vol. 67. No. 3: 474–487.
- Lee R.L., Bhattacharjee A. (2011) *A Theoretical Framework for Strategic Use of the Web Among Nonprofit Organizations*. Proceedings of the Southern Association for Information Systems Conference. Atlanta, Georgia, USA.
- Lovejoy K., Saxton G.D. (2012) Information, community, and action: How nonprofit organizations use social media. *Journal of computer-mediated communication*. Vol. 17. No. 3: 337–353. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2012.01576.x.
- McNutt J. et al. (2018) *Technology in Nonprofit Organizations and Voluntary Action*. Leiden: BRILL.
- Saxton G.D., Guo C. (2009) Accountability Online: Understanding the Web-Based Accountability Practices of Nonprofit Organizations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 40. No. 2: 270–295. DOI: 10.1177/0899764009341086.
- Shafiee N., Shafiee S., Shafiee M., Hvam L. (2019) Challenges of Digital Transformation: The Case of the Non-Profit Sector. In: *Proceedings of 2018 IEEE Conference on Industrial Engineering and Engineering Management (IEEM)*, 1245–1249. IEEE. DOI: 10.1109/IEEM.2018.8607762.
- van Veldhoven Z., Vanthienen J. (2019) Designing a Comprehensive understanding of Digital transformation and Its Impact. In: *Proceedings of 32nd Bled Conference: Humanizing Technology for a Sustainable Society*. Bled: Slovenia: 746–763.

Статья поступила: 29.09.21. Финальная версия: 07.06.22. Принята к публикации: 25.07.22.

DID THE DIGITAL COMPETENCES OF RUSSIAN NGOS CHANGE UNDER PANDEMIC CONDITIONS?

MERSIANOVA I.V.*, IVANOVA N.V.*, BRIUKHNO A.S.*

*HSE "Higher School of Economics", Russia

Irina V. MERSIANOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department for NGO Economy and Management, the Social Science Faculty, Director, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector (imersianova@hse.ru); Natalya V. IVANOVA, Cand. Sci. (Philol.), Senior Research Fellow, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector (nvivanova@hse.ru); Aleksandra S. BRIUKHNO, Research Intern, Research Laboratory for Interdisciplinary Studies, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector (abryuhno@hse.ru). All – HSE "Higher School of Economics", Moscow, Russia.

Acknowledgements. This work was supported by the Program for Basic Research of the National Research University Higher School of Economics.

Abstract. The paper presents the results of the calculations of Russia's first Index of NGO Basic Digital Competencies based on international experience and the data of two All-Russia NGO Surveys before the pandemic (2019) and a year following the pandemic outbreak (2021). The data highlight a critical underuse of digital technologies by Russian NGOs. An average index value is about 2 on a 10-point scale. Comparison of typological groups in 2019 and 2020 shows some positive shifts: a total share of "digital leaders" and "advanced" NGOs increased while the number of "digital outsiders" almost did not change.

Surprisingly, the variable "digital fundraising" showed the lowest score, which may be explained from the resource dependence perspective. A conclusion is made that digitalization mostly affected NGOs that have already implemented digital technologies and during the pandemic turned to applying new digital tools, whereas the NGOs that did not apply digital technologies earlier were not motivated to introduce them. This indicates a kind of polarization in the NGO sector between the typological groups of "digital leaders" and "digital outsiders" which was manifested during the pandemic. The index potential as a tool of both evaluation and diagnostics of reserves has been shown. The latter links the progress in NGO digital competencies with the implementation of the strategic approach and the use of marketing technologies.

Keywords: NGOs, digital technologies, digital competencies, indices, pandemic.

Received: 29.09.21. Final version: 07.06.22. Accepted: 25.07.22.

Д.М. РОГОЗИН

ОШИБКИ ИЗМЕРЕНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ОТВЕТАХ НА ВОПРОС ОБ УРОВНЕ ОБРАЗОВАНИЯ

РОГОЗИН Дмитрий Михайлович – кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (rogozin@ranepa.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты методического тестирования вопроса об образовании в стандартизированном интервью. Сформулированы четыре гипотезы о наличии ошибок измерения и репрезентации. Опровергнута гипотеза о влиянии на ответы общественного мнения, связанного с социальным одобрением и завышением уровня образования в ответах. Подтверждены гипотезы о наличии значимых смещений, связанных с неответами, неподготовленностью к стандартизированному формату общения наиболее уязвимых, бедных и необразованных социальных групп. Представлены рекомендации по адаптации опросного инструмента к жизненному миру людей, не имеющих высшего образования: высказано мнение, что репрезентация людей из низших социальных групп возможна тогда, когда опросный инструмент воспроизводит форматы обыденного разговора, максимально приближается к привычным повседневным практикам взаимодействия.

Ключевые слова: образование • методология социальных исследований • опросы общественного мнения • ошибки измерения и репрезентации • стандартизированное интервью • отказы от участия в опросе • прерванные интервью • неответы • бедность

DOI: 10.31857/S013216250021252-0

В России проводится огромное количество телефонных опросов. Не один год исследователи фиксируют смещение реализованных выборок по уровню образования. При организации случайного отбора, отсутствии квотирования по уровню образования люди с высшим образованием гораздо чаще ожидаемого попадают в выборку. Ожидания сформированы исходя из данных переписи и микропереписи. В 2015 г. была проведена последняя микроперепись, результаты которой публичны и доступны для рассмотрения. Согласно её данным, в России высшее образование у 27% населения старше 18 лет. У мужчин старше 18 лет этот уровень чуть ниже, чем у женщин: 25% против 29%. Среди совершеннолетних горожан доля имеющих высшее образование – 33%, среди сельских жителей – 16%¹. Но в опросах общественного мнения, как правило, 40% или более респондентов имеют высшее образование. Распределение опрошенных по типу населенного пункта воспроизводится в этих выборках весьма близко к генеральной совокупности (согласно переписным данным). Немного чаще опрашиваются женщины, проживающие в городе. Смещение по уровню образования нельзя объяснить влиянием других социально-демографических переменных – они практически воспроизводятся в выборочных совокупностях. Более того, выравнивание выборки по ним приводит к увеличению разрыва в образовательных пропорциях опрошенных.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

¹ Микроперепись населения 2015. Раздел II. Уровень образования / Федеральная служба государственной статистики. М., 2015–2016. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 22.06.2022).

Можно сформулировать четыре гипотезы, объясняющие ошибки репрезентации по уровню образования. Во-первых, наличие высшего образования – социально одобряемая характеристика. Люди, отчисленные из вузов, добровольно прервавшие обучение, получившие дипломы, которые в глазах своих обладателей не уступают по качеству дипломам вузов, или вовсе не имеющие образования, но надеющиеся его получить, могут сообщать о наличии высшего образования. Во-вторых, ошибаться может интервьюер: воспринимая слова респондента буквально, не уточняя или подталкивая к социально одобряемому ответу через уточнение. Интервьюер, как и респондент, подвержен влиянию социального одобрения, испытывая симпатию к собеседнику, и способен невольно повышать его статус. Первая и вторая гипотезы связаны с ошибкой измерения. В-третьих, менее образованные люди могут испытывать больший дискомфорт от общения по формализованной анкете и, как следствие, чаще прерывать разговор, отказываться от участия, избегать общения с интервьюером. Вторая гипотеза связана с ошибками ответов. В-четвертых, возможно, данные микропереписи содержат ошибки измерения и репрезентации. Нам неизвестны детали исследований, проводимых Росстатом. Публикуются скудные описания процедур их организации. Авторы избегают упоминания ошибок и недочетов, допущенных в ходе сбора данных [Акимова, 2015; Короленко, Калачикова, 2017; Никитина, 2013]. Наиболее полное описание методических проблем, связанных с микропереписью 2015 г., представили демографы НИУ ВШЭ [Пьянкова, Щербакова, 2018: 72–80]. Они основное внимание уделили ошибкам ответов и покрытия. Наибольшую угрозу репрезентативности микропереписи авторы видят в существенном сокращении объема опрошенных по отношению к предыдущим микропереписям (1,5% против 5% населения России); неравномерных долях опрошенных в разных регионах, что привело к перепредставленности малонаселенных регионов, смещениям в долях городского и сельского населения; возрастной аккумуляции (ответов на вопрос о возрасте, заканчивающихся на 0 или 5). Любопытно, что чаще округляли свой возраст горожане среднего возраста с высшим образованием.

Проверить четвертую гипотезу не представляется возможным без тесного сотрудничества с федеральными и региональными службами статистики и совместной работы по методическому аудиту опросного инструмента. Остановимся на первых трех.

Методическое наблюдение. Тестирование вопроса об образовании проводится не часто. Считается, что это один из наименее подверженных ошибкам социально-демографический параметр, сложнее получать точные сведения о семейном статусе или уровне дохода. Однако он не является беспроblemным, время от времени исследователи обращают внимание на возникающие методические затруднения, ставят задачи по их преодолению [Мягков, 2001; Рогозин, Мануильская, 2007], которые так и остаются нерешенными.

С 14 по 19 июня 2022 г. Центр полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС провел третью волну мониторинга уровня жизни россиян. Собрали 1617 полных анкет, зафиксировали снижающийся уровень достижимости с начала года: для набора нужного числа анкет пришлось увеличить выборку телефонных номеров почти в два раза: с 21680 до 41649 случайно отобранных номеров. Доля отказов и прерванных интервью даже немного уменьшилась, но значительно увеличилось число телефонов, по которым не удалось дозвониться (занято, не отвечает) или получить хотя бы какой-то ответ (см. категория «не отмечено согласие на интервью» в табл. 1). Люди прекращают общение без указания причин, никак не реагируют на приглашение к участию в опросе и бросают трубку на полуслове. Частично это может быть связано с текущей ситуацией в стране, частично – с периодом отпусков, будем разбираться. В целом удалось реализовать типичную для нас опросную ситуацию телефонного разговора с незнакомыми людьми, отобранными случайным образом (особенности построения выборки см.: [Османов, Рогозин, 2013]). Различие с прошлыми периодами заключается в том, что опрос теперь проводится только по мобильным телефонам (ранее выборка строилась по мобильным и стационарным телефонам, что приводило к двум сложным задачам:

Таблица 1

Результат вопрос-ответной коммуникации в мониторинговом исследовании уровня жизни россиян (абсолютные значения и % по столбцу)

Диспозиционные коды вопрос-ответной коммуникации	16–17 февраля 2022 г.		9–10 марта 2022 г.		14–19 июня 2022 г.	
	частота	%	частота	%	частота	%
Полное интервью	1623	7	1630	6	1617	4
Отказ	7565	35	8209	30	11409	27
Прерванное интервью*	445	2	446	2	475	1
Прервали интервью до первого содержательного вопроса	146	1	106	0	68	0
Вне целевой группы	633	3	701	3	1575	4
Проблемы со связью	84	0	119	0	230	1
Не отмечено согласие на интервью	10947	50	15787	58	25942	62
Отмечено только согласие на интервью	237	1	262	1	333	1
Итого	21680	100	27260	100	41649	100

определению пропорций типов телефонов и организации отбора внутри домохозяйства при звонке на стационарный телефон).

В начале анкеты респондентам предлагалось ответить на вопрос о наличии высшего образования. Составили три формулировки вопроса, одна из которых случайным образом предлагалась респонденту.

1 вариант. Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет высшее образование?

1. Да, есть

2. Нет

2 вариант. Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет диплом о высшем образовании?

1. Да, есть

2. Нет

3 вариант. Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет высшее образование. Если есть, то какой вуз вы заканчивали?

1. Да, есть

2. Нет

3. Затрудняюсь ответить

Назовем три вопроса о высшем образовании экспериментальными. В конце анкеты интервьюер вновь возвращался к вопросу об образовании, зачитывая обычный для нашего исследования вопрос.

Позвольте еще раз уточнить, какой у вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?

1. Школа

2. Начальное профессиональное образование (или как сейчас называют среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих/служащих)

3. Среднее профессиональное образование (или как сейчас называют среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена)

4. Высшее образование или незаконченное высшее

5. Ученая степень

99. Затрудняюсь ответить

Назовем этот вопрос типичным. Далее, сравнение распределений экспериментальных вопросов между собой и типичным вопросом позволяет нам проверить первую и вторую гипотезы о социально одобряемом ответе. Чем больше детализация вопроса, тем меньше должно быть социально одобряемых ответов, поскольку от респондента требуется решить больше когнитивных задач, остановившись или пропустив какую-либо из них. С. Садмен, Н. Брэдберн и Н. Шварц независимо от типа вопроса выделяют, как минимум четыре задачи: понимание вопроса, вспоминание или формирование суждений, формирование и редактирование ответа [Садмен и др., 2003: 67–87]. Последовательное решение каждой задачи снижает риск ложных, ошибочных ответов с учетом социально одобряемых суждений.

Поскольку экспериментальные вопросы задаются в самом начале анкеты, у нас есть возможность сопоставить тех, кто ответил на все вопросы, и тех, кто прервал участие в интервью, по уровню образования. Если доля людей с высшим образованием среди прервавших интервью существенно ниже, нежели среди ответивших, значит люди без высшего образования чаще отказываются от участия в опросе, соответственно, верна гипотеза об эффекте неответов на переменную уровень образования.

Ошибки измерения. По мере уточнения вопроса о наличии высшего образования – от простого высказывания к упоминанию наличия диплома и далее просьбы назвать вуз – немного уменьшается доля утверждающих, что высшее образование получено (табл. 2).

Показатель имеющих высшее образование среди опрошенных по-прежнему высок, однако его значение от 2 до 5 процентных пунктов ниже ответа, полученного по типичному вопросу об уровне образования (табл. 3).

Таблица 2

Распределение ответов на три экспериментальных вопроса об образовании, который на расщепленной случайным образом выборке (в % по столбцу)

Варианты ответа	Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет высшее образование?	Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет диплом о высшем образовании?	Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет высшее образование. Если есть, то какой вуз вы заканчивали?
Да, есть	43	42	40
Нет	57	58	59
Затрудняюсь ответить	–	–	1
Количество опрошенных, чел.	535	540	542

Таблица 3

Распределение ответов на типичный вопрос об образовании (абсолютные значения и % по столбцу)

Позвольте еще раз уточнить, какой у вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?	Частота	Проценты
Школа	225	14
Начальное профессиональное образование (или, как сейчас называют, среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих/служащих)	117	7
Среднее профессиональное образование (или, как сейчас называют, среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена)	547	34
Высшее образование или незаконченное высшее	704	44
Ученая степень	18	1
Затрудняюсь ответить	6	0
Итого	1617	100

Таблица 4

Совпадение ответов на экспериментальный и типичный вопросы об образовании
(абсолютные значения)

Экспериментальные вопросы	Типичный вопрос: Позвольте еще раз уточнить, какой у вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?					Итого ответов
	высшее – высшее*	невысшее – невысшее	высшее – невысшее	невысшее – высшее	30**	
Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет высшее образование?	229	283	3	18	2	535
Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет диплом о высшем образовании?	225	296	2	15	2	540
Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет высшее образование. Если есть, то какой вуз вы заканчивали?	217	304	1	18***	2	542
Итого ответов	671	883	6	51	6	1617

Примечания. *«Высшее – высшее» – в обоих вопросах выбран вариант высшее образование (включая ученую степень в типичном вопросе); «невысшее – невысшее» – в обоих вопросах выбран вариант невысшее образование; «высшее – невысшее» – в экспериментальном вопросе выбрано высшее образование, в типичном – невысшее; «невысшее – высшее» – в экспериментальном вопросе выбрано невысшее образование в типичном – высшее. **30 – затруднились ответить на типичный вопрос, в двух экспериментальных вопросах опция затрудняюсь ответить не была предусмотрена. Затруднившиеся ответить на типичный вопрос в экспериментальных всегда в данной выборке выбирали вариант об отсутствии высшего образования. ***Из 18 человек, попавших в категорию «невысшее – высшее», трое затруднились с ответом в экспериментальном вопросе, однако это связано не с сомнением в наличии образования, а с тем, что они не смогли назвать точно вуз, и интервьюер закодировал затруднение с ответом. Соответственно, полное совпадение ответов в экспериментальном и типовом вопросах было у 15 человек и 3 человека утверждали, что есть высшее образование, но не смогли назвать вуз.

Подавляющее большинство респондентов не меняет свой ответ об уровне образования в ходе опроса: лишь 63 человека из 1617 опрошенных, или 4%, изменили ответ. Большинство из них повысили свой уровень образования, указав, что получили высшее, хотя в начале анкеты указывали на его отсутствие 51 из 63 человек (табл. 4).

По уровню влияния на снижение доли ответов о высшем образовании отсутствуют статистически значимые различия в экспериментальных вопросах (хи-квадрат равен 2,404, $df = 8$, $p < 0,966$). Основной же прирост высшего образования в типичном вопросе по сравнению с экспериментальными связан с включением в ответ людей, обучавшихся когда-то в вузе и не получивших диплом о высшем образовании (фрагмент 1).

Фрагмент 1. Интервью с мужчиной 33 лет, с незаконченным высшим образованием

1. И: [Начало интервью] Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет диплом о высшем образовании?

2. Р: У меня незаконченное высшее, у меня нет диплома.

3. <...>

4. И: [Один из последних вопросов в интервью] Позвольте ещё раз уточнить, какой у вас наивысший уровень образования, подтверждённый дипломом, аттестатом? Школа, начальное профессиональное образование, среднее профессиональное образование...

5. Р: ... Школа
 6. И: ... Высшее образование или незаконченное высшее, учёная степень.
 7. Р: Школа. Ну, подтверждённое законченное школа.
 8. И: Вы, по-моему, говорили, что у Вас незаконченное высшее.
 9. Р: Да-да-да, незаконченное высшее.
 10. И: То есть Вы учились, получали высшее образование, но не закончили, да?
 11. Р: Всё верно, да.

В типичном вопросе об образовании искусственным образом завышается доля респондентов с высшим образованием – за счет объединения с категорией «незаконченное высшее», которая понимается не юридически, а как факт или даже желание получить высшее образование. Заметим, что интервьюер здесь сталкивается с двумя трудностями: во-первых, можно неверно понять опросное задание, во-вторых, сам вопрос содержит ошибку (респондента спрашивают о его наивысшем уровне образования, подтверждённом дипломом, но в вариантах ответов можно выбрать «незаконченное высшее», которое не сопровождается дипломом).

Хотя присутствует небольшая зависимость между детализацией вопроса об образовании и долей респондентов, утверждающих о наличии у них высшего образования, полученные различия в ответах незначительны, не превышают 4 процентных пункта. Поэтому можно утверждать, что гипотезы первая и вторая о наличии значимых ошибок измерения, связанных с социально одобряемой категорией высшего образования, не подтвердились.

Ошибка неотчетов. Экспериментальные вопросы были размещены в самом начале анкеты, поэтому можно рассмотреть ответы на них не только в полных, но и прерванных интервью. На 1617 полных интервью приходится 893 прерванных. Это не все прерванные интервью, только те, в которых респонденты ответили на экспериментальные вопросы об образовании. Основной массив прерываний приходится на самое начало опроса, что зачастую кодируется как отказы от участия в опросе.

Среди прерванных интервью зафиксировано 33% респондентов, имеющих высшее образование, что меньше, чем среди полных интервью. Разница в экспериментальных вопросах составляет соответственно 10, 9 и 7 процентных пунктов (табл. 5).

Люди без высшего образования менее склонны поддерживать разговорный этикет. Они значительно чаще прекращают разговор без какого-либо предупреждения и не дают интервьюеру возможности продолжить общение, представить какие-либо дополнительные аргументы значимости опроса. Так, ответив почти на всю анкету, женщина обрывает разговор на вопросе о материальном положении семьи (фрагмент 2).

Таблица 5

Доля ответивших о наличии высшего образования в прерванных и полных интервью (в % от опрошенных)

Экспериментальный вопрос	Всего ответивших на вопросы об образовании	Прерванное интервью, П1	Полное интервью, П2	Различие, (П2-П1), п.п.
Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет высшее образование?	41	33	43	10
Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет диплом о высшем образовании?	40	33	42	9
Скажите, пожалуйста, у вас есть или нет высшее образование. Если есть, то какой вуз вы заканчивали?	39	33	40	7

Фрагмент 2. Интервью с женщиной 63 лет, среднеспециальное образование, продолжительность разговора 7 минут.

1. И: Оцените, пожалуйста, материальное положение вашей семьи в настоящее время. Не хватает денег даже на еду. Денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно. Денег хватает на еду...

2. Р: Да, да...

3. И: ...и одежду, но не можем позволить покупку товаров длительного пользования.

4. Р: Да, да, не можем позволить. Да, на питание только.

5. И: На питание.

6. Р: Ну ладно, девушка, больше не могу давайте (положила трубку).

Люди старшего возраста без высшего образования более подозрительны. Так, женщина удивляется вопросу о возрасте (фрагмент 3, строка 9). Не может ответить на ряд вопросов. Часто такие респонденты не находят смысла в задаваемых вопросах, их раздражает стандартизированная форма общения, когда интервьюер не позволяет перейти на привычные форматы разговора, поделиться впечатлениями, мнением. Женщина хочет прокомментировать, объяснить ситуацию, интервьюер пытается придерживаться анкетных вопросов, прерывает респондента, что приводит к коммуникативным сбоям. В результате через непродолжительное время, после прерываний стандартизированного формата, респондент отказывается от продолжения разговора (строки 42–44).

Фрагмент 3. Интервью с женщиной 58 лет, без высшего образования, продолжительность разговора 8 минут.

1. [Молчание в трубке]

2. И: Здравствуйте. Меня слышно?

3. Р: (Пауза) Алло!

4. И: Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС проводит опрос о жизни населения. Ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов. Мы опрашиваем граждан России от 18 лет и старше. Вы согласны принять участие в опросе?

5. Р: (Пауза) Ну задавайте вопросы.

6. И: Спасибо. В целях повышения качества опроса наш разговор может быть записан. Меня зовут Татьяна, а как к вам можно обращаться?

7. Р: Нина Николаевна.

8. И: Нина Николаевна (набирает имя на клавиатуре). Скажите, сколько вам полных лет?

9. Р: А зачем это?

10. И: Потому что люди разного возраста отвечают на одни и те же вопросы по-разному.

11. Р: Пятьдесят восемь.

12. И: Пятьдесят восемь. Скажите, пожалуйста, за последний месяц заметили ли вы повышение цен на продукты питания? Да, заметила. Нет, не заметила.

13. Р: Заметила.

14. И: Непродовольственные товары. Да, заметила. Нет, не заметила.

15. Р: Непродовольственные я не смотрела.

16. <...>

17. И: Как долго ваша семья сможет оплачивать расходы на текущие нужды семьи, не занимая денег в случае потери всех доходов – менее одного месяца, от одного до трех месяцев, от трех месяцев до полугода, от полугода до года, более одного года?

18. Р: (Продолжительная пауза). Мы, собственно, не занимаем, но сбавляем питание.

19. И: Ну вот если...

20. Р: Это меньше покупаем, это меньше.

21. И: В вопросе, в случае потери всех доходов, как долго ваша семья сможет оплачивать расходы на текущие нужды, не занимая денег?

22. Р: Нет, расходы какие именно? Я вот этот вопрос.

23. И: Ещё раз, берем обычные расходы и текущие нужды. Как долго вы сможете оплачивать, если вдруг потеряете все доходы?

24. Р. (Продолжительная пауза). Все равно бесполезный ответ. Если мы получаем пенсию, как мы её можем потерять?

25. И: Если вы не сможете получать? Вот такой вопрос риторический. Можете ответить?

26. Р: Конечно, если не сможем, то и... Не знаю, как пользоваться, как жить дальше.

27. И: Не можете выбрать какой вариант мне отметить? Как долго сможете оплачивать расходы на текущие нужды, не занимая денег, если потеряете все доходы?

28. Р: (Пауза) Не знаю, как сказать.

29. И: Ну пропустим, хорошо. Скажите, пожалуйста, сколько человек живет вместе с вами, включая вас? Включая маленьких детей и временно отсутствующих.

30. Р: Мы с мужем живем.

31. И: Вас всего двое. Сколько всего детей до 17 лет живет вместе с вами?

32. Р: Нету у меня. У меня уже все взрослые.

33. И: Сколько женщин старше пятидесяти пяти лет и мужчин старше шестидесяти лет живет вместе с вами, включая вас?

34. Р: (Продолжительная пауза) Никто. Мы вдвоем. Я же отметила. Мы в своем доме вдвоем живем.

35. И: Я поняла. Вам больше 55 лет?

36. Р: Я – пятьдесят восемь. Мужу шестьдесят лет.

37. И: Да, мужу ровно шестьдесят. Правильно я поняла?

38. Р: Да.

39. И: Значит, отметим, что вы, что вас двое. В текущей ситуации насколько ваша семья нуждается в выплате дополнительных социальных пособий, денежных компенсаций – остро нуждается, скорее нуждается, скорее не нуждается, вовсе не нуждается?

40. Р: Девушка, я отвечать больше не буду. Это знаете, одни и те же вопросы, повторяете...

41. И: Нина Николаевна, просто получается, что вы зря потеряли время.

42. Р: Нет.

43. И: Если вы затрудняетесь ответить, так и говорите.

44. Р: Нет (положила трубку).

Респонденты без высшего образования ориентированы на общение, а не на анкетные вопросы. Они не отвечают на сформулированное опросное задание, а говорят о том, что происходит в их жизни, что они считают важным сказать интервьюеру. Так, в ответ на вопрос о количестве проживающих респондент не стала вести подсчеты, просто сообщив, что «живёт с мужем»: это потребовало от интервьюера дополнительных уточнений (строки 29–31). Неловкость от коммуникативных поломок сопутствует следующим вопросам, где женщина не понимает, что от нее требует интервьюер, пытается вновь говорить о своей жизни, но интервьюер, согласно инструкции, вновь и вновь уточняет анкетные вопросы. Приведенный большой фрагмент интервью, занявшего восемь минут, иллюстрирует несоответствие опросного задания ожиданиям и представлениям респондента о нормальном, осмысленном диалоге. По этой причине респонденты без высшего образования чаще респондентов с высшим образованием прерывают интервью. Это приводит к смещению выборки по образованию из-за эффекта неотчетов. Третья гипотеза подтвердилась.

Доля прерванных анкет не такая большая, влияние в целом на выборку незначительное (см. табл. 5). Но мы можем предположить, что и количество отказов коррелирует с уровнем образования. В самом начале интервью, сталкиваясь со стандартизацией диалога, не привыкшие к такому формату общения люди прекращают общение. Соответственно респонденты без высшего образования не только чаще прерывают интервью, но и чаще отказываются от участия в опросе. Это приводит к возникновению уже значительного смещения по уровню образования.

Ошибки коммуникации. Опрос общественного мнения – это сложное коммуникативное взаимодействие, в которое включены не только непосредственные участники, но и составители анкеты, проектировщики общения. Анализируя данные, пытаюсь понять ошибки измерения или репрезентации, мы, составители анкет, исключаем себя из рассмотрения. Объективируем опросную коммуникацию, наблюдаем за её внешними атрибутами. Но поиск ошибок важно начинать с себя, с собственных представлений, привычек и заблуждений.

Высокая доля респондентов с высшим образованием в опросах беспокоила нас всегда. Сетовали на разные причины, делали предположения, часть из которых представлена выше в гипотезах. Но на поверхности, без всяких гипотез, лежит собственное решение, которое пусть и незначительно, но увеличило в наших опросах категорию людей с высшим образованием – объединение имеющих диплом о высшем образовании, прервавших обучение и студентов старших курсов. По факту, всех студентов, поскольку в ходе короткого телефонного разговора интервьюер и респондент не всегда вспоминают или знают о том, что до 2007 г. лицам, успешно прошедшим промежуточную аттестацию, выдавался диплом о неполном высшем образовании, а лицам, не завершившим освоение основной образовательной программы, – академическая справка. С 2007 г. вовсе было упразднено понятие неполного высшего образования и неуспешным студентам выдавалась лишь академическая справка, с 2013 г. вместо академических справок выдаются справки об обучении или периоде обучения². Вряд ли следует ожидать вдумчивого подхода к вопросу в ходе короткого телефонного разговора.

Сейчас, после проведения методического исследования, прослушивания аудиозаписей интервью представляется нелепостью формулировка нашего типичного вопроса: спрашиваем о наивысшем уровне образования, а в закрытиях допускаем ответ о неполном высшем образовании. Почему не видели этого раньше? Почему искали смещения только во внешних причинах, закрывая глаза на собственные ошибки? Почему игнорировали свое участие в опрос-ответной коммуникации? Потому что объединение незаконченного высшего и высшего образования привычно, непроблематизировано и применяется во многих опросных компаниях. Мы к этому привыкли и механически перенесли закрытия в более точную формулировку. Притом что опросные компании обычно спрашивают об уровне образования, а мы давно уточняем, какой у респондента наивысший уровень, подтвержденный дипломом.

Многолетний опыт проведения опросов, многочисленные методические экспериментальные планы не гарантируют отсутствия собственных ошибок, скорее дают дополнительные основания для их обнаружения. Поэтому пятая, основная, гипотеза об ошибках опросного инструмента должна формулироваться так: ошибки исследователя, а не эффекты респондента или интервьюера.

Нашим ошибкам нет числа как в вопросе об образовании, так и в других анкетных вопросах. Важно продолжать наблюдать за опросной коммуникацией и своим опосредованным участием в ней. С. Садмен и Н. Брэдберн, ведущие мировые специалисты в области опросного дизайна, предупреждали о невозможности достичь совершенства в анкетном мастерстве и предостерегали от каких-либо однозначных рекомендаций [Садмен, Брэдберн, 2002: 13]. Остановимся на нескольких важных моментах, проясненных в ходе текущего исследования.

Заключение. Адекватная анкета должна быть ориентирована на наименее образованных людей, что может быть достигнуто посредством выполнения некоторых условий. Во-первых, следует избегать однотипных формулировок вопросов. Сбои в сложных вопросах частично обусловлены предыдущим ходом беседы, отражающим детали

² Консультант Плюс. Что такое незаконченное и неполное высшее образование? // Электронный журнал «Азбука права». Актуально на 22.03.2022. URL: <https://www.consultant.ru/edu/student/consultation/nepolnoe_vysshee_obrazovanie/> (дата обращения: 23.06.2022).

обыденной жизни. Испытывая затруднения, неловкость в ответах из-за систематического непонимания вопросов, респондент с низким уровнем образования скорее откажется от интервью. Во-вторых, нужно снижать вероятность возникновения опережающих ответов (и прогнозировать их появление). Когда человек без привычки к абстрактным размышлениям, с отсутствием речевой дисциплины в восприятии запросов собеседника, из самых лучших намерений предоставляет больше информации, чем это требуется для кодирования закрытого вопроса, при необходимости в дальнейшем повторить уже сказанное он с большой вероятностью испытает раздражение или неловкость. Многократное повторение уже известного собеседнику нарушает этическую норму обыденного разговора. В-третьих, бедные и необразованные люди не склонны к сложным когнитивным действиям в ответах: поиску информации в памяти, оценке её релевантности вопросу, каким-либо арифметическим операциям. Они просто рассказывают о своей жизни, о себе. Исследователю следует адаптировать интервью под этот рассказ. Другими словами, порядок вопросов должен соответствовать некоторой проектируемой истории, а не состоять из набора сведений о человеке. Стандартизированное интервью должно подражать нарративному, иначе нет никаких шансов удержать рассеянное внимание респондента, имеющего отношение к наиболее уязвимым группам населения.

Итак, принятый в социальных исследованиях формат однотипных вопросов, постепенно раскрывающих изучаемую проблему, приводит к сбоям и ошибкам среди опрошенных, которые менее всего способны этой проблеме противостоять. Другими словами, изучая бедность, неравенство, социальную дискриминацию, мы часто исключаем бедных, угнетенных и необразованных из нашего анализа. Делаем это невольно и неосознанно, через конструирование нерелевантной для таких людей коммуникативной ситуации. Репрезентация людей из низших социальных групп возможна только тогда, когда опросный инструмент воспроизводит форматы обыденного разговора, максимально приближается к привычным повседневным практикам взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова А.Р. Микроперепись населения 2015 года глазами переписчика // Сетевой научный журнал ОрелГАУ. 2015. № 2. С. 39–42.
- Короленко А.В., Калачикова О.Н. О некоторых итогах микропереписи населения 2015 года // Социальное пространство. 2017. № 2. С. 1–18.
- Мягков А.Ю. Социально-демографические переменные в социологическом исследовании: оценка достоверности самоотчетов респондентов // Социологический журнал. 2001. № 3. С. 88–100.
- Никитина С.Ю. Об организационных и методологических вопросах выборочного федерального статистического наблюдения «Микроперепись населения 2015 года» / Презентация доклада на расширенном заседании коллегии Росстата. 2013. 12 февраля. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/kol/nikitina.pdf (дата обращения: 23.06.2022).
- Османов Т., Рогозин Д. Особенности реализации общероссийской выборки трудоспособного населения по мобильным телефонам // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 33–40.
- Пьянкова А.И., Щербакова Е.М., Васин С.А. Микропереписи населения России: прошлое, настоящее и будущее // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 2. С. 61–102.
- Рогозин Д., Мануильская К. Документарный и гуманитарный подходы к операционализации уровня образования в опросах общественного мнения // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 50–57.
- Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы / Пер. с англ. А.А. Виночкиной; под ред. Д.М. Рогозина. М.: Ин-т ФОМ, 2002.
- Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / Пер. с англ. Д.М. Рогозина, М.В. Рассохиной; под ред. Г.С. Батыгина. М.: Ин-т ФОМ, 2003.

Статья поступила: 11.07.22. Финальная версия: 14.08.22. Принята к публикации: 15.08.22.

MEASUREMENT AND REPRESENTATION BIAS IN RESPONSES ON EDUCATIONAL LEVEL IN PUBLIC OPINION RESEARCH

ROGOZIN D.M.*

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Dmitry M. ROGOZIN, Cand. Sci. (Sociol.), Director of Field Research Center Institute of Social Analysis and Forecast, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (rogozin@ranepa.ru).

Acknowledgement. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Abstract. The article presents results of methodological testing of the question about education in a standardized interview. Four hypotheses about the presence of errors in measurement and representation are formulated. The hypothesis about the influence on the responses of public opinion associated with social approval and, as a result, an overestimation of the level of education in the responses, was refuted. The hypothesis about the presence of significant biases associated with non-responses, unpreparedness for the standardized format of communication of the most vulnerable, poor and uneducated social groups was confirmed. Recommendations are presented for adapting the survey tool to the life world of people who do not have higher education.

Keywords: education, interrupted interviews, measurement and representation bias, nonresponse errors, opinion polls, poverty, refusals, social research methodology, standardized interview.

REFERENCES

- Akimova A.R. (2015) Microcensus of the population of 2015 through the eyes of a census taker. *Setevoy nauchnyy zhurnal OrelGAU* [OrelGAU Network Scientific Journal]. No. 2: 39–42. (In Russ.)
- Korolenko A.V., Kalachikova O.N. (2017) On some results of the 2015 microcensus. *Sotsial'noye prostranstvo* [Social space]. No. 2: 1–18. (In Russ.)
- Myagkov A.Yu. (2001) Socio-demographic variables in sociological research: assessing the reliability of respondents' self-reports. *Sotsiologicheskiiy zhurnal* [Sociological journal]. No. 3: 88–100. (In Russ.)
- Nikitina S.Yu. (2013) *On organizational and methodological issues of selective federal statistical observation "Population Microcensus 2015"*. Presentation of the report at an extended meeting of the Rosstat collegium. February 12. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/kol/nikitina.pdf (accessed 23.06.2022). (In Russ.)
- Osmanov T., Rogozin D. (2013) Features of the implementation of the all-Russian sample of the able-bodied population by mobile phones. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. No. 3: 33–40. (In Russ.)
- Pyankova A.I., Shcherbakova E.M., Vasin S.A. (2018) Micro-censuses of the population of Russia: past, present and future. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review]. Vol. 5. No. 2: 61–102. (In Russ.)
- Rogozin D., Manuil'skaya K. (2007) Documentary and humanitarian approaches to the operationalization of the level of education in public opinion polls. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. No. 6: 50–57. (In Russ.)
- Sudman S., Bradburn N. (2002) *How to Ask Questions*. Transl. from Eng. by A.A. Vinitskaya; ed. by D.M. Rogozin. Moscow: In-t FOM. (In Russ.)
- Sudman S., Bradburn N., Schwartz N. (2003) *How People Answer Questions: the Use of Cognitive Analysis in Mass Surveys*. Transl. from Eng. by D.M. Rogozin, M.V. Rassokhina; ed. by G.S. Batygin. Moscow: In-t FOM. (In Russ.)

Received: 11.07.22. Final version: 14.08.22. Accepted: 15.08.22.

© 2022 г.

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ, П.А. АМБАРОВА

МОБИЛИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА (КЕЙС ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УРФО)

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор-исследователь (garoldzborovsky@gmail.com); АМБАРОВА Полина Анатольевна – доктор социологических наук, профессор (borges75@mail.ru). Оба – кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия.

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу мобилизации ресурсов научно-педагогического сообщества вузов в Уральском федеральном округе (УрФО). Проблема рассматривается на стыке социологии управления и социологии высшего образования. На материалах исследования практик высшей школы обосновывается мобилизационный подход к оценке и использованию ресурсности научно-педагогического сообщества университетов УрФО в новых условиях реализации стратегий их развития. На результатах эмпирического исследования университетов, принадлежащих к «ядру», «полупериферии» и «периферии» высшего образования, доказывается необходимость активизации управленческого подхода в вузах УрФО, направленного на мобилизацию невостребованных ресурсов научно-педагогического сообщества. В статье отмечается ограниченность вузовских управленческих решений, касающихся оценки и использования этих ресурсов в университетах региона.

Ключевые слова: научно-педагогическое сообщество • ресурсность • мобилизация ресурсов • университетское управление • региональные вузовские практики

DOI: 10.31857/S013216250020845-2

Введение. В новых сложных условиях развития высшего образования вузы российских регионов вынуждены изменять стратегии. Они не только включаются в обсуждение альтернатив Болонской системе, политики продвижения научных журналов [Казимирчик и др., 2019], но и готовятся к увеличению бюджетных мест¹, реализуют проекты в рамках программ «Приоритет-2030» [Гусева и др., 2022]. В то же время сохраняются такие вызовы высшему образованию в регионах, как отток талантливых абитуриентов, выпускников [Гайнанов, Атаева, 2021] и научно-педагогических работников (НПР), ресурсное неравенство университетов и снижение качества образования [Малиновский, Шибанова, 2020].

В современных условиях развития российских регионов значение университетов как мощных ресурсных центров приобретает особое звучание. Перестают быть фигуральными и декларативными утверждения, что вузы – источники инновационных знаний, технологий, человеческого капитала. Исследования показывают, что присутствие в регионе высокотехнологичных интеллектуальных центров напрямую влияет на качество жизни

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-29-07016.

¹ Минобрнауки России объявило результаты распределения бюджетных мест на 2022/2023 год. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/33254/> (дата обращения: 29.07.2022).

этой территории [Воронин, 2020; Панышин и др., 2021]. При этом влияет не количество университетов, а количество студентов, преподавателей, объемы и качество проводимых исследований. Таким образом, ресурсность научно-педагогического сообщества (НПС), выступая элементом ресурсности университетов в целом, может быть охарактеризована как ведущий фактор, определяющий возможности вузов выполнять свое предназначение в региональном пространстве. Безусловно, ресурсный потенциал университетов богаче в структурном и количественном отношении, чем ресурсность НПС. Он включает в себя финансовую, материальную, инфраструктурную, институциональную составляющие. Однако человеческое измерение, образуемое ресурсностью НПС, по сути, выступает для него системообразующим фактором.

Таким образом, повестка исследований миссии вузов в регионах и региональных городах сохраняет актуальность. Важнейшим направлением разработки данной тематики выступает оценка ресурсного потенциала НПС и возможностей его мобилизации для развития высшего образования, сохранения городов и их человеческого капитала.

С целью реализации данного направления исследований вузов российских регионов мы обратились к изучению ресурсности НПС УрФО, обосновав выбор округа тем, что его высшее образование репрезентирует состояние, тенденции изменений, проблемы всей российской высшей школы. Всего в вузах УрФО сегодня работают 14535 чел., представляющих НПС. Среди них – 2043 доктора и 8262 кандидата наук. Конечно, в структуре населения округа НПС вузов составляет не очень заметную его часть. Однако среди групп, которые образуют авангард социума, присутствие этих работников весьма заметно и значимо, даже если мы примем во внимание его неравное распределение по субъектам федерации в границах УрФО. Так, в вузах Курганской области работают 573 чел. (докторов – 51, кандидатов – 386), в ХМАО-Югре – 1011 чел. (докторов – 119, кандидатов – 662), ЯНАО – 12 чел. (1 доктор и 11 кандидатов наук). Самыми ресурсными являются вузы Свердловской (6154 чел., докторов – 884, кандидатов – 3324), Челябинской (4447 чел., докторов – 634, кандидатов – 2594), Тюменской областей (2338 чел., докторов – 354, кандидатов – 1325)².

Ресурсность НПС представляет собой интеллектуальный актив региона, однако редко становится предметом глубокой научной и управленческой оценки, что очень важно для ее мобилизации в интересах самих университетов региона, областей и городов, входящих в состав УрФО, экономической и социальной сфер его территорий. В связи с этим целью статьи является обоснование мобилизационного подхода к оценке и использованию ресурсности НПС университетов УрФО в новых условиях реализации стратегий их развития. Достижение обозначенной цели позволит в перспективе выйти на изучение роли ресурсности НПС в осуществлении миссии вузов региона.

Эмпирической базой послужили результаты исследований российского высшего образования, которые авторы проводят в УрФО с 2016 г. В анализе использованы материалы полуструктурированных интервью с преподавателями и руководителями вузов России и УрФО по проблемам их развития (2016–2018 гг., $N = 80$; 2021 г., $N = 32$). В декабре 2021 г.– январе 2022 г. был осуществлен анализ документов стратегического планирования развития высшего образования и науки УрФО с целью выделения приоритетов академического развития НПС и требований к ним в условиях реализации национальной стратегии повышения конкурентоспособности вузов (проекты «5-100» и «Приоритет-2030»). Также осуществлен вторичный анализ данных исследований и управленческой аналитики по научной деятельности Уральского федерального университета, представленный в публикациях и официальных отчетах.

² Сведения о численности ППС образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования // Министерство науки и высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-ochislennosti-professorsko-prepodavatelskogo-sostava-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushch> (дата обращения: 19.06.2022).

Исследование базировалось на анализе массива статистических данных, отражающих основные показатели развития российского высшего образования и университетов УрФО в период 2014–2021 гг. В качестве источников статистических данных использовались базы Мониторинга эффективности организаций высшего образования, статсборники «Индикаторы образования» и данные Мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ, информационно-аналитические сборники «Научный потенциал» и «Основные показатели научно-исследовательской деятельности вузов Минобра России» (2018).

По данным Мониторинга эффективности вузов за 2020/2021 уч. год, УрФО был представлен 90 организациями, среди которых – 73 государственные и муниципальные, 17 – частные, 47 вузов и 43 филиала. Среди вузов УрФО – федеральный университет, национальный исследовательский университет, 2 опорных университета, 5 вузов – участников программы «Приоритет-2030», из них 3 университета – участники проекта «5-100».

Вузы округа были дифференцированы по показателям научной деятельности и роли в ней главного субъекта – НПС. Были выделены группы вузов, относящихся к «ядру», «полупериферии» и «периферии» высшего образования [Зборовский, Амбарова, 2018: 382]. В выборку попали пять университетов, расположенных в пяти субъектах РФ на территории УрФО (Свердловская, Челябинская, Тюменская, Курганская области, Ханты-Мансийский автономный округ)³ и представляющих «ядро», «полупериферию» и «периферию» высшего образования округа. Среди них Уральский федеральный университет (УрФУ, г. Екатеринбург), Тюменский государственный университет (ТюмГУ, г. Тюмень), Южно-Уральский государственный национальный исследовательский университет (ЮУрГУ, г. Челябинск), Сургутский государственный университет (СурГУ, г. Сургут), Курганский государственный университет (КГУ, г. Курган). Первые три университета относятся к зоне «ядра», СурГУ – «полупериферии», КГУ – «периферии». Дополнительным критерием отбора университетов были их многопрофильность и отсутствие ведомственной принадлежности.

Региональное измерение ресурсности НПС университетов. Проблемы функционирования и оценивания ресурсности НПС страны находят свое преломление в университетах российских регионов. Результаты исследования основных показателей развития российского высшего образования и университетов УрФО 2014–2021 гг. позволяют конкретизировать анализ проблемы в разрезе университетов разных типов, относящихся к «ядру», «полупериферии» и «периферии» высшего образования в регионе.

Тенденция снижения численности профессорско-преподавательского состава (ППС) прослеживается во всех рассматриваемых уральских университетах с 2015 г. (рис. 1). К 2021 г. численность ППС в УрФУ сократилась на 18%, ТюмГУ – 17%, ЮУрГУ – 22,6%, СурГУ – 12%, КГУ – на 38%.

В вузах «ядра» одновременно с сокращением ППС росло число научных работников (табл. 1), поскольку вхождение в проект «5-100» обязывало наращивать эту группу персонала. К 2021 г. по сравнению с 2015 г. в УрФУ она увеличилась в 2,3 раза, в ТюмГУ – в 3,8 раза, ЮУрГУ – в 1,7 раза. В СурГУ количество научных работников за указанный

Таблица 1

Динамика численности научных работников в вузах УрФО, 2015–2021 гг. (чел.)

Вузы	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
УрФУ	212	314	466	466	456	522	482
ТюмГУ	19	11	38	47	60	57	73
ЮУрГУ	119	253	279	177	146	187	205
СурГУ	26	31	35	35	30	29	27
КГУ	1	2	0	9	3	5	4

³ Образовательные организации Ямало-Ненецкого автономного округа в выборку не были включены, поскольку не имеют статуса самостоятельных вузов.

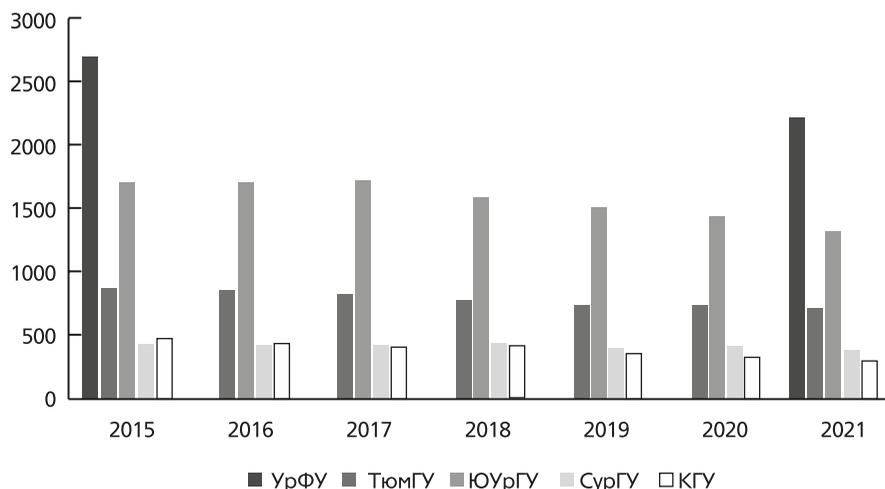

Рис. 1. Динамика численности ППС вузов УрФО, 2015–2021 гг., чел.

период не изменилось (хотя в 2017–2018 гг. имелась тенденция к росту). В КГУ данный показатель имел «скачущую» динамику, отражая отсутствие устойчивого роста группы научных работников.

К каким же последствиям в плане ресурсного обеспечения развития уральских вузов привела стратегия оптимизации численности НПС? Прежде всего, к ресурсной асимметрии в образовательной и научной деятельности, ставшей универсальной характеристикой вузов всех типов. Приоритет научной работы для ППС даже в вузах «ядра» остался декларацией, часто не обеспеченной оптимальными условиями и возможностями, о чем свидетельствует типичное высказывание представителя ректората одного из вузов: «В ответ на многочисленные просьбы снизить учебную нагрузку для ППС скажу: помните, что вы – прежде всего профессора и доценты, обязанные выполнять свои должностные функции. Если хотите заниматься наукой – переходите на ставки научных сотрудников. Или совмещайте по полставки здесь и там» (проректор).

Лукавость подобной установки выдает понимание того, что ставки научных сотрудников в вузах не создаются «из воздуха»: они финансово обеспечиваются либо из грантовых проектов, либо из программы развития университета. Конечно, ресурсный дефицит в вузах «ядра» частично был компенсирован за счет сотрудников научных центров и лабораторий, рост численности которых произошел благодаря финансированию проекта «5-100». Однако интенсификация научной работы ППС сохранилась как самый простой и быстрый способ ресурсного обеспечения научных показателей ведущих вузов региона.

В высших учебных заведениях «полупериферии» и «периферии», не имеющих возможности увеличивать штат научных работников, рост образовательной нагрузки снизил и без того невысокую научную активность ППС. Приведем два фрагмента интервью, которые отражают единство мнений руководителей и преподавателей вуза по обозначенной проблеме. «Сокращение преподавателей, на мой взгляд... и так много для этого сделано. По 900 часов на преподавателя и прочее. Но это усиливает процессы деградации... Это уже объективный фактор: такое давление на преподавателя, что книжки читать некогда» (проректор). «Время им (преподавателям) дайте... современная ситуация формализации, постоянного введения новых стандартов, повышения учебной нагрузки приводит к тому, что у них нет просто времени. Они же не могут по ночам сидеть и заниматься наукой...» (Преподаватель) «...пришел усталый, 900 часов, – какая наука?! У меня преподаватели без науки-то с ног валяются» (профессор, зав. кафедрой).

Таблица 2

Динамика возрастной структуры университетов УрФО, 2015–2021 гг. (% от числа ППС)

Годы	2015			2016			2017		
	до 40 лет	40–65 лет	старше 65 лет	до 40 лет	40–65 лет	старше 65 лет	до 40 лет	40–65 лет	старше 65 лет
УрФУ	32,35	45,99	21,66	30,96	46,33	22,71	30,43	47,59	21,98
ЮУрГУ	37,82	42,92	19,26	38,34	43,63	18,03	37,98	44,00	18,02
ТюмГУ	38,71	52,88	8,41	36,7	54,85	8,45	35,06	55,37	9,57
СурГУ	36,56	55,89	7,55	36,15	56,1	7,75	35,25	57,32	7,43
КГУ	25,46	54,86	19,68	19,40	57,71	22,89	22,53	55,19	22,28
Годы	2018			2019			2020		
УрФУ	29,41	47,73	22,86	25,24	49,15	25,61	25,92	49,28	24,8
ЮУрГУ	35,48	46,52	18,00	32,01	49,34	18,65	30,02	51,96	18,02
ТюмГУ	34,78	56,39	8,83	33,83	57,17	9,00	31,81	57,5	10,69
СурГУ	32,35	59,75	7,9	31,46	59,03	9,51	28,39	63,8	7,81
КГУ	17,53	53,63	28,84	16,35	63,52	20,13	15,22	64,71	20,07

Таким образом, вузы «ядра» к 2021 г. смогли использовать стратегию сокращения ППС за счет группы научных работников и интенсификации труда профессорско-преподавательского состава, имеющего большой запас научной активности, чем сотрудники вузов «полупериферии» и «периферии». Последние с трудом выдержали количественную трансформацию НПС, но сохранили соответствие аккредитационным показателям.

Из двух других элементов ресурсности НПС уральских вузов – их возрастной и гендерной структуры – мы можем оценить лишь возрастную ресурс, поскольку в открытом доступе имеются данные только о нем. Что касается гендерной структуры, здесь скорее всего наблюдаются те общие тенденции, которые характеризуют все высшее образование в стране.

Практически во всех рассматриваемых вузах УрФО происходит сокращение доли ППС в возрасте до 40 лет (табл. 2). При этом одни вузы демонстрируют тенденцию «взросления», т.е. увеличения группы в возрасте от 40 до 65 лет. Другие – тренд старения, поскольку в них увеличивается группа 65+. Два вуза, ТюмГУ и СурГУ, заметно выделяются на фоне других небольшой долей ППС в возрасте старше 65+. Многолетняя стабильность данного показателя в этих университетах, принадлежащих к разным типологическим группам, обусловлена скорее не управленческими решениями, а в целом более молодым составом населения регионов и городов, в которых находятся эти вузы: средний возраст жителей Тюмени – 34, Сургута – 34,8 года. При этом доля населения в возрасте старше трудоспособного в Тюмени – 20,7%, в Сургуте – 15,8%⁴.

Такая же зависимость прослеживается в вузах, имеющих значительную и увеличивающуюся долю ППС в возрасте 65+. Так, средний возраст жителей Екатеринбурга и Челябинска – 39 лет, Кургана – 41 год. При этом доля населения в возрасте старше трудоспособного в Екатеринбурге и Челябинске – 24%, в Кургане – 27,9%⁵. Таким образом, демографическая ситуация в сочетании с инбридингом, доминирующим над открытой кадровой моделью, служит серьезным барьером на пути выполнения плановых показателей программ развития уральских университетов, касающихся их возрастной структуры.

⁴ Старшее поколение. Демографические показатели // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 25.05.2022).

⁵ Там же.

Тем не менее, несмотря на то, что с 2015 г. в УрФУ, ТюмГУ и ЮУрГУ уменьшается доля молодых НПР, ее сокращение идет более медленными темпами по сравнению с СурГУ и КГУ. Ведущим вузам удается создать более привлекательные условия для удержания молодежи по сравнению с вузами «полупериферии» и «периферии». Благодаря этому УрФУ к 2020 г. сумел увеличить долю молодых исследователей (не старше 39 лет) до 67,5% от числа всех научных работников.

Программы развития вузов «ядра» ориентированы на привлечение и удержание молодых НПР и реализуют этот приоритет образовательной политики РФ благодаря мерам, среди которых материальная поддержка аспирантов и докторантов (учреждение специальных стипендий, финансирование мест в целевую аспирантуру и докторантуру); внутривузовские гранты на молодежную науку (исследования, академическую мобильность, конкурсы); создание молодежных научных лабораторий. Благодаря таким мерам университеты «ядра» инвестируют в молодых НПР, которые, в свою очередь, приносят им прямую отдачу в виде привлечения большего количества грантов по внешним конкурсам, предусматривающим обязательное участие вузовской молодежи⁶. Такой вектор кадровой политики приносит дополнительные баллы при получении государственных субсидий, обеспечивает более легкое выполнение показателей эффективности вузов и попадание в национальные рейтинги.

Сравнение публикационной активности НПР 2018 г. в разных типах вузов УрФО выявила разрыв между ними в целом и особенно по числу публикаций в изданиях WoS и Scopus (табл. 3).

Таблица 3

Среднее количество публикаций в различных типах изданий на 1 НПР, 2018 год⁷

Университеты	Количество публикаций	Количество публикаций в журналах ВАК	Количество публикаций в изданиях WoS	Количество публикаций в изданиях Scopus
УрФУ	4,0	1,0	0,9	0,9
ТюмГУ	4,8	1,1	0,3	0,4
ЮУрГУ	4,5	0,5	0,3	0,5
СурГУ	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
КГУ	1,5	0,33	0,05	0,06

В УрФУ в сравнении с КГУ за 7 лет (2014–2021) разница по валовому показателю количества публикаций в изданиях WoS составила 11,4 раза, в изданиях Scopus – 6,9 раза. При этом в указанный период наблюдался рост публикационной активности в КГУ: в 6,1 раз выросло число публикаций в изданиях WoS, в 5,5 раза – число публикаций в изданиях Scopus, в 2,9 раза – число публикаций в изданиях РИНЦ⁸. Однако стартовые позиции УрФУ в 2013–2014 гг. были более сильными, чем в КГУ, а мощная финансовая поддержка государства привела к сохранению существующего разрыва и в 2021 г.

Из-за отсутствия открытых данных мы смогли провести анализ публикационного ресурса в разрезе возраста авторов и по критерию вовлеченности ППС в публикационную активность только по УрФУ. По данным за 2012–2021 гг., лидерами публикационной активности в этом университете являются молодые исследователи в возрасте до 40 лет (рис. 2), причем эта тенденция начала складываться с 2012 г., когда вуз включился в проект «5-100», и проявилась в полной мере в 2016 г. Таким образом, мы видим, что,

⁶ Все исследовательские гранты РФ предусматривают наличие в научных коллективах не менее 50% их участников в возрасте до 39 лет.

⁷ Рассчитано по: Научный потенциал вузов Уральского федерального округа. 2018 / Под ред. В.М. Кутузова. СПб.: СПбГЭТУ, 2019. С. 124, 133.

⁸ Рассчитано по данным Мониторинга эффективности организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).

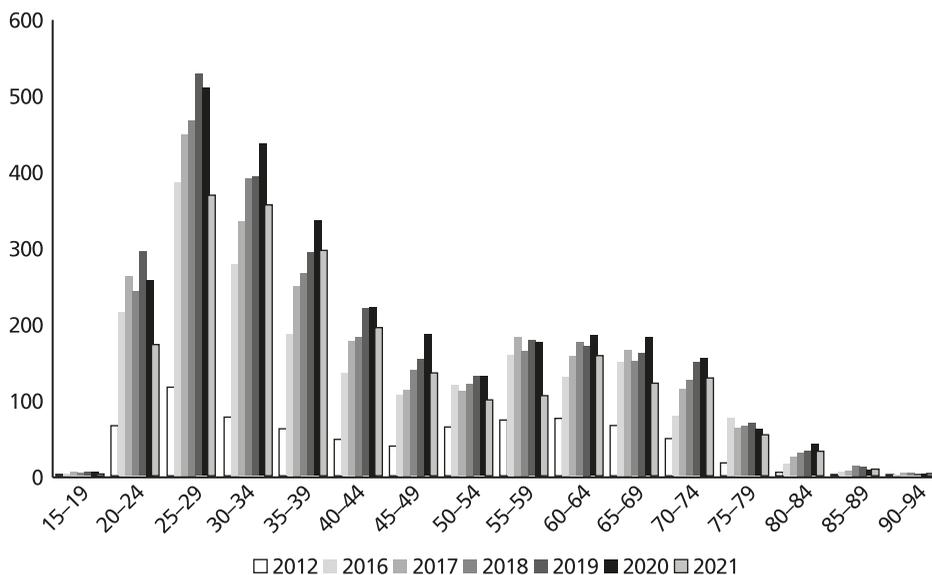

Рис. 2. Динамика числа авторов статей WoS и Scopus в УрФУ по возрастным группам НПП, 2012–2021 гг., чел.

несмотря на сокращение доли молодых сотрудников, уровень их публикационной активности остается высоким по сравнению со старшими возрастными группами.

Управленческая аналитика УрФУ фиксирует также изменения соотношения групп ППС с различной степенью публикационной активности. Группа преподавателей, имеющих публикации только в российских журналах списка ВАК, постепенно уменьшилась в абсолютных и относительных величинах – с 18,7% в 2015–2017 гг. до 13,4% в 2019–2021 гг. Однако отчеты несколько «лукавят», когда речь заходит о ППС с «нулевой» публикационной активностью: при расчете в абсолютных числах прослеживается тенденция к уменьшению данной группы, а при расчете доли преподавателей данного типа относительно общей численности ППС заметен ее рост с 33,9% в 2015–2017 гг. до 40,4% в 2019–2020 гг.

Численность высоко- и среднепродуктивных в публикационном плане ППС (3 и более публикаций в WoS и Scopus и 1–2 таких публикаций соответственно) увеличивается к 2020 г.: доля высокопродуктивных – с 23,2% в 2015–2017 гг. до 36,8% в 2018–2020 гг., доля среднепродуктивных – с 19,2% в 2015–2017 гг. до 33,3% в 2018–2020 гг. Резкое снижение публикационной активности в УрФУ в высокорейтинговых журналах в 2021 г. обусловлено, во-первых, временным лагом индексирования статей (они просто не вошли в отчеты университета), во-вторых, общероссийской тенденцией сокращения публикаций данного типа. По сведениям АЦ «Эксперт», в 2021 г. впервые за десять лет снизилась доля российских публикаций в международных базах – с 3,6% в 2020 г. до 3,26% в 2021 г., т.е. до уровня 2018 г.⁹

Научный потенциал университетов традиционно измеряется показателями острепенности НПП. Однако такой управленческий инструмент оценки научной квалификации сотрудников дает основания для весьма неоднозначных выводов. С одной стороны, мы видим самый высокий уровень острепенности в КГУ – вузе зоны «периферии» (77,91%

⁹ Рейтинг публикационной активности российских университетов – 2022. URL: <https://expert-ural.com/analytics/ratings/rejting-publikacionnoy-aktivnosti-rossijskih-universitetov-2022.html#metod> (дата обращения: 05.06.2022).

Таблица 4

Динамика доли НПР в вузах УрФО, имеющих ученую степень доктора наук, за 2014–2021 гг. (в %)

Вузы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
УрФУ	11,44	14,28	14,9	13,87	14,60	14,50	13,55	14,19
ТюмГУ	15,62	16,26	15,19	15,91	15,14	15,59	14,98	13,93
ЮУрГУ	13,88	13,42	12,85	12,6	14,02	13,60	14,49	14,07
СурГУ	15,58	14,68	16,17	14,85	15,44	13,76	13,56	13,36
КГУ	9,28	10,88	10,53	10,51	11,73	9,74	10,32	9,72

сотрудников имеют степень доктора или кандидата наук), а самый низкий – в УрФУ (64,86%). При этом КГУ с 2014 г. показывает самый высокий прирост сотрудников с научными степенями (+9,03% к 2021 г.). На втором месте по этому показателю УрФУ (+2,31% к 2021 г.). Остальные вузы к настоящему времени демонстрируют прибавку доли остепененных в 0,5% и менее.

С другой стороны, все рассматриваемые вузы, кроме КГУ, сегодня имеют примерно одинаковую долю докторов наук (табл. 4). Однако в УрФУ произошло ее увеличение по сравнению с 2014 г. на 2,75%, в то время как другие вузы (в том числе отнесенные нами к ведущим) показывают либо отрицательную, либо очень слабую положительную динамику.

Еще одним важным показателем ресурсности НПС служит доля сотрудников университетов, защитивших кандидатские и докторские диссертации. К сожалению, анализ статистических данных не показывает позитивного сдвига практически ни в одном из университетов региона: в УрФУ показатель 2021 г. остался на уровне 2014 г. (1,2%), у остальных вузов он снизился. Так, ТюмГУ потерял к 2021 г. 1,52% защит, ЮУрГУ – 1,79%, СурГУ – 4,05%, КГУ – 1,22%.

«Стеклянный потолок» ресурсных ограничений. В анализе ресурсности НПС вузов УрФО мы следовали, с одной стороны, основным принципам административного подхода к ее оценке, принятым в российских университетах и отвечающим требованиям бюрократического контроля за эффективностью вузов. С другой стороны, мы придерживались идеи проверки функциональности и информативности такого подхода, дополняя его параметрами, не используемыми (или редко используемыми) в управленческой аналитике.

Набор показателей и индикаторов ресурсности НПС, вполне обеспечивающих успешность внешней отчетности университетов, не дает возможности увидеть ресурсные резервы и ограничения, понимание которых важно в рамках мобилизационного подхода для поиска новых способов реализации стратегических целей российских вузов.

На примере вузов «ядра» УрФО, казалось бы, видна эффективность административных решений в сфере управления человеческим активом университетов, поскольку эти решения закрепляют и повышают их статус региональных и национальных лидеров. Однако расширенный (даже на самую малую толику) инструмент оценки тут же выявляет риск истощения человеческой ресурсности за счет сверхэксплуатации высокопродуктивной группы НПС и интенсификации труда всех его иных групп, которая не позволяет им перейти в категорию продуктивных.

«Изъяны» административного подхода к ресурсности НПС проявляются и в других направлениях ее оценки. Так, увеличение показателей эффективности закономерно должно быть увязано с повышением уровня научно-педагогической квалификации НПС. Однако мы видим по формальным количественным параметрам остепененности НПС, что этот ресурс, в большей степени присутствующий в университетах «полупериферии» и «периферии», не дает им никаких преимуществ и шансов изменить свою позицию в структуре высшего образования региона. В то же время у вузов «ядра» количественные колебания показателей ресурса научно-педагогической квалификации никак не отражаются на росте других показателей университета, поскольку они связаны с качественными состояниями

названного ресурса, например сохранением высокой научно-исследовательской активности после защит диссертаций и/или обеспечением научной продуктивности молодых (даже неостепененных) НПС. Таким образом, административный подход порождает своеобразный эффект «стеклянного потолка» на пути развития университетов: ресурсные барьеры, связанные с НПС, не идентифицируются или игнорируются как риски, что создает видимость оптимистичного сценария.

Между тем исполнение такого сценария мог бы обеспечить мобилизационный подход к оценке и использованию человеческой ресурсности вузов. Один из его принципов заключается в многомерном многометодном качественно-количественном измерении всей совокупности ресурсов НПС. Другой принцип данного управленческого подхода – использование дифференцированной оценки ресурсности НПС на основании нескольких критериев – возраста, пола, научной активности. В сочетании с другими принципами он дает представление о ресурсной структуре НПС и ресурсном потенциале каждой группы сотрудников вуза. Суть мобилизационного подхода также состоит в тонкой настройке механизмов использования ресурсности НПС, когда актуализируются ранее неоцененные и невостребованные ресурсы.

Один из них – *морально-идеологический*, включает в себя знание, понимание и принятие сотрудниками целей университетской стратегии, а также их готовность к участию в ее реализации в новых условиях. Непонимание и неприятие целей реформирования высшей школы, сопротивление инновациям, в том числе и позитивным, оппортунизм, имитационность фиксируются исследователями с начала 2010-х гг. [Курбатова, Каган, 2016; Зборовский и др., 2017; Вольчик и др., 2016; Хагуров, Остапенко, 2014; Серякова, Краинская, 2013].

К морально-идеологическому ресурсу можно отнести и то, что П. Штомпка обозначил формулой: *доверие, верность и солидарность* [Штомпка, 2012]. Результаты исследований кризиса доверия в высшей школе свидетельствуют об истощении этого ресурса университетского управления [Токарева и др., 2015]. Они указывают на то, что доверие как нематериальный ресурс высшей школы не накапливается и не приводится в действие. Мобилизация ресурсности НПС в первую очередь строится на формировании, сохранении и укреплении морально-идеологического ресурса, поскольку это едва ли не единственный эффективный способ управления мотивацией высокопрофессионального общества, его готовностью к изменениям и усложнению деятельности.

В равной мере мобилизационный подход учитывает такой ресурс НПС, как *многообразие научных коллективов, научных школ и групп, их традиции, наставнический и социальный капитал*. В последние годы академическое сообщество испытало по меньшей мере удивление новыми управленческими критериями определения статуса научной школы. Среди них на одно из первых мест был поставлен объем привлеченного финансирования, количество грантов и соответствие ключевым компетенциям университета. В некоторых вузах негласным критерием сохранения или признания научной школы стала лояльность ее руководителя в ситуации конфликта между интересами академического сообщества и менеджериального университетского управления¹⁰. В то же время ресурс научных школ – это основа реального, а не имитационного брендинга российских университетов. Он обладает способностью конвертироваться как в символические, так и в монетарные бенефиты, а значит требует создания оптимальных условий для своего сохранения и развития.

Особое значение для мобилизационного подхода в вузах имеют *символический ресурс* и *ресурс научно-педагогической квалификации*, выраженные не в ритуальном упоминании научных званий, ученых степеней, наград, а в реально работающих экспертных статусах и активном вовлечении НПС в институциональные наставнические практики. В то

¹⁰ Рейдеры от науки. Почему сфера образования продолжает терять профессионалов. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/reyder-ot-nauki/> (дата обращения: 17.06.2022).

же время проблемы мобилизации в таком качестве научно-педагогической квалификации НПС практически не разрабатываются. Исключение составляет несколько работ [Нархов, 2014; Заборова, 2014]. Ресурс наставничества, столь необходимый для воспроизводства научно-педагогических кадров, не является предметом управленческого внимания. Между тем индивидуальное закрепление за молодым специалистом опытного наставника в научно-педагогической деятельности могло бы иметь немалый позитивный эффект, особенно в ситуации снижения привлекательности для молодых людей академической профессии.

Важным, но малоактуализируемым, является *коммуникативный ресурс*. Он имеет качественно-количественное измерение транзакций, в которые вступают представители НПС и их партнеры, включая плотность, уровни, степень формализации профессиональных коммуникаций между участниками научно-образовательной деятельности внутри вуза и за его пределами [Олейник, 2019]. Коммуникативный ресурс НПС представляет собой элемент коммуникативного поля университета, но не в полной мере идентичен ему, поскольку образован личными коммуникациями. В таких коммуникациях аффилиация с конкретным университетом присутствует, но уходит на второй план, уступая место личному статусу и силе привлекательности коммуниканта. Именно в таком качестве некоторые ведущие вузы используют коммуникативный ресурс НПС для продвижения университетского бренда в социальных сетях, СМИ, поиска и привлечения внешних партнеров.

Для мобилизационного подхода ключевым направлением выступает управление *темпоральным ресурсом НПС*. Наличие времени – основа для актуализации практических всех иных ресурсов НПС. Однако данный ресурс в последние годы подвергается сверхэксплуатации, хотя требует особо бережного обращения и учета. В условиях перехода к мобилизационной модели управления необходимо, по нашему мнению, в каждом вузе изучать бюджет времени НПС с последующим созданием нормальных условий для его использования.

Наконец, заслуживает внимания *образовательно-педагогический ресурс* НПС. Его использование необходимо для формирования кадров новой экономики. Здесь приобретает особое значение качество этого ресурса, которое требует специальной целенаправленной работы управленческого аппарата. Образовательно-педагогический ресурс НПС нуждается в усилении через активизацию профессиональной и академической мобильности, взаимодействие с практиками, актуализацию знания собственной отрасли.

Закключение. Результаты анализа университетских практик управления человеческими ресурсами свидетельствуют о доминировании административного подхода к оценке ресурсности НПС и в то же время о необходимости и возможностях внедрения подхода, который определяется нами как мобилизационный. Очевидно, свойства и характеристики НПС российских вузов, которые не являются предметом управленческой аналитики, не могут быть использованы (и не используются) в интересах университетов. Вывод о ресурсной стратификации российских вузов (выраженной в неравном доступе к финансированию, информационной и материальной инфраструктуре) можно дополнить заключением о ресурсном неравенстве, имеющем человеческое измерение.

Кейс высшего образования УрФО отразил в целом общероссийскую ситуацию: во-первых, неравное обеспечение вузов важнейшими ресурсами НПС – социально-демографическим, научно-квалификационным, публикационным и др.; во-вторых, неравенство между группами НПС, имеющими разную ресурсность. Самое главное, малоресурсные вузы и группы НПС практически не имеют возможностей изменить свое положение в силу отсутствия оптимальных организационных и экономических условий для этого. Мы квалифицируем сложившуюся проблемную ситуацию как риск для реализации стратегий повышения конкурентоспособности российской высшей школы и устойчивого функционирования и развития университетов.

Административный подход с его усеченными и искаженными инструментами оценивания создает своего рода «стеклянный потолок», т.е. ресурсные ограничения, невидимые до определенного момента, но реально существующие. В то же время сложились

предпосылки использования мобилизационного подхода к управлению ресурсностью НПС с опорой на актуализацию ранее неочтенных и не востребуемых ресурсов – доверия, лояльности, неформальных сетевых коммуникаций, символического капитала академической репутации и признания и др. Но для того, чтобы этот подход «заработал», необходимо по крайней мере настроить новую оптику управленческого анализа ресурсности НПС, а затем на ее основе создать подходы к гибкому ее использованию для усиления позиций университетов в национальном и международном образовательном пространстве.

Проведенное исследование показало, что вузы, которые хотя бы для себя, для «внутреннего пользования» применяют расширенный мобилизационный подход к диагностике ресурсного потенциала НПС, достигают лучшего понимания своих возможностей и рисков. В итоге это служит дополнительным инструментом корректировки стратегии развития.

Отдельного исследования заслуживает неактуализированная ресурсность НПС. В социологии накоплен достаточно большой теоретический и эмпирический материал по каждому элементу такой ресурсности. Он требует концептуализации в контексте именно ресурсного подхода и мобилизационной модели университетского управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольчик В.В., Филоненко Ю.В., Аверкиева Е.С., Ширяев И.М. Бюрократизация и адаптивное поведение в сфере высшего образования // *Journal of Economic Regulation*. 2016. Т. 7. № 4. С. 57–71.
- Воронин А.В. Влияние университетов на социально-экономическое развитие регионов. Тюмень: ТИУ, 2020.
- Гайнанов Д.А., Атаева А.Г. Влияние центр-периферийных отношений на молодежную образовательную миграцию // *Ars Administrandi. Искусство управления*. 2021. Т. 13. № 3. С. 335–358.
- Гусева А.И., Калашник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В. Исследовательское лидерство программы «Приоритет-2030»: факторы успеха // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31. № 1. С. 42–58.
- Заборова Е.Н. Городское управление. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2014.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Университеты, которые могут изменить себя и макрорегион // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 16*. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 373–392.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Шуклина Е.А. Существует ли система высшего образования в России? // *Социологические исследования*. 2017. № 11. С. 76–86.
- Казимирчик Л.В., Полихина Н.А., Тростянская И.Б. Продвижение научных журналов в международные научометрические базы данных: сравнительный анализ показателей журналов ведущих вузов России и журналов зарубежных стран (2013–2018 годы) // *Научный редактор и издатель*. 2019. № 4. С. 151–168.
- Курбатова М.В., Каган Е.С. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2016. Т. 8. № 3. С. 116–136.
- Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
- Нархов Д.Ю. Политический ресурс российских преподавателей высшей школы: формы и способы реализации // *Вестник СурГПУ*. 2014. № 2. С. 129–136.
- Олейник А.Н. Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках. М.: ИНФРА-М, 2019.
- Паньшин И.В., Жуковская И.Ф., Ярьес О.Б. Роль университетских центров в капитализации интеллектуального потенциала региона // *Проблемы теории и практики управления*. 2021. № 6. С. 55–75.
- Серякова С.Б., Красинская Л.Ф. Реформы высшего образования глазами преподавателей: результаты исследования // *Высшее образование в России*. 2013. № 11. С. 22–30.
- Токарева С.Б., Голубь О.В., Горина Т.С., Калашникова Н.А. Институциональное доверие в высшей школе и качество образования. Волгоград: ВолГУ, 2015.
- Хагуров Т.А., Остапенко А.А. Реформа образования глазами профессионального сообщества: опыт социологического исследования. М.: ИС РАН, 2014.
- Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.

Статья поступила: 21.06.22. Принята к публикации: 01.08.22.

**RESOURCE MOBILIZATION OF THE RESEARCH AND PEDAGOGICAL COMMUNITY:
RUSSIAN PRACTICES AND REGIONAL DIMENSION**

ZBOROVSKY G.E.*, AMBAROVA P.A.*

*Ural Federal University, Russia

Garold E. ZBOROVSKY, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (garoldzborovsky@gmail.com); Polina A. AMBAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (borges75@mail.ru). Both – Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Acknowledgements. This work was funded by RFBR, project No. 19-29-07016.**Abstract.** Article is devoted to the sociological analysis of the resource mobilization of the research and pedagogical community (RPC) of universities in the Ural Federal District (UFD). The problem is considered at the intersection of the sociology of management and the sociology of higher education. Based on the materials of theoretical and empirical studies of higher education practices, the mobilization approach to the assessment and use of the resource capacity of the RPC of the UFD universities in the new conditions of the implementation of their development strategies is substantiated. Based on the results of a study of universities belonging to the "core", "semi-periphery" and "periphery" zones of higher education, the necessity of the managerial approach in the universities of the UFD aimed at mobilizing the unclaimed resources of the RPC is proved. The article characterizes the limitations of university management decisions concerning the assessment and use of RPC resources at universities in the region.**Keywords:** research and pedagogical community, RPC resourcing, RPC resource mobilization, university management, regional university practices.

REFERENCES

- Gaynanov D.A., Ataeva A.G. (2021) Influence of center-peripheral relations on youth educational migration. *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniya* [Ars Administrandi. The art of management]. Vol. 13. No. 3: 335–358. (In Russ.)
- Guseva A.I., Kalashnik V.M., Kaminsky V.I., Kireev S.V. (2022) Research Leadership of "Priority 2030" Program: Success Factors. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia]. Vol. 31. No. 1: 42–58. (In Russ.)
- Kazimirchik L.V., Polikhina N.A., Trostyanskaya I.B. (2019) Promoting journals into international databases: a comparative analysis of journals of leading Russian universities and journals of foreign countries (2013–2018). *Nauchnyy redaktor i izdatel'* [Science Editor and Publisher]. No. 4: 151–168. (In Russ.)
- Khagurov T., Ostapenko A. (2014) *Education Reform through the Eyes of the Professional Community: the Experience of Sociological Research*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Kurbatova M., Kagan E. (2016) Opportunism of university lecturers as a way to adaptate the external control activities strengthening. *Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy)* [Journal of Institutional Studies]. Vol. 8. No. 3: 116–136. (In Russ.)
- Malinovsky S., Shibanova E. (2020) *Regional Differentiation of Accessibility of Higher Education in Russia*. Moscow: VHSE. (In Russ.)
- Narkhov D. (2014) The political resource of Russian teachers of a higher education institution: forms and ways of realization. *Vestnik SurGPU* [Bulletin of SurSPU]. No. 2: 129–136. (In Russ.)
- Oleinik A. (2019) *Scientific Transactions: Networks and Hierarchies in Social Sciences*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
- Panshin I., Zhuckovskaya I., Yares O. (2021) The role of university centers in capitalizing the intellectual potential of the region. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [International journal of management theory and practice]. No. 6: 55–75. (In Russ.)
- Seryakova S., Krasinskaya L. (2013) Reorganization of higher education through the eyes lecturers: study results. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia]. No.11: 22–30. (In Russ.)
- Tokareva S., Golub O., Gorina T., Kalashnikova N. (2015) *Institutional Trust in Higher Education and the quality of Education*. Volgograd: VolGU. (In Russ.)
- Volchik V., Filonenko Yu., Averkieva E., Shiriaev I. (2016) Bureaucratization and adaptive behavior in the higher education. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 7. No. 4: 57–71. (In Russ.)
- Voronin A.V. (2020) *The Influence of Universities on the Socio-Economic Development of Regions*. Tyumen: TIU. (In Russ.)
- Zaborova E. (2014) *City Administration*. Yekaterinburg: Ural. un-t. (In Russ.)
- Zborovsky G., Ambarova P. (2018) The Universities Can Change Themselves and the Macro-Region. In: *Russia Reforming: Yearbook*. Iss. 16: 373–392. Moscow: Novyj Khronograf. (In Russ.)
- Zborovsky G., Ambarova P., Shuklina E. (2017) Does a system of higher education exist in Russia? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 76–86. (In Russ.)
- Shtompka P. (2012) Trust is the basis of society. Moscow: Logos. (In Russ.)

Received: 21.06.22. Accepted: 01.08.22.

П.В. ШЕВЧЕНКО

ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК УЧИТЕЛЯ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ

ШЕВЧЕНКО Павел Владимирович – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия (shevpav@yandex.ru).

Аннотация. Улучшение положения и повышение социального статуса школьного учителя в Москве рассматривается как результат 10-летнего периода реформ системы образования в столице. Эмпирическую базу составляют статистические данные и результаты социологических опросов, проведенных в 2013–2021 гг. Лабораторией управления проектами Московского городского педагогического университета. Анализируются показатели дохода, уровня образования, факторы, влияющие на престижность позиции школьного учителя. Основным фактором, привлекающим на работу в школу, является существенный рост зарплаты. Он способствовал значительному увеличению доли учителей-мужчин в наиболее работоспособном возрасте. Негативными факторами являются перегруженность и юридическая незащищённость в конфликтных ситуациях.

Ключевые слова: школьное образование • учитель • привлекательность позиции • социальный статус • федеральное статистическое наблюдение

DOI: 10.31857/5013216250020284-5

Реформы в системе образования Москвы (2010–2020) привели к значительным изменениям, затронув все сферы профессиональной деятельности работников образовательных структур. Первой была реформирована структура управления: ликвидированы окружные (в прошлом – районные) управления образования со всеми их функциями (финансовой, кадровой и методической). Эти функции были переданы непосредственно школам, большинство из которых при реорганизации были объединены в образовательные комплексы, состоящие из нескольких школ и детских садов. После изменения структуры управления стало меняться и содержание процессов школьного образования (обучение, воспитание, сопровождение). Изначально реформы были инициированы на федеральном уровне утверждением Национальной образовательной инициативы¹ «Наша новая школа» в 2010 г. Из более чем 20 весьма заметных нововведений, существенно изменивших московскую школу в обозначенный период, большинство были инициативой города, но наиболее фундаментальные предложены на федеральном уровне – разработка ФГОС, переход на нормативно-подушевое финансирование, принятие важных для школы законов² и других нормативных актов. Система образования столицы, наряду с цифровизацией, развитием транспортной инфраструктуры и благоустройством улиц, была отнесена к приоритетным направлениям политики мэра города С.С. Собянина. Естественное развитие структур образования в сочетании с реформаторскими усилиями властей повлияло и на школу, и на социальное положение её главной фигуры – учителя.

В статье поставлена цель рассмотреть основные характеристики различных сторон положения московского учительства в результате этих реформ: доход (заработная плата); уровень образования; стабильность; привлекательность и престижность; самооценка статуса; напряжённость работы; обстоятельства, затрудняющие работу педагога. Конечно,

¹ Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» утверждена президентом РФ 04.02.2010 г.

² № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в РФ» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) и 44-ФЗ от 05.04.2013 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

положение учителей в столице отличается от такового во всех российских регионах. Мы можем рассчитывать на то, что опыт реформ в столице будет развиваться в более широких масштабах всей страны и обозначит перспективы профессии в целом. Ведь положение профессиональной группы учителей в целом отражает значимость профессии, ее притягательность, указывает на её перспективы в конкретном регионе и в конечном счете является индикатором успешности реформ в данной сфере [Леонидова, 2017; Вольчик, Посухова, 2017].

Основным источником объективных показателей состояния школьного образования являются формы Федерального статистического наблюдения (ФСН) ОО-1 (до 2013 г. – 83-рик) и ОО-2³ и данные Росстата. Результаты опросов о престижности профессии опубликованы на сайтах ВЦИОМ и ФОМ. Базой анализа является мониторинг самооценки учителями своего статуса, который периодически осуществляется Московским городским педагогическим университетом. Отношение учителей к отдельным аспектам работы изучалось с помощью опросов в 2013, 2018⁴ и 2021 гг. («Карьера педагога», 2013 г., $N = 1200$ чел.; «Классный руководитель», 2018 г., $N = 1800$ чел.; «Трудовое поведение учителей во время пандемии», 2021 г., $N = 1000$). Во всех исследованиях выборка репрезентативна по полу, возрасту, стажу, территории⁵. Для общей оценки результатов школьных реформ в 2021/2022 уч. г. автором проведён экспертный опрос (неформализованное личное интервью) 25 директоров и заместителей директоров школ, выполнявших свои управленческие функции в период реформ. Опрашивались только те директора и заместители директоров, которые начинали свою административную деятельность до начала реформ 2010 г.

Заработная плата. Для страны, в которой значительная часть (50,3%) всего работающего населения озабочена низкой оплатой своего труда [Прекариат..., 2020: 348], уровень дохода является во многом определяющим при выборе профессии или конкретного места работы. Так, основной причиной, почему молодые люди не становятся учителями, 55% россиян называют маленькую зарплату⁶.

Очевидно, что притягательный уровень оплаты труда начинается с уровня «выше среднего по региону», который разнится⁷, но к 2020 г. достигнут лишь в нескольких регионах страны, в том числе в столице (рис. 1). Стимулирующая часть зависит от разных факторов, влияние которых распределено неравномерно в течение учебного года. Минимальный уровень зарплаты учителя, работающего на полную ставку, в 2022 г. составляет 84,1 тыс. рублей, невыполнение этого требования⁸ может обернуться серьёзными последствиями для директора школы. Это резко контрастирует с положением работников образования в середине 1990-х гг.

Как показано на рис. 1, в 2010–2011 гг. зарплата учителя не превышала средней по городу. Само превышение, в среднем на 16%, впервые появившееся в 2012/2013 уч. г. в начале периода массового объединения школ, можно считать достижением для массовой профессии, в которой занято 59,4 тыс. человек⁹.

³ Министерство просвещения РФ. Банк документов. URL: <https://docs.edu.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

⁴ См. [Шевченко, 2019].

⁵ Все три опроса учителей проведены Лабораторией управления проектами МГПУ. Использовались бумажные анкеты. Во всех опросах повторяются блоки вопросов о содержании работы, а также о предмете, статусе, самооценке материального состояния, настроении и т.д.

⁶ Учитель в России: профессия или призвание? ВЦИОМ. 9.10.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitel-v-rossii-professiya-ili-prizvanie> (дата обращения: 10.09.2021).

⁷ Росстат. Рынок труда, занятость и заработная плата URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries# (дата обращения: 10.05.2022).

⁸ Письмо Департамента образования и науки города Москвы от 25.01.2022 № 01-50/02-123/22. Центр финансового обеспечения ДОИМ. URL: https://cfo-donm.mos.ru/educational-organizations/calculations-on-payment/files/Письмо_ДОИМ_о_целевых_показателях.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

⁹ ФСН, Форма ОО-1. Министерство просвещения РФ. Банк документов. URL: <https://docs.edu.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

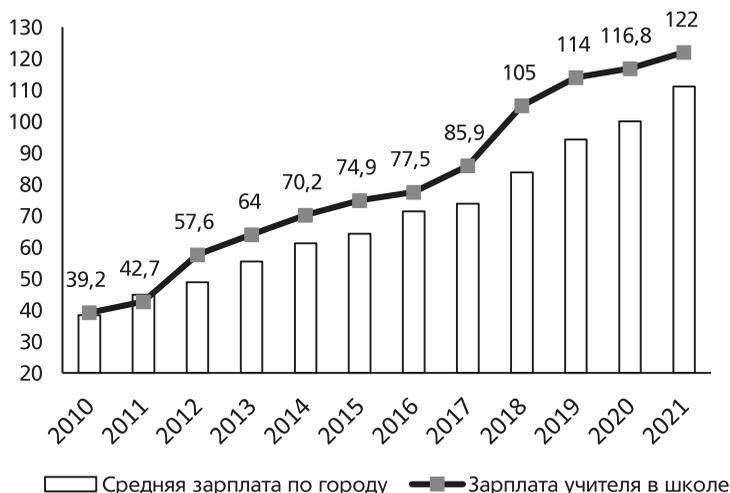

Рис. 1. Средняя зарплата учителя и средняя зарплата по Москве (в тыс. руб.)

Источник: Федеральное статистическое наблюдение, форма ОО-2 и данные Росстата.

Повышение зарплаты связано не с новой системой оплаты труда (НСОТ), которая лишь предусматривала иной порядок перераспределения средств, а с заметным увеличением нормативов подушевого финансирования, которое совпало с началом процесса объединения школ. Поскольку любое нововведение, навязанное организации «сверху», вызывает сопротивление, повышение уровня оплаты труда во время реформ было одним из обязательных условий их успешной реализации. Норматив подушевого финансирования поднимался регулярно и с 2022 г. достиг уровня: в начальной школе 139 тыс. руб., в 5–9-х классах – 160 тыс. руб., в старших классах – 180 тыс. руб. на одного столичного школьника¹⁰. Это выше, чем в остальных регионах, которые такого ресурса не получили.

Уровень образования, пол и возраст. Высшее образование в нашей стране по разным оценкам¹¹ имеют 30–31% населения. В Москве проживает 41% жителей с высшим образованием¹², при этом почти все учителя (97,3%) имеют законченное высшее образование в соответствии с предъявляемыми к ним требованиями, а не имеют высшего образования только работающие студенты и часть учителей пенсионного возраста. На таком фоне профессия учителя, в которой подавляющее большинство (в целом по России – 86,9%) имеет высшее образование, представляется профессией, требующей высокой квалификации.

Выпускники московских школ активно стремятся получить педагогическое образование, об этом свидетельствует уровень подготовленности абитуриентов, поступающих в Московский городской (МГПУ) и Московский государственный (МПГУ) педагогические университеты.

¹⁰ Постановление Правительства Москвы от 22.12.2021 № 2155-ПП. URL: <https://cfo-donm.mos.ru/educational-organizations/financial-and-economic-activity/financial-planning/state-task.php> (дата обращения: 12.01.2022).

¹¹ Образование в цифрах: 2019. Статистический сборник. НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/oc2019>; Знания в приоритете. Российская газета. № 129(8480) 14.06.2021. URL: <https://rg.ru/2021/06/15/kolichestvo-rossiiian-s-vysshim-obrazovaniem-prevysilo-31-procent.html> (дата обращения: 10.05.2022).

¹² Всероссийская перепись населения. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.05.2022).

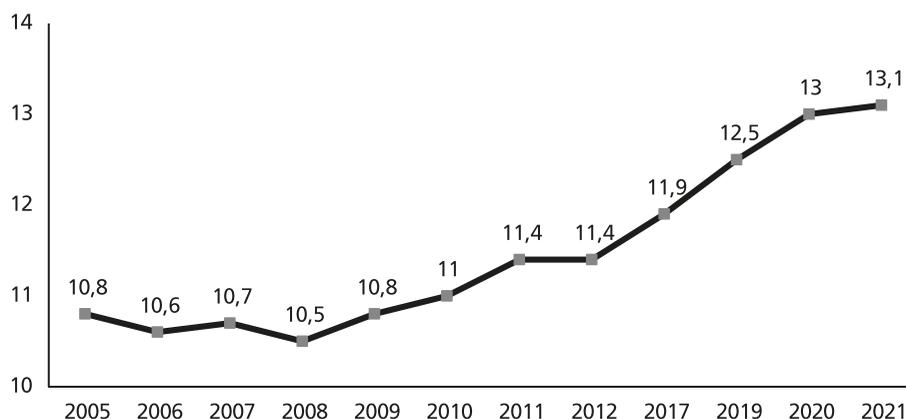

Рис. 2. Доля учителей-мужчин в московских школах (в % от числа учителей)

Источник: Федеральное статистическое наблюдение, форма ОО-1 (с 2017 г.), форма 83-рик, (до 2012 г.).

Таблица 1

Средний балл ЕГЭ абитуриентов, зачисленных на бюджетную форму обучения

Вуз	2018	2019	2020	2021
МГПУ	80,1	82,6	85,5	87,2
МПГУ	79,2	79,5	80,0	79,5

Высокие баллы абитуриентов МГПУ последних лет соответствуют 20-му месту в рейтинге всех вузов¹³ страны. Наиболее высокий балл зафиксирован по традиционно популярным педагогическим специальностям («иностранные языки»)¹⁴.

Рост притягательности профессии школьного учителя в столице сопровождается не только повышением образовательного уровня желающих получить данную профессию. Намечилась тенденция к выравниванию гендерного перекоса. С годами не меняется представление о том, что воспитатель и учитель (педагог) – это профессии, возглавляющие «женский рейтинг» ответа на вопрос «Какие профессии вы могли бы назвать женскими?»¹⁵. Среди мужских профессий «учитель» не фигурирует. Для сравнения можно отметить, что «врач» фигурирует и в женском, и в мужском перечнях на позициях, далёких от лидирующих. В Москве же доля мужчин среди учителей в течение последних лет непрерывно возрастает (рис. 2).

Сейчас в Москве 13% учителей – мужчины, в целом по России – 10,1%, но существенное различие заключается не в среднем количестве мужчин, а в доле мужчин в разных возрастных группах.

¹³ Рейтинг вузов 2021. 4 ЕГЭ. URL: <https://4ege.ru/vuz/60402-rejting-vuzov-2021.html> (дата обращения: 11.05.2022).

¹⁴ Табитуриент. Сайт МГПУ. URL: <https://tabituriient.ru/vuzu/mgpu/proxodnoi/> (дата обращения: 1.04.2022).

¹⁵ Справедливо ли делить профессии на мужские и женские? ФОМ 12.08.2013. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/11030> (дата обращения: 10.05.2022); Россияне назвали самые женские и мужские профессии. Портал E-xecutive.ru. 17.08.2021. URL: <https://www.e-xecutive.ru/sections/hr-news/news/2095782-rossiyane-nazvali-samye-zhenskie-i-muzhskie-professii> (дата обращения: 10.05.2022).

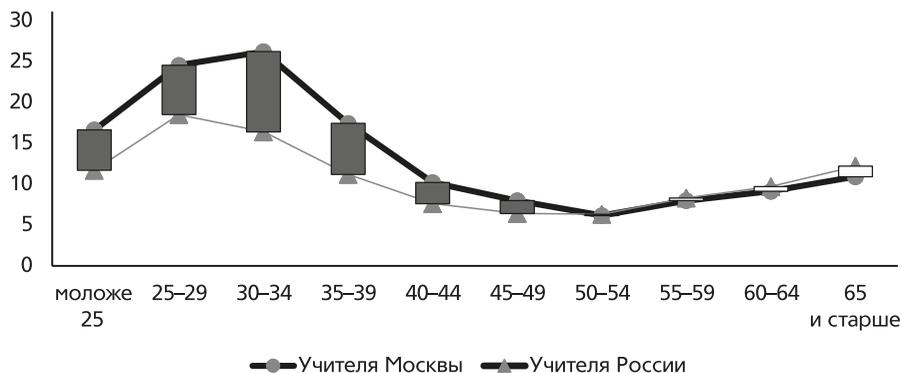

Рис. 3. Доля учителей-мужчин в разных возрастных категориях (в % от числа учителей)

Источник: Федеральное статистическое наблюдение, форма ОО-1 (2021 г.).

На рис. 3 видно, что в Москве существенно выше, чем в целом по России, доля мужчин в наиболее активном периоде жизни (до 49 лет) и меньше – в предпенсионном и пенсионном.

Относительно большое количество молодых мужчин-учителей в столице скорее всего является следствием повышения оплаты труда, что позволяет мужчинам оставаться в профессии, не покидая её ради более высокооплачиваемой работы, как это было в прежние времена. Стереотип «мужчины-добытчика», не имеющего морального права зарабатывать мало, входит в тройку наиболее распространённых стереотипов в сфере школьного образования [Клецина, Давыдова, 2020: 351]. Получая среднюю зарплату учителя, можно, в частности, оплачивать недорогое съёмное жильё, а при двух учительских зарплатах – ипотеку. Это привлекает в столицу педагогов не только из Московской области, но и из более удалённых регионов. По оценкам директоров, в некоторых школах (преимущественно на окраине города и в «новой Москве») уже более половины сотрудников – это трудовые мигранты высокой квалификации, высокомотивированные преподавать в московской школе.

Средний возраст московского учителя – 44 года, как и в 2010 г., поэтому предположение о том, что «для Москвы старение преподавательского корпуса – объективная реальность» [Гаспаришвили и др., 2012: 24], не подтвердилось.

Стабильность положения учителя – одно из наиболее существенных преимуществ. При приёме на работу с учителем заключается бессрочный контракт, и уволить его произвольным образом директору сложно. Бюджет школы планируется на год, колебаниям конъюнктуры рынка школа не подвержена, посреди года учителя (если только он не совершил административное правонарушение) не отправят в неоплачиваемый отпуск и не уволят в связи с сокращением производства или закрытием фирмы.

Размер оклада и порядка начисления стимулирующих выплат становится известен сразу. Материальная ответственность учителя ограничена среднемесячным заработком, политика регулярных штрафов, как это бывает в бизнес-организациях, или, например, в метрополитене, в школах не применяется. Занимающиеся репетиторством знают, что один час работы репетитора ценится выше, чем в школе, но болезни учеников, каникулы и прочие случаи «простоя» не оплачиваются, а учителю гарантирован оплачиваемый двухмесячный отпуск в летнее время. Профессия «людей учить», наряду с «лечить и защищать», не исчезнет в обозримом будущем, как это происходит с другими профессиями вследствие автоматизации и информатизации. Два года дистанционного обучения во время пандемии

показали значимость профессионализма учителя в образовательном процессе, его умение выстраивать образовательный процесс в новых условиях [Сеткова и др., 2021].

Есть и обратная сторона: надёжность позиции учителя коррелирует сознательно вырабатываемой в себе лояльности к руководству. Учителю не следует портить отношения с директором, если он хочет продолжать работать учителем. Директора школ общаются между собой с помощью современных средств связи, и навести справки о чьём-то бывшем подчинённом – дело мгновенное. Ещё год назад, увольняя сотрудника, директор мог в универсальной автоматизированной системе бюджетного учёта поставить отметку «нет» в графе «рекомендация», которую учителя окрестили «чёрной меткой», а суд не счёл это нарушением прав¹⁶. Департамент больше не наказывает директора за приём на работу «нерекомендованного» учителя, но принимая на работу учителя, работавшего ранее в Москве, директор в обязательном порядке проверит весь «послужной список». Сейчас, при наличии нескольких претендентов на одно место, у него есть выбор.

Введение НСОТ в 2012 г. отменило существовавшую с 2005 г. гарантированную 115%-ю надбавку к окладу всем учителям иностранных языков (а их в столице 10 тыс. чел.) и 50%-ю надбавку молодым специалистам, тем самым существенно уменьшив их зарплату, но большинство учителей приняли это как должное. Автору известен только один случай, когда учителя иностранного языка, подав коллективный иск, сумели даже выиграть дело в районном суде и дошли до Мосгорсуда, который отказал им в их требовании вернуть прежний уровень зарплаты¹⁷, и из школы им пришлось уйти. В принципе, все учителя, которые продолжили работать на общих основаниях, без конфликтов, в долгосрочной перспективе выиграли, поскольку вскоре началось общее повышение зарплат, компенсировавшее всем потери прежних надбавок.

Профессия учителя подходит тем, кто не ориентирован на должностной рост. Большинство учителей сознательно выбирают ту профессию, в которой нет карьерного роста в его традиционном понимании – движения «вверх» по административной лестнице. При этом можно расширять и углублять квалификацию, стать членом экспертного сообщества или «заслуженным учителем», но при этом оставаться «просто учителем», не меняя места работы. В школе не требуется участвовать в гонке «up or out» (принцип «расти или увольняйся»), как это практикуется в бизнес-структурах.

На открытые вопросы о карьере¹⁸ больше всего учителей высказываний относятся к «антикарьерной» жизненной стратегии: «У учителя нет карьеры», «Я не стремлюсь к карьерному росту, меня полностью устраивает должность и обязанности», «Карьеру педагога сделать не может. Он должен быть мастером своего дела, с учениками. Карьеру ты делаешь администратором».

В то же время возможность, поработав какое-то время учителем, стать директором школы привлекает на работу амбициозных молодых людей. На фоне 113 тыс. педагогических работников¹⁹ узкая страта руководителей, составляющая всего 2% всех сотрудников школ, выглядит, скорее, исключением из правил. Тем не менее желающих стать директором с годами меньше не становится. Директор крупного образовательного комплекса, в составе которого 15–20 зданий, распоряжается годовым бюджетом порядка одного миллиарда руб., это сопоставимо с бюджетом небольшого города. При всей условности самостоятельности школы и целевом предназначении средств почуствовать себя «мэром города» – достаточно амбициозная цель, подкреплённая высокой заработной

¹⁶ См., например: Официальный портал судов общей юрисдикции. Мещанский районный суд. Дело № 02-0823/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/civil/details/ab5cc8e0-f05f-403b-8494-4faa3dbdf425?participants=департамент+образования> (дата обращения: 13.05.2022).

¹⁷ Мосгорсуд. Гражданские дела апелляционной инстанции. Дело № 11-38235. URL: <https://mos-gorsud.ru/fastsearch?q=школа+1373&page=2> (дата обращения: 12.07.2022).

¹⁸ Исследование МГПУ «Карьера педагога» (2013), ответы на вопросы: «Что вы думаете о карьере педагога?» или «Что способствовало / помешало вашей карьере?».

¹⁹ Включая воспитателей, тьюторов, педагогов доп. образования, учителей-логопедов и т.д.

платой, в среднем равной трём учительским. Эта цель привлекает в большей степени молодых мужчин: среди директоров до 34 лет женщины составляют меньшинство (22,4% в Москве и 38,6% в России). Амбициозность не ведёт автоматически к компетентности, особенно в управлении такой профессиональной группой, как учителя. Поэтому ротация директорского корпуса в Москве вдвое интенсивнее, чем в среднем по стране: ежегодно назначается 12,3% новых директоров в Москве и 6,6% в России²⁰.

Престижность профессии. Опросы общественного мнения о престижности профессии учителя дают противоречивые результаты. Если в 2006 г. в ответах на вопрос «Какие профессии вы считаете в настоящее время наиболее престижными?» с большим отрывом лидировали юристы и экономисты (финансисты), то в 2021 г. тройку лидирующих позиций составили более традиционные «работники медицинской сферы, образования», а также «IT-специалисты»²¹.

В такого рода опросах необходимо учитывать специфику подсчёта ответов на открытый вопрос – любой человек с большей вероятностью вспоминает то, что он видит и слышит чаще. Стоит отметить, что второе место «работникам сферы образования» в данном рейтинге обеспечили, в основном, респонденты старше 60 лет, для молодёжи привлекательнее другие профессии: медик, юрист, IT-специалист занимают первые три места, а на четвёртом месте – работники образования и инженеры.

По всей вероятности, на общественную оценку престижности профессии, помимо заработной платы, оказывают влияние упоминание в СМИ (формирующих моду), частота повседневных контактов с представителями профессии (определяющих ее «общественную полезность»), отождествление платных услуг с высоким доходом (например, в медицине), субъективно оцениваемая для себя или для детей возможность получить соответствующее место работы в окружающем пространстве, или наоборот, недостижимость и т.д. Проконтролировать, какой личностный смысл вкладывают в «престижность» те или иные случайно взятые респонденты, невозможно.

На вопрос «Как вы думаете, сейчас профессия школьного учителя пользуется или не пользуется уважением?» москвичи отвечают, не выбиваясь из общероссийской картины, давая больше позитивных ответов, чем негативных (соответственно 47 и 40% в 2018 г.²² и 50 и 41% в 2020 г.²³). В целом, по данным ФОМ, по России с 2016 г. баланс позитивных и негативных оценок достаточно стабилен.

Среди ответов москвичей на вопрос о том, растёт или снижается в последнее время престиж профессии школьного учителя, преобладают негативные: о том, что престиж растёт, говорят 31% (по России в целом – минимум 20%, максимум 25%, в зависимости от типа населённого пункта), снижается – 42% (48 и 54% по России соответственно), это свидетельствует о большей престижности учителя в Москве, чем в среднем по России²⁴.

Сопоставление этого вопроса с рейтингом престижности выявляет определенное противоречие, поскольку преобладание мнений о *снижении* престижа над представлениями о его *росте* не мешает профессии, связанной с образованием, входить в тройку наиболее престижных в стране. При этом, по данным нашего исследования 2021 г.,

²⁰ ФСН, Форма ОО-1. Министерство просвещения РФ. Банк документов. URL: <https://docs.edu.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

²¹ Престижные профессии: вчера, сегодня, завтра? ВЦИОМ. 11.01.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prestizhnye-professii-vchera-segodnja-zavtra> (дата обращения: 10.05.2022).

²² Учителя и школа. Россияне оценивают престижность профессии учителя и качество школьного образования. ФОМ. 05.10.2018. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14112> (дата обращения: 11.05.2022).

²³ Престиж профессии учителя. ФОМ. 29.09.2020. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14464> (дата обращения: 09.05.2022).

²⁴ Там же.

собственный статус большинство (73,2%) столичных учителей оценивают как «средний», как «высокий» – 11,6%, как «низкий» – 4,5%, затрудняются оценить – 10,7%.

В основе этого интегрального показателя – оценки своего материального уровня. Большинство ответов соответствует двум средним уровням: 47,3% – живут неплохо (могут приобрести подержанный автомобиль, обновить мебель, ... технику, ориентируясь при этом на качественные, но не самые дорогие товары); 37,7% – живут средне (могут нормально одеваться, питаться, позволить себе покупку товаров длительного пользования). Именно это большинство (85%) попадает в «средний класс» за счёт собственных доходов, а не за счёт доходов супруга, как это отмечается исследователями в других регионах [Шафранов-Кутцев, 2016: 69]. На крайних полюсах – те, кто живет обеспеченно, а также те, кто могут ни в чём себе не отказывать (в сумме около 12%), и малообеспеченные – те, кому, по собственным оценкам, удаётся сводить концы с концами, и живущие бедно (в сумме составляют менее 3%).

Высокая напряжённость работы – обратная сторона внешней привлекательности данного места работы. Она имеет физическую (объективную) и моральную (субъективную) составляющие. К физической относится перегруженность учителей, к моральной – незащищённость позиции учителя.

Согласно статистике²⁵ (ФСН), на 76 тыс. ставок по штату приходится 59 тыс. учителей, что соответствует средней нагрузке учителя в 1,3 ставки или 23 часа в неделю (в России – 1,45 ставки). По данным наших опросов 2018 и 2021 гг., средняя нагрузка учителей составляет 25–27 часов в неделю. Это в большей степени соответствует представлениям самих директоров, согласно данным интервью, о том, сколько часов работают их подчинённые. Поскольку одна ставка (18 часов) сама по себе оплачивается ниже разрешённого минимума, директора убеждают учителей брать дополнительную нагрузку, в том числе внеурочные занятия, дополнительное образование, классное руководство и т.д.

Впрочем, большинство учителей сами готовы работать более чем на одну ставку, а «добирать» до необходимого уровня оплаты не обязательно только количеством уроков. Учителя, приносящие школе баллы рейтинга, могут рассчитывать на увеличение стимулирующей части за счёт грантов мэра Москвы, если школа попадёт в верхнюю часть рейтинга. Отдельно оплачивается и классное руководство. Внебюджетные средства от участия в дополнительном образовании на платной основе также учитываются в общей сумме зарплаты.

Администраторы школ, говоря об большой интенсивности труда учителя в Москве, аргументируют это тем, что в столице высоки требования к учителю: «Когда говорят, что в Москве педагоги хорошо зарабатывают, забывают, сколько они для этого работают» (эксперт 1: замдиректора школы, стаж 30 лет). Не все выдерживают режим многозадачности деятельности учителя, особенно классного руководителя с его менеджерскими функциями [Шевченко, 2019]. Не каждый учитель готов постоянно пребывать под «электронным микроскопом» проверяющих: «Работа учителя структурирована и прозрачна. Если я в электронном журнале вижу всего 3 оценки за 3 недели, констатирую дефицит [оценок], принимаю меры...» (эксперт 2: замдиректора школы, стаж 18 лет). Учителя, перегруженные работой, вынужденные, помимо уроков и подготовки к ним, вести дополнительные занятия, участвовать во внеклассных мероприятиях, вести переписку с родителями и т.д., всё чаще на вопрос анкеты о средненедельной нагрузке вместо указания часов отвечают «24/7», намекая на жизнь без возможности отключиться от работы. Переработка учителей неизбежно ведёт к ускоренному профессиональному «выгоранию» в ближайшей временной перспективе.

²⁵ Федеральное статистическое наблюдение, Форма ОО-1.

Качество московского образования, выраженное в измеряемых показателях, действительно занимает лидирующее положение в стране²⁶, что неудивительно, если учесть количество инвестируемых в образование ресурсов. Департамент образования через подведомственные ему структуры – Городской методический центр (ГМЦ) и Московский центр качества образования предъявляет требования к школе, а школа – к учителю. «От работающего за 20 тысяч много не потребуешь, а с получающего 120 тысяч – можно», – вполне закономерное рассуждение заместителя директора, в чьи обязанности входит контроль организации работы учителя. В тех школах, где качеству обучения уделяется больше внимания, часто можно услышать в адрес других школ примерно следующее: «Не во всех школах понимают, что 22–24 часа в неделю – это предел качества [качественного выполнения обязанностей учителя], 30 часов – это не “научить”, а “ознакомить”, в нашей школе таких нагрузок нет» (эксперт 3: директор школы, стаж 30 лет); или «если директору удобно всех нагрузить по 30 часов, то это тупик: качество образования резко падает – традиции проверять некогда – и не видать школе рейтинга [т.е. высокого места в общем рейтинге, которое позволяет рассчитывать на грант мэра Москвы. – Прим. П.Ш.] и грантов» (эксперт 3: директор школы, стаж 21 год).

Информатизация рутинных процессов, с одной стороны, облегчила работу учителя – рабочие программы можно взять в реестре примерных рабочих программ и адаптировать для себя, то же касается и открытых банков заданий. Благодаря электронному журналу учитель не составляет отчеты, всю статистику по школам из журнала выгружают специалисты городского методического центра самостоятельно. С другой стороны, необходимость заполнять электронный журнал в сжатые сроки, увеличение времени подготовки к дистанционным занятиям по сравнению с обычными воспринимается как «увеличение работы с электронными документами», хотя это составная часть педагогической работы.

Обстоятельства, затрудняющие работу педагога. Для большинства учителей качественное выполнение своих обязанностей – норма, поэтому больше всего осложняет им профессиональную деятельность то, что мешает восприятию учениками содержания преподаваемых дисциплин.

Колебания отдельных позиций отражают ситуацию в московском образовании – озабоченность частыми нововведениями в 2013 г., смещение внимания на дистанционную (электронную) форму работы и снижение загруженности в школе из-за отмены занятий и мероприятий в 2021 г. вследствие пандемии. При этом стабильно первые три места занимает нехватка у обучающихся: *общей культуры, интеллектуального развития и интереса к предмету учителя* (табл. 2). Невосприимчивость (вследствие всех трёх типов дефицита) детей к знаниям, которые несёт им учитель, затрудняет работу учителя в большей степени, чем прочие обстоятельства. Работать в невосприимчивой среде тяжело морально.

Невосприимчивость свидетельствует о снижении авторитета учителя по сравнению с советским периодом вследствие общей аномии, приравнивания нынешним законом образования к сфере услуг, о неподготовленности учителя к конкуренции за влияние на умы детей с соцсетями, Интернетом, а также с семейным отношением к школе. Профилизация школы усилила потребительское отношение к предметам «профильным» и «непрофильным», т.е. к «нужным» и «ненужным», с точки зрения родителей и детей, которое транслируется и на преподавателей того или иного предмета. Необходимость доказывать важность своего предмета – дополнительный стресс для учителя.

Среди затруднений, называемых учителями в открытых вопросах анкет, больше всего претензий вызывают *неадекватные родители, незаинтересованность родителей в обучении детей, неуважение к требованиям школьного распорядка*, а повышенная критичность жителей в отношении учителей является московской спецификой. На вопрос о том, какое влияние оказывают учителя на взгляды школьников, москвичи чаще отвечают

²⁶ Город лучшего образования. Сайт Сергея Собянина. URL: <https://www.sobyanin.ru/achievements/bestcity/city-of-better-education> (дата обращения: 11.05.2022).

Таблица 2

**Затруднения педагогов в процессе осуществления профессиональной деятельности,
в % от всех ответивших**

Затруднения	2013	2018	2021
Недостаточный уровень общей культуры обучающихся (недисциплинированность, неуважение к педагогу, хамство)	42,0	42,2	46,7
Недостаточный уровень интеллектуального развития обучающихся	41,5	34,9	34,7
Незаинтересованность обучающихся в получении знаний по моему предмету	29,5	33,1	31,9
Загруженность работой в школе, вынужденность вести много занятий, невозможность хорошо подготовиться к урокам	9,5	21,4	13,0
Загруженность работой с электронными и бумажными документами	14,9	16,6	21,9
Частые организационные нововведения	26,2	17,8	17,8
Жалобы родителей обучающихся в администрацию школы, Департамент образования и вышестоящие инстанции	*	15,9	13,2
Давление (звонки, визиты, личная переписка) со стороны родителей обучающихся	*	15,2	17,5
Низкая техническая оснащённость, невозможность полноценно организовать учебный процесс	9,8	3,6	10,2
Организация и ведение учебной работы с использованием дистанционных технологий в частичном или полном объёме	*	*	10,1
Взаимодействие с родителями в дистанционной форме	*	*	7,9
Организационные и административные поручения непедагогического характера	*	5,3	3,3
Невозможность проявления самостоятельности и творчества в профессиональной деятельности, контроль «сверху»	3,8	5,5	2,8

Примечание: *Вариант ответа не предлагался.

«незначительное» – 42% (28–36% по России), реже дают ответ «значительное» – 25% (32–37% по России)²⁷. За этими ответами стоит оценка влияния более разнообразной, чем в других городах, социальной среды, на фоне которой влияние учителя уменьшается.

С большинством родителей учителю удаётся наладить конструктивное взаимодействие, а «неадекватные» родители донимают учителя вопросами в любое время суток, пишут жалобы, если им не отвечают сразу. Они создают в социальных сетях оппозиционные сообщества, где, используя пробелы в законодательстве, делятся советами деструктивного характера, например, как отозвать согласие на обработку персональных данных ребёнка и отказаться от электронных журналов и дистанционного обучения (во время пандемии), устраивают травлю учителя. Учитель вынужден оправдываться, даже когда обвинения (в оскорблениях, рукоприкладстве) со стороны обучающегося и родителей беспочвенны. Далеко не в каждой школе администрация знает, как поддержать учителя в такой ситуации. Городская организация профсоюза образования в последние годы инициировала кампанию с целью законодательно защитить учителей во время их профессиональной деятельности, но до появления закона, защищающего профессиональный статус учителя, подобного тому, какой имеют военнослужащие, судьи, госслужащие, ещё далеко. Это самая неприятная сторона профессиональной деятельности, с которой может столкнуться каждый учитель, если ему не повезёт.

²⁷ Учителя и школа. ФОМ. 05.10.2018. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14112> (дата обращения: 10.09.2021).

Выводы. В результате десятилетних реформ образования должность учителя в Москве стала привлекательной с социально-экономической точки зрения, поскольку допускает профессиональную самореализацию без поиска дополнительного заработка. Социальное положение учителя представляется надёжным в долгосрочной временной перспективе. В то же время следует отметить правовую незащищённость и перспективы профессионального выгорания. Профессиональное выгорание связано с высокой интенсивностью труда, режимом многозадачности, снижением авторитета учителя, потребительским отношением к нему со стороны родителей и обучающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольчик В.В., Посухова О.Ю. Реформы в сфере образования и прекариатизация учителей // *Пространство экономики*. 2017. № 2. С. 122–138. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-2-122-138.
- Гаспаривили А.Т., Кружалин В.И., Крухмалева О.В. Статус и социальное самочувствие московского учителя // *Народное образование*. 2012. № 5. С. 23–30.
- Клецина И.С., Давыдова Э.В. Гендерные стереотипы и их проявление в деятельности школьных педагогов // *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2020. № 3. С. 349–356. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-60.
- Леонидова Г.В. Профессиональная самоидентификация и самочувствие учителей в условиях продолжающихся реформ образования // *Проблемы развития территории*. Вып. 6 (92). 2017. С. 7–26.
- Прекариат: становление нового класса: кол. монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020.
- Руднев М.Г. Методология и основные результаты исследований престижа профессий в зарубежной социологии // *Вопросы образования*. 2008. № 2. С. 217–239.
- Сеткова И.Н., Лукина А.К., Волкова М.А. Новые роли педагога в условиях дистанционного обучения // *Непрерывное образование: XXI век*. 2021. № 1 (33). С. 92–102.
- Шафранов-Куцев Г.Ф. Место учительства в стратификационной структуре общества // *Социологические исследования*. 2016. № 9. С. 65–72.
- Шевченко П.В. Классный руководитель в зеркале социологии // *Социологические исследования*. 2019. № 6. С. 143–149. DOI: 10.31857/5013216250005489-0.

Статья поступила: 17.05.22. Финальная версия: 14.08.22. Принята к публикации: 19.08.22.

CHANGING STATUS CHARACTERISTICS OF MOSCOW SCHOOL TEACHER

SHEVCHENKO P.V.

Moscow City University, Russia

Pavel V. SHEVCHENKO, Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof., Senior Scientific Researcher, Moscow City University, Moscow, Russia (shevpav@yandex.ru).

Abstract. Improving the school teacher social status in Moscow is considered as the result of the educational ten-years reforms in the capital of Russia. Empirical basis consists of statistical data and the results of sociological surveys conducted in 2013–2021 (Project Management Laboratory of the Moscow City Pedagogical University). Indicators of income, level of teachers education, and factors influencing teacher position prestige are analyzed. The main factor attracting teachers to work at the school is a significant increase in salaries leading to a significant increase in the proportion of male teachers of the most productive age, thereby reducing the feminization trend of the teachers contingent. Negative factors are congestion and legal insecurity in conflict situations. As a result of ten-year education reforms, position of a teacher in Moscow has become attractive, since it allows professional self-realization without searching for additional earnings. This position seems to be reliable in the long term. At the same time, there is legal insecurity and prospects for professional burnout due to the highly intensive work, multitask regime, decline in the teacher prestige, consumerist attitudes manifested by a fraction of parents and students.

Keywords: school education, teacher, attractiveness of position, social status, federal statistical observation.

REFERENCES

- Gasparishvili A.T., Kruzhalin V.I., Krukhmaleva O.V. (2012) Status and social well-being of the Moscow teacher. *Narodnoe obrazovanie* [Public education]. No. 5: 23–30. (In Russ.)
- Kletsina I.S., Davydova E.V. (2020) Gender stereotypes and their manifestation in the activities of school teachers. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen readings: psychological studies in education]. No. 3: 349–356. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-60. (In Russ.)
- Leonidova G.V. (2017) Professional self-identification and well-being of teachers in the context of ongoing education reforms. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development]. Iss. 6 (92): 7–26. (In Russ.)
- Rudnev M.G. (2008) Methodology and main results of studies of the prestige of professions in foreign sociology. *Voprosy obrazovaniya* [Education issues]. No. 2: 217–239. (In Russ.)
- Setkova I.N., Lukina A.K., Volkova M.A. (2021) New roles of the teacher in the conditions of distance learning. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Continuing education: the XXI century]. No. 1 (33): 92–102.
- Shafranov-Kutsev G.F. (2016) The place of teaching in the stratification structure of society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 65–72. (In Russ.)
- Shevchenko P.V. (2019) The Class Teacher in the School Today. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 143–149. DOI: 10.31857/S013216250005489-0. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2020) *Precariat: The Formation of a New Class*. Moscow: TsSP i M. (In Russ.)
- Volchik V.V., Posukhova O.Yu. (2017) Reforms in the field of education and precariatization of teachers. *Terra Economicus*. No. 2: 122–138. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-2-122-138. (In Russ.)

Received: 17.05.22. Final version: 14.08.22. Accepted: 19.08.22.

© 2022 г.

Х.О. ХУШКАДАМОВА, А.В. БЕРЕЗИНА

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ТАДЖИКИСТАНЕ И ИРАНЕ

ХУШКАДАМОВА Халимахон Отамбековна – доктор социологических наук, профессор (columnist07@mail.ru); БЕРЕЗИНА Анна Владимировна – доктор философии (Ph.D.), старший преподаватель (a.berezina@inno.mgimo.ru). Обе – Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия.

Аннотация. *Анализируется участие женщин в политическом представительстве в двух современных персоязычных странах – в Республике Таджикистан и в Исламской Республике Иран. Авторами сравниваются институциональные механизмы стимулирования гендерного равенства в этих странах, степень участия женщин в структурах государственного управления и законодательной власти, оценен вклад женщин в политику и госуправление. Доказано, что в обеих странах в последние десятилетия увеличивается, хотя и разными темпами, включенность женщин в политику как элемент постепенного укрепления статуса этой социальной группы. Это в определенной мере развенчивает стереотип о политическом бесправии женщин Востока. В то же время исследование показывает все еще низкий уровень представленности женщин в управлении государством, медленную реализацию нормативно-правовых актов, касающихся женского вопроса, и сохранение гендерного неравенства на практике.*

Ключевые слова: *женщины • гендер • политика • государственное управление • Иран • Таджикистан*

DOI: 10.31857/S013216250021508-1

Целью проведенного авторами исследования является выявление трансформации политической роли женщин в таджикском и иранском обществах за последние десятилетия. Мониторинг движения к политическому равноправию мужчин и женщин важен как элемент понимания степени социальной модернизации стран догоняющего развития.

Выбор для сопоставления Республики Таджикистан (РТ) и Исламской Республики Иран (ИРИ) объясняется их высокой культурной близостью. Несмотря на разные траектории исторического развития в новое и новейшее время, обе страны объединяет культурный фундамент. Народы этих двух государств сохраняют и осознают как языковую общность (персоязычность), так и религиозную (ислам – шиизм в Иране, суннизм в Таджикистане). Преодолевая сложные геополитические факторы, они возродили многовековой таджикско-иранский диалог, прерванный в 1920-х гг.

Напомним читателю основную информацию об этих странах.

Современная история РТ началась 9 сентября 1991 г. провозглашением независимости. Страна пережила жестокую гражданскую войну 1992–1997 гг., в ходе которой погибли 150 тыс. человек. Эти потрясения оказали негативное воздействие на положение женщин в таджикском обществе. Ещё в процессе перехода страны к независимости в рамках отказа от советской эмансипации было отменено квотирование по признаку пола, что снизило представленность женщин в политике и сфере принятия решений. В годы

политического противостояния и постконфликтного обустройства страны стали подавляться ростки начавшегося движения к гендерному равноправию. Параллельно усилилось влияние культурно-религиозных воззрений на статус женщины. В то же время проводимая государством гендерная политика нацелена на повышение роли женщин в обществе. Таджикистан среди стран-членов СНГ одним из первых ратифицировал Конвенцию о политических правах женщин и Международный пакт по гражданским и политическим правам (в 1999 г.). Страна является участником Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ).

Исламская Республика Иран появилась на политической карте мира в 1979 г. в результате Исламской революции. Вследствие тотальной исламизации общества были введены многочисленные ограничения, в отдельных случаях была предусмотрена смертная казнь. В большей степени все нововведения коснулись женщин: одним из актов новой власти была отмена Закона о семье, предоставлявшего женщинам право на развод; были восстановлены ущемляющие права женщин институты временного и полигамного брака [Дунаева, 2012: 250]. В результате мировая общественность подняла вопрос об ущемлении прав женщин в Иране. Возможно, поэтому после ирано-иракской войны 1980–1988 гг. им позволили проходить военную подготовку в Корпусе стражей исламской революции – элитном военно-политическом формировании. Одновременно при Исламской республиканской партии было создано женское подразделение; четыре женщины вошли в состав меджлиса первого и второго созывов. С 1990-х гг. правительство приняло ряд законов и постановлений, направленных на обеспечение гражданских и политических прав иранских женщин [там же: 251–252]. Однако страна так и не присоединилась к Конвенции об уничтожении всех форм дискриминации женщины.

Обе страны, пережив глубокие политические и идеологические трансформации, вошли в XXI в. с задачами по обеспечению прав и свобод женщин, укреплению их представительства в государственном управлении и расширению общественных ролей.

Основные механизмы реализации гендерной политики. В РТ основным институциональным механизмом по вопросам улучшения положения женщин является Комитет по делам женщин и семьи при правительстве страны (КДЖС), созданный в 1996 г. Когда была принята Национальная стратегия «О повышении роли женщин в Республике Таджикистан на 2011–2020 гг.», правительство уполномочило Комитет стать координатором по осуществлению данной стратегии. Подведомственные структуры КДЖС функционируют во всех органах местной власти. При Комитете создана специальная государственная сеть институтов с целью внедрения полоролевых подходов в деятельность министерств и ведомств. А социальное партнёрство между этим государственным органом и Коалицией общественных объединений «От равенства юридического – к равенству фактическому», которая объединяет 98 женских общественных союзов из всех регионов РТ, привело к углублению сотрудничества государства с неправительственными организациями [Хушкадамова, 2012: 186]. Нужно учитывать, что женские общественные организации считаются наиболее многочисленными и активными в РТ, составляя 27,5% всех добровольных объединений граждан [Современное таджикостанское..., 2011: 179]. Более 35% всех таджикских НПО возглавляют женщины [Хидирова, 2020: 116]. В то же время нехватка человеческих и финансовых ресурсов, по данным Комитета по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, не позволяет КДЖС эффективно выполнять свои обязанности.

В Правительстве РТ вопросы, связанные с положением и статусом женщин, курирует один из заместителей премьер-министра. Подразделения, непосредственно занимающиеся решением проблем женщин, семьи и детей, имеются в министерствах здравоохранения, труда, социальной защиты и т.д. Подобные структуры имеются также в представительных органах власти в областях, городах, районах.

В ИРИ в послереволюционный период проблемами женщин также стали заниматься на государственном уровне путём учреждения соответствующих управленческих структур.

В частности, введена новая должность советника президента по вопросам женщин, при Высшем совете культурной революции основан Совет по социально-культурному развитию женщин. С 1990 г. под эгидой МВД ИРИ с целью обеспечения женщинам их прав учреждены Секретариаты по рассмотрению вопросов женщин, которые в 2007 г. преобразовались в Отделы по вопросам женщин и семьи. Кроме упомянутых институтов основными структурами власти, занимающимися гендерными проблемами, являются Совет женщин по социально-культурным вопросам, Центр по вопросам женщин и семей и т.д. В них работают преимущественно женщины, что помогает повысить уровень занятости женщин в стране.

Названные институты в РТ и ИРИ представляют собой сложный многоуровневый механизм разработки и реализации политики улучшения положения женщин. В целом это дает неплохие результаты, однако её направленность в названных странах в корне разнится. В культуре РТ во многом благодаря советскому прошлому женщина реализует свои права наравне с мужчинами, так что диапазон гендерной проблематики сузился до назначения большего числа женщин на высокие должности и встраивания их в политическую элиту страны. В ИРИ же работа ведомств в настоящее время нацелена на обеспечение прав и свобод женщин и расширение их социальных ролей с учётом господствующей идеологии, ведь после Исламской революции 1979 г. женщины лишились равноправного социального статуса. Хотя в либеральных кругах Ирана звучат заявления о необходимости назначения женщин на ключевые политические посты, но отсутствует культурно-мировоззренческий фундамент для подготовки квалифицированных кадров из числа женщин.

Нормативно-правовые акты. За последние 30 лет в РТ принято 20 важных государственных документов в контексте повышения статуса женщин в стране. Одним из базовых документов считается Указ Президента РТ «О повышении роли женщин в обществе» (от 3 декабря 1999 г.), который определил квоту для женщин на должности заместителей руководителей госорганов, предприятий, организаций, учреждений и территорий. Это привело к притоку женщин в систему управления. Если до действия этого Указа только в двух хукуматах (администрациях) председателями были женщины, то в 2005 г. их количество возросло до восьми. Однако женскими кадрами подкреплены в основном низшие и средние звенья управления. Кроме того, реализована Государственная программа «Воспитание, подбор и расстановка руководящих кадров Республики Таджикистан из числа способных женщин и девушек на 2007–2016 гг.».

Правительством РТ в 2021 г. принята «Национальная стратегия активизации роли женщин в Республике Таджикистан на период 2022–2030 гг.». Наряду с другими инструментами, направленными на повышение уровня участия женщин в развитии общества, она рекомендует внедрять «мягкое квотирование» (обязательное участие в конкурсе на одно место представителей обоих полов) при замещении должностей государственной службы на всех уровнях.

Анализ имеющихся данных и наблюдения авторов показывают, что одни только правовые нормы без поддержки и понимания женщин в семье не могут стать базой для увеличения представленности женщин в правительстве. Данные исследования показывают, что в современном Таджикистане 84% женщин и 89% мужчин считают, что мужчины являются лучшими политическими лидерами¹. Гендерные стереотипы, ограниченные финансовые ресурсы, нехватка времени и поддержки со стороны семьи остаются основными преградами на пути к активному участию женщин РТ в политике и управлении. По данным обследования рабочей силы в РТ (2016), наиболее низкий удельный вес женщин на руководящих должностях (15%) отмечен в подгруппе «руководители высшего звена, высшие должностные лица и законодатели»².

¹Таджикистан. Страновая гендерная оценка. Вашингтон, штат Колумбия. Всемирный банк, 2021. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/publication/country-gender-assessment> (дата обращения: 07.05.2022).

²Женщины и мужчины Республики Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2020. С. 36.

В ИРИ после Исламской революции назрела острая потребность в разработке подходящей идеологической концепции в отношении женского вопроса. Восполнением лакун и адаптацией уже имеющейся идейной базы к современным условиям занимались многие известные богословы и теоретики – М. Мотаххари, С.М. Талегани, А. Шариати и др. [Дунаева, 2019: 192–194]. Окончательно статус иранской женщины был закреплён в отдельной статье Конституции Исламской Республики Иран: «Правительство обязано с учётом исламских норм гарантировать соблюдение прав женщин во всех сферах»³. Несмотря на формулировку «возрождение её [женщины.– Прим. авт.] материальных и духовных прав», внимание в данной статье акцентировано на поддержание материального и юридического обеспечения женщины, что объясняется исторически сложившейся тенденцией борьбы иранок в первую очередь за свои экономические права [Березина, 2017: 83–84].

В дополнение к Конституции вопрос положения и прав женщин регулирует Гражданский кодекс ИРИ, основанный на принципах шариата, а следовательно, патриархальном укладе. Кроме того, в 2005 г. Высшим советом Исламской революции принята «Хартия прав и обязанностей женщин в условиях исламского режима», разработанная на базе основного закона государства и идеологии лидера Исламской революции Имама Хомейни. Ключевые положения Хартии легли в основу Закона о правах и обязанностях женщин, одобренного меджлисом в 2006 г. Данный закон предписывает Общественно-культурному совету женщин раз в два года проводить оценку положения женщин в стране и представлять соответствующий доклад в Верховный совет культурной революции. После долгих споров и доработок в 2012 г. был принят новый Закон о семье. Возрастающее присутствие женщин в гражданско-политическом поле ИРИ вызывает, однако, необходимость дополнять соответствующую правовую базу, регулирующую данную сферу.

Недостаточная проработанность правовых норм для обеспечения социально-политических прав женщин Ирана нередко вызывает споры и протесты. Например, в последнее десятилетие в стране развернулась острая полемика вокруг большей вовлечённости женщин в государственный аппарат, допуска к работе в некоторых должностях, а также необходимости соблюдения хиджаба. В целом достигнутые в Иране успехи в обеспечении прав женщин выглядят скромно в сравнении с Таджикистаном.

Гендерный аспект в структурах государственного управления. Должность одного из заместителей премьер-министра в РТ традиционно остается за женщиной, которая занимается вопросами культуры и курирует гендерную политику. За последних 30 лет в стране восемь женщин в разные годы занимали должность заместителей премьер-министра. Женщина-заместитель в каком-то смысле становится феноменом нового Таджикистана. Трудно найти в стране министерство, госкомитет, ведомство, определённые комиссии и советы, где бы женщины не занимали пост одного из заместителей.

Эксперты едины во мнении, что Указ президента страны «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Таджикистан от 10 марта 2016 г. № 647» (подписан 19 апреля 2017 г.) дал толчок привлечению большего количества женщин на государственную службу. Согласно этому документу, в Положении о порядке проведения конкурса на замещение вакантных административных должностей государственной службы для женщин предусмотрены льготы, и по результатам собеседований при первом их назначении на государственную службу прибавляется три дополнительных балла.

В 2021 г., согласно анализу, проведенному авторами⁴, три женщины в РТ – члены правительства, пять – главы центральных органов при президенте и правительстве, четыре являются председателями городов и районов. Женщины занимают пост министра труда, миграции и занятости населения, должность министра культуры, руководителя Комитета

³ Конституция Исламской Республики Иран. Тегеран: Алхода, 2009. Ст. 21.

⁴ В выборку вошли 170 текстов из сообщений Национального информационного агентства Таджикистана (НИАТ) «Ховар» с 7 мая 2019 г. по 10 мая 2022 г.

по делам женщин и семьи, а также Агентства по статистике и исполнительной администрации президента Таджикистана.

По данным на 1 октября 2021 г., женщины составляют 24,1% госслужащих РТ, из них 19,4% – руководящие кадры⁵. В динамике обнаруживается незначительный рост этой доли, поскольку штатная численность женщин на постах государственных служащих в 2018 г. была 23% [Национальный обзор..., 2014].

Доля судей-женщин в РТ по данным 2021 г. составляла 19,1%, руководящие судебные должности занимают 3,2% женщин⁶. Среди этих 16-ти женщин-руководителей – председатель Высшего экономического суда и начальник Главного управления исполнения уголовных наказаний. Важно отметить, что женщины считаются более ответственными, поэтому такая требующая «чистоты помыслов» работа им подходит. Действительно, за совершение преступлений коррупционного характера в республике в 2009–2019 гг. осуждены 25 судей, из них лишь одна женщина⁷. Председатель экономического суда Мавлуда Каландарзода считает, что в сфере, где трудится женщина, царят честь, совесть и порядок⁸.

В свою очередь, в Иране в период президентства умеренного богослова Х. Роухани (2013–2021) тоже увеличилось представительство женщин в государственных ведомствах. В 2016 г. первой женщиной, занявшей пост Чрезвычайного и Полномочного Посла ИРИ, стала бывший спикер МИД Ирана Марзие Афхам. Главой миссии Ирана в Брунее стала Хомейра Риги-Зируки – в то время единственная женщина-губернатор (округ Каср-е Канд). Это назначение вызвало резонанс и среди религиозных меньшинств, поскольку госпожа Риги является представителем суннитского меньшинства. Кроме того, Парвин Фаршчи, заместитель главы отдела морской среды при Департаменте по охране окружающей среды, была назначена главой дипломатического представительства ИРИ в Финляндии. Это вызвало неоднозначную реакцию со стороны прессы в связи со слухами о двойном подданстве нового посла, МИД ИРИ даже пришлось официально опровергать обвинения, выдвинутые в адрес г-жи Фаршчи. Однако после непродолжительной работы она оказалась вынуждена отказаться от занимаемой должности «по семейным обстоятельствам»⁹. В целом в МИД ИРИ были заняты более 300 женщин, все они работали на консультативных и административных должностях.

С приходом к власти представителя консервативного фланга Ибрахима Раиси 3 августа 2021 г. ситуация в сфере гендерного равенства изменилась в худшую сторону. В период предвыборной гонки кандидат в президенты И. Раиси делал красноречивые заявления о высоком месте женщин в современном иранском обществе: «Сегодня нельзя говорить о культуре и экономике, не учитывая места и роли женщин»¹⁰. Но в то же время И. Раиси говорил о неприемлемости политического использования потенциала женщин¹¹. Его приход к власти предсказуемым образом отразился на гендерном составе правительства: количество женщин сократилось до минимума. Единственной женщиной, вошедшей в состав нового кабинета, стала Энсие Хазали, назначенная вице-президентом по делам

⁵ «Ҳеҷ коре нест бе зан хуб хуб шуд...». Аз рӯзи ба имзо расидани Фармони Президент «Дар бораи тадбирҳои баланд бардоштани мақоми зан дар ҷомеа» расо 22 сол сипарӣ гардид // НИАТ «Ховар». 2021. 3 декабря.

⁶ Мавлуда Каландарзода: «Дар ҷодае, ки зан фаъолият дорад, он ҷо адлу инсоф пойдор ва тартибу низом ҳукмфармо аст» // НИАТ «Ховар». 2021. 8 марта.

⁷ Сайт президента РТ. 2020. URL: <http://www.president.tj/ru/node/21862> (дата обращения: 09.05.2022).

⁸ Мавлуда Каландарзода: «Дар ҷодае, ки зан фаъолият дорад, он ҷо адлу инсоф пойдор ва тартибу низом ҳукмфармо аст» // НИАТ «Ховар». 2021. 8 марта.

⁹ Entesab-e dovomin safir-e zan-e Iran ba'd az enqelab. 2019. URL: <https://www.isna.ir/news/97110201289> (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁰ Raisi: Sokhan goftan az farhang va eqtesad bedun-e naqsh-e zanan naqes ast. 2021. URL: <https://www.irna.ir/news/84366692> (дата обращения: 10.12.2021).

¹¹ Estefade az zafriyat-e zanan nabayad siyasi ya jenahi bashad. 2021. URL: <https://www.eghtesadonline.com/> (дата обращения: 13.12.2021).

женщин. Правда, в 2021 г. Х. Роухани заявил, что за время его президентского срока занятость женщин в системе госуправления существенно возросла: если в 2013 г. доля женщин составляла 5%, то в 2021 г. – 25%. Однако официальные статистические данные, подтверждающие это, отсутствуют.

Важным шагом к выходу женщин на политическую арену ИРИ стал их допуск к работе в органах судебной власти и даже назначение их на судебские должности, что идёт вразрез с существующей исламской традицией. В 2012 г. более 460 женщин были заняты в правосудии ИРИ [Дунаева, 2012: 252], за последнюю декаду это число возросло до 900¹². Но хотя некоторые иранки имеют статус судей, следует отметить, что в исламском обществе судейство женщин не признаётся в полной мере по причине несоответствия самого этого понятия нормам шариата [Shakeri, Milaki, 2003: 151]. Поэтому судьи-женщины не обладают правом выносить окончательные решения: они в основном занимаются консультационной помощью или работают помощниками судей-мужчин.

Женщины в органах законодательной власти. Во всем мире женщины занимают 23,7% мест в парламентах [Национальный обзор..., 2014]. В Республике Таджикистан эта доля ниже: женщины среди кандидатов в депутаты избирательной кампании по выборам в нижнюю палату парламента на выборах 2005 г. составляли 15,0%, в 2015 г. их количество заметно уменьшилось – до 10,5%. Сейчас представленность женщин в парламенте составляет около 19%¹³. По итогам выборов 2015 г. семь женщин стали членами верхней палаты и 12 – депутатами нижней палаты парламента, из них одна стала заместителем председателя, две – председателями комитетов. 542 женщины были избраны в областные, городские и районные органы представительной власти (Маджлисы народных депутатов) [Национальный обзор..., 2014].

Как показывает сравнительный анализ данных высшего законодательного органа Таджикистана 2015 и 2020 гг., наблюдается прогресс: если в 2015 г. было 12 женщин-депутатов нижней палаты, то в 2020 г. депутатские мандаты получили уже 15 женщин. Гендерная статистика в местных маджлисах также обнадеживает: в маджлисах народных депутатов Душанбе женщины составляют 41,5%, в других регионах их меньше (около 35% – в Хатлонской области, более 33% – в Согдийской области, более 34% – в Горно-Бадахшанской автономной области, около 30% – в городах и районах республиканского подчинения)¹⁴.

Из 70 кандидатов в депутаты только по партийным спискам прошли 38% женщин. 14 человек из 28 от Народной демократической партии РТ – «партии власти» – являются женщинами. Об этом в своём выступлении в честь Дня матери¹⁵ сообщил глава таджикского государства: «Из общего числа кандидатов, которых мы на съезде Народной демократической партии Таджикистана представили в депутаты Маджлиси намояндагон, 50% – это активные, инициативные женщины»¹⁶. Традиционно одна из них стала заместителем председателя, две – председателями новообразовавшихся комитетов и комиссий, как и в предыдущем созыве.

Анализ биографий депутатов нижней палаты Парламента РТ, проведенный авторами, выявил, что в депутаты избраны 32 ученых из различных сфер. Из них 28% составляют женщины: чл.-корр. АН РТ, пять докторов наук и три кандидата наук. Заместитель председателя парламента РТ – Мансури Дилрабо Сайдулло – доктор технических наук, лауреат

¹² 900 qazi-ye zan dar keshvar darim. Dar qanun ma'ni baraye qezavat-e zan vojvod nadarad. 2018. URL: <https://www.farsnews.ir/news/13970814000416/900> (дата обращения: 14.06.2022).

¹³ Официальный сайт президента РТ. URL: <http://www.president.tj> (дата обращения: 25.11.2021).

¹⁴ Шахноза Нодири, замминистра труда, миграции и занятости населения: «В Таджикистане гендерное равноправие обеспечено в полной мере как в правовом, так и в политическом отношении» // НИАТ «Ховар». 2022. 8 марта.

¹⁵ В Таджикистане с 2009 г. Международный женский день отмечается как День матери.

¹⁶ Сайт президента РТ. 07.03.2020. URL: <http://www.president.tj/ru/node/22622> (дата обращения: 08.05.2022).

премии АН РТ имени С. Умарова, серебряный призёр Международного симпозиума женщин-изобретательниц в Сеуле (Южная Корея).

В период пандемии в РТ произошли кадровые перестановки: в феврале 2020 г. доктор филологических наук Ширин Исмагуллозода была освобождена от должности вице-премьера; также ушла с должности министр труда, занятости и миграции населения Гулру Джабборзода. Газета *Asiaplustj*, объясняя уход бывшего министра труда, занятости и миграции, сообщила¹⁷, что вследствие пандемии «Таджикистан больше всего ощутил закрытие границ с Россией, потому что более 1 млн граждан выезжали на работу в эту страну. А тем временем министерство труда в Таджикистане было обязано обеспечить работой тех людей, которые не смогли выехать на заработки в Россию, но со стороны Джабборзода не было заметных шагов для решения данных проблем»¹⁸. В социальных сетях широко обсуждали изложенные в публикации факты. Один из участников полемики сообщил, что экс-министр занятости работает теперь в аппарате президента. А экс-вице-премьер правительства продолжает свою научную и педагогическую деятельность в одном из столичных вузов.

В ИРИ тенденция привлечения женщин в сферу политики набирала силу до лета 2021 г., в период пришедшего к власти в 2013 г. умеренно-либерального правительства Хасана Роухани. Женщины тогда укрепили свои позиции в выборных и других органах государственной власти. Вице-президент того времени по делам женщин и семьи Масумэ Эбтекар заявляла, что женщины составляют 41% общего числа сотрудников правительства, а число женщин на руководящих постах выросло до 18,8%¹⁹. В аппарате президента Х. Роухани в 2017–2021 гг. работали вице-президент по юридическим вопросам Ла'йа Джонейди, вице-президент по делам женщин и семьи Масумэ Эбтекар, а также Шахиндохт Молаверди, помощница президента по гражданским правам²⁰. В их работе были определённые сложности. Например, в январе 2019 г. Шахиндохт Молаверди в интервью государственному новостному агентству ИРНА негативно оценила свою деятельность в составе первого правительства Х. Роухани: «Несмотря на огромные усилия, я со своими соратниками не смогла представить ни одного проекта закона в Меджлис [исламского совета]... из-за вызовов, препятствий и реальной ситуации»²¹.

Благоприятно для женщин сложилась ситуация в иранском парламенте. Из 290 депутатов Меджлиса исламского совета 10-го созыва (2016 г.) было 17 женщин – рекордное для ИРИ число. Ведь в состав 6-го, 7-го, 8-го и 9-го меджлисов вошли лишь соответственно 13, 13, 8 и 9 женщин-депутатов²². В феврале 2020 г. в Иране прошли очередные, 11-е, выборы в Меджлис, в котором была зафиксирована наиболее низкая явка избирателей за весь период существования ИРИ (всего 42,6%)²³. Слабый интерес электората к выборам можно объяснить некоторым разочарованием людей в законодательном органе власти как значимой политической силе, низким уровнем доверия как к консерваторам, так и к реформаторам, а также напряжённой международной обстановкой. В результате

¹⁷ Бобоходжиев М. Куда «пропали» чиновники Таджикистана, уволенные в 2020 и 2021 гг. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20220124/kuda-propali-chinovniki-tadjikistana-uvolennye-v-2020-i-2021-godah> (дата обращения: 11.05.2022).

¹⁸ Сайт президента РТ. 07.03.2020. URL: <http://www.president.tj/ru/node/22622> (дата обращения: 08.05.2022).

¹⁹ Modiriyat-e zanan va javanan dar dowlat-e Rouhani: ravandi aheste, amma peivaste. 2019. URL: <https://www.irna.ir/news/83611646> (дата обращения: 12.01.2020).

²⁰ Сайт президента ИРИ. URL: <http://www.president.ir/fa/president/cabinet> (дата обращения: 14.04.2019).

²¹ Shahindokht Molaverdi: Rah-e ostandar va farmandar shodan-e zanan baste shode ast. [Shahindokht Molaverdi: the path to governorship and command is closed to women]. 2019. URL: <http://www.bbc.com/persian/iran-47055928> (дата обращения: 21.04.2019).

²² Korsi-ye zanan-e Iran dar 9 dowre-ye majles-e showra-ye eslami. 2015. URL: <https://www.yjc.ir/fa/news/5193334> (дата обращения: 12.01.2020).

²³ Jadval-e nehay-ye natayej-e entekhabat-e majles-e yazdahom. 2020. URL: <https://www.isna.ir/news/98120302454> (дата обращения: 20.04.2020).

первого тура выборов зафиксировано довольно высокое число женщин-депутатов в составе Меджлиса исламского совета – 16 человек. Впервые за всю историю депутатом от Курдистана стала женщина – Шива Гасемипур. Но проведение второго тура парламентских выборов оказалось отложено вследствие пандемии.

Авторами при анализе биографии известных иранок²⁴, которые служили в правительстве Ирана в разное время, выявлен важный маркер – наличие ученой степени: из девяти женщин семь являлись обладателями учёных степеней по разным наукам. В частности, нынешний вице-президент по делам женщин Энсие Хазали имеет ученую степень, специализируясь на арабской литературе. Важно отметить, что Э. Хазали, мать четверых детей, потребовала расторжения брака, поскольку супруг был против её активной общественной деятельности.

Следует также отметить высокую семейную преемственность в политике и управлении (что может быть и формой nepotизма). Например, профессор Тегеранского университета, доктор богословия Захра Мостафави Хомейни, дочь имама Хомейни, основателя ИРИ, является генеральным секретарем Женского общества ИРИ, а также главой Общества защиты палестинского народа. Её дочь Лейла Боруджерди возглавляет Комитет по вопросам женщин и молодёжи в секретариате Ассамблеи по определению государственной целесообразности, а также работает адвокатом.

Анализ биографий женщин-политиков в обеих странах показал, что они являются образцом для подражания. В РТ и ИРИ образование является социальным лифтом, чтобы занять тот или иной пост в сфере политики и управления. Второй показатель – преемственность – выявить в биографии депутатов парламента РТ труднее, но отдельные примеры преемственности в большой политике есть. Так, две дочери главы таджикского государства занимают определённые посты в правительстве. Одна – Рахмон Озода Эмомали – после завершения дипломатической карьеры (работы в должности первого заместителя министра иностранных дел) заняла пост руководителя Исполнительного аппарата президента РТ. Она имеет степень кандидата наук, являясь исследовательницей женской проблематики с акцентом на правовую составляющую гендерного равенства. Вторая – Рухшона Эмомали, ранее занимавшая должность заместителя руководителя департамента МИД РТ, – является Чрезвычайным и Полномочным послом Таджикистана в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Такие кадровые назначения были сделаны в Таджикистане впервые, и, по наблюдениям авторов, женское сообщество обеих стран положительно оценивает подобные шаги.

Итак, приведённые данные свидетельствуют об участии женщин в политике обеих стран, однако, по нашим наблюдениям, активность женщин-парламентариев нынешних созывов снижена в сравнении с предыдущими годами. Работа женщин-парламентариев характеризуется следующими тенденциями: низкой представленностью женщин в партийных списках; консервативным подходом к назначению женщин на ключевые посты; проявлением пассивности. Если в Таджикистане ведется работа по увеличению численности женщин в парламенте, то в Иране прослеживается обратная тенденция – обществу предлагают вернуться к патриархальному распределению гендерных ролей и отказаться от активного участия женщин в политической жизни страны. Парадоксально на фоне увеличения доверия населения к лагерю консерваторов одновременно возросло количество женщин, избранных в качестве депутатов парламента Ирана.

Выводы. Исследование показало, что в обеих странах предусмотрен целый ряд мер по расширению участия женщин в процессах принятия политических решений. В РТ женщины постепенно встраиваются в иерархию политических элит. Как и в РТ, в ИРИ налаживается система институтов, расширяющих возможность участия женщин в процессе

²⁴ «Чадра в большой политике»: иранки – современные политические деятели. URL: <https://www.facebook.com/search/top/?q=%D0%96%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D1%8B%20%D0%98%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 15.04.2022).

принятия решений, хотя недавний приход к власти представителей консерватизма оказался не в пользу гендерного равенства в политике.

Несмотря на ведение политики поддержки по отношению к женщинам в обеих странах, на усилия государственных структур и общественных объединений, женщины-руководители сконцентрированы в основном в низшем и среднем звеньях управления. Исследование показывает, что только правовыми рамками невозможно увеличить представленность женщин в правительстве и парламенте. Препятствия для расширения участия женщин в управлении похожи в обеих странах: это – гендерные стереотипы, ограниченные финансовые ресурсы, недостаток времени у женщин и отсутствие поддержки со стороны семьи. Отмеченные социокультурные тенденции не позволяют сделать оптимистичные прогнозы в сфере достижения гендерного равенства в ближайшие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березина А.В. Феминизм глазами иранцев и украинцев // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 1 (9). С. 80–86.
- Дунаева Е.В. Гендерная ситуация в Иране и исламский модернизм // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2012. С. 248–259.
- Дунаева Е.В. Исламская революция и новая роль иранских женщин (к 40-летию Исламской революции) // Иран в условиях новых геополитических реалий. М.: Садра, 2019. С. 192–206.
- Национальный обзор Республики Таджикистан по осуществлению Пекинской декларации и платформы действий (1995 г.) в рамках внедрённой повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и итоговых документов двадцать третьей специальной сессии генеральной ассамблеи (2000 г.) в контексте двадцать пятой годовщины четвертой всемирной конференции по положению женщин и принятия Пекинской декларации и платформы действий в 2020 году. 2014. URL: https://www.unecsc.org/fileadmin/DAM/RCM_Website/Tajikistan.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
- Современное таджикостанское общество: трансформационные процессы / Отв. ред. Ш. Шоисматуллоев. Душанбе, 2011.
- Хидирова Ш.Р. Участие женщин в политических процессах в Республике Таджикистан. Дис. ... к. полит. н. Душанбе, 2020.
- Хушқадамова Х.О. Женщины Таджикистана: социальный статус. М.: ИД «Дело», РАНХиГС, 2012.
- Shakeri A., Milaki A. Jaygah-e qezavat-e zan dar Iran // Pazhuhesh-name-ye olum-e ensani va ejtema'i. 2003. No. 9–10: 137–158.

Статья поступила: 27.01.22. Финальная версия: 08.07.22. Принята к публикации: 02.08.22.

POLITICAL REPRESENTATION OF WOMEN IN TAJIKISTAN AND IRAN

KHUSHKADAMOVA K.O.*, BEREZINA A.V.*

*MGIMO University, Russia

Khalimakhon O. KHUSHKADAMOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (columnist07@mail.ru); Anna V. BEREZINA, Ph.D., Senior Lecturer (a.berezina@inno.mgimo.ru). Both – Indian, Iranian and African Languages Department of the MGIMO University, Moscow, Russia.

Abstract. The publication focuses on an analysis of women's participation in the decision-making process and politics in the Republic of Tajikistan (RT) and the Islamic Republic of Iran (IRI). In the new conditions of social development there is an opportunity not only to revive contacts between the two peoples of the same culture, but also to proclaim the interests of that social group whose representation in the parliament and the leadership positions in both countries has increased in recent years. RT and IRI women support their sisters in Tajik-Persian culture, the Afghan women, who are excluded from participation in the public life when the new political power in the IRA is consolidated. The chosen theme is relevant because it shows increasing inclusion of the women in politics along with the gradual upgrading of the status of this social group. To a certain extent, the article debunks the prevailing stereotype about the obedience and insecurities of Eastern women, showing that women in Tajikistan and Iran are mobile, active and know their rights. However, the retrograde nature of societies, along with women's limited financial resources, lack of time and sometimes lack of family support, create obstacles to increasing women's inclusion in decision-making at all levels of government. The authors have reviewed the legal and regulatory framework of Russian and foreign research on the chosen topic, analyzed the biographies of women politicians and monitored the status of women, particularly in politics and governance. The institutional mechanisms for achieving gender equality in the two countries, the degree of women's participation in public administration and legislatures, media publications, etc. were analyzed; the contribution of women to politics and governance in Tajikistan and the IRI was assessed. The authors have identified specifics of women's participation in parliaments and public authorities, and made a conclusion about the opportunities and barriers for raising the status of women in the field of government. The study shows a low level of women's representation in government, slow implementation of legal acts concerning women's issues and gender inequalities in practice.

Keywords: Tajikistan, IRI, women, gender, politics, government, Parliament.

REFERENCES

- Berezina A.V. (2017) Feminism through the eyes of Iranians and Ukrainians. *Filologicheskiye nauki v MGIMO* [Philological Sciences at MGIMO]. No. 1 (9): 80–86. (In Russ.)
- Dunaeva E.V. (2012) The gender issue in Iran and Islamic modernism. In: *Muslim space along the perimeter of the borders of the Caucasus and Central Asia*. Moscow: IV RAN: 248–259. (In Russ.)
- Dunaeva E.V. (2019) Islamic revolution and the new role of Iranian women. In: *Iran in the context of new geopolitical realities (to the 40th anniversary of the Islamic revolution)*. Moscow: Sadra: 192–206. (In Russ.)
- Khidirova Sh.R. (2020) *Participation of Women in Political Processes in the Republic of Tajikistan*. Dis. ... of Dr. Sci. Dushanbe. (In Russ.)
- Khushkadamova Kh.O. (2012) *Women of Tajikistan: the social status*. Moscow: ID "Delo", RANHiGS. (In Russ.)
- Modern Tajik Society: Transformational Processes. (2020) Ed. by Sh. Shoismatulloev. Dushanbe. (In Russ.)
- National Review of the Republic of Tajikistan on the Implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action (1995) within the scope of implementation of the 2030 Sustainable Development Agenda and the outcomes of the twenty-third special session of the General Assembly (2000) in the context of the twenty-fifth anniversary in 2020 of the Fourth World Conference on Women and the adoption of the Beijing Declaration and Platform for Action*. (2014) URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/RCM_Website/Tajikistan.pdf (accessed 10.01.2022). (In Russ.)
- Shakeri A., Milaki A. (2003) The position of women judges in Iran. *Research Journal of Humanities and Social Sciences*. Vol. 9–10: 137–158. (In Pers.)

Received: 27.01.22. Final version: 08.07.22. Accepted: 02.08.22.

А.Г. АЛЛАХВЕРДЯН

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССТАТА)

АЛЛАХВЕРДЯН Александр Георгиевич – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия (sisnek@list.ru).

Аннотация. В статье на данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) по научным работникам за 1995–2020 гг. представлены статистика изменения численности женщин-ученых в сфере социологической науки и данные по присвоению им ученых степеней. Динамика численности исследователей во всех областях российской науки за рассматриваемый период характеризуется тенденцией снижения (в общей совокупности их численность снизилась на 34%), но вопреки доминирующей тенденции общая численность исследователей в социологической науке за рассматриваемый период, напротив, возросла на 59%. Две трети (62%) российских исследователей в социологической науке в начале 2020-х гг. составили женщины. Рост доли женщин среди исследователей-социологов также отмечен среди кандидатов и докторов наук. Особенно значительно увеличение численности женщин – докторов наук – в 17 раз.

Ключевые слова: социологическая наука • кадровый состав науки • статистика научных кадров • женщины-исследователи • научная квалификация • социологи – кандидаты наук • социологи – доктора наук

DOI: 10.31857/S013216250018108-1

С переходом к рыночной модели развития страны на рубеже 1980–1990 гг. произошли значительные изменения в отечественной науке. Они затронули кадровый состав всех традиционных областей естественных, технических и гуманитарных научных дисциплин. Процессы трансформации стимулировали зарождение и развитие новых научных направлений, включая гендерные исследования. Междисциплинарные по своей ориентации, они стали предметом изучения экономистов, правоведов, историков, филологов, психологов, представителей других общественных наук.

В отечественной социологической науке в XX в. сложился ряд специальных (частных) субдисциплин (социология труда, социология образования, социология культуры, социология религии и др.). К их числу относится социология науки, изучающая науку как специфический социальный институт и форму интеллектуальной активности. Отечественная социология также включила гендерный анализ в качестве нового направления исследований. На стыке гендерных исследований и социологии науки проводятся исследования кадрового состава и особенностей научной карьеры женщин.

Процессы вовлечения женщин в сферу науки выступали объектом исследований в СССР, включая РСФСР (Советскую Россию). В частности, изучались темпы роста численности и состав научных работников¹. В СССР с первых лет были приняты законодательные

¹ В понятие «научный работник», разработанное ЦСУ СССР, входят: 1) академики, действительные члены и члены-корреспонденты АН СССР и союзных республик, отраслевых академий; 2) лица, имеющие ученую степень доктора наук, кандидата наук или ученое звание профессора, доцента, старшего научного сотрудника, младшего научного сотрудника, ассистента, независимо от места и характера их работы; 3) лица, ведущие научно-исследовательскую работу в научных учреждениях и научную, научно-педагогическую работу в вузах, независимо от наличия у них ученой степени или ученого звания; 4) специалисты с высшим образованием, не имеющие ученых степеней или званий, но систематически ведущие научную работу на промышленных предприятиях, в проектных, проектно-конструкторских, проектно-технологических организациях по утвержденному вышестоящей организацией тематическому плану научных работ [Гохберг, 2003: 300]. В науковедческой литературе понятие «научный работник», как правило, используется как синонимическое традиционному понятию «ученый».

акты, уравновешивающие права мужчин и женщин в получении образования и выборе профессии, которые стимулировали приток женщин в науку еще в 1920-е гг. Следующая волна феминизации науки началась в 1960-е гг. Активный приход женщин в науку в то время был обусловлен формированием новых научно-исследовательских организаций и вузов, открывших тысячи вакансий. Советские ученые С.А. Кугель и С.Р. Микулинский отмечали в этой связи, что «в СССР профессия ученого, – в начале 1970-х гг. – перестала быть монополией мужчин. Широкое участие женщин в научной работе было достигнуто в результате включения значительного их числа в исследовательскую работу не только по гуманитарным и медицинским дисциплинам, но и по естественным и техническим наукам. Так, в ряде научно-исследовательских институтов легкой промышленности доля женщин в составе научных сотрудников достигает 80%» [Научно-техническая..., 1973: 107].

Как показали Е.З. Мирская и Е.А. Мартынова, по данным советской статистики тенденция увеличения доли женщин в составе научных работников СССР «сохранялась на протяжении всей истории развития отечественной науки», а «в отдельные периоды темпы роста соответствующих показателей опережали таковые для мужчин» [Мирская, Мартынова, 1993: 297]. Если в 1986 г. в сопоставлении с 1960 г. рост численности женщин – научных работников РСФСР составил 458%, то общая численность научных работников (мужчин и женщин вместе взятых) за тот же период возросла на 425%. Итак, среди научных работников в РСФСР численность женщин увеличивалась более быстрыми темпами, чем численность мужчин.

В Советской России процесс вовлечения женщин в научную деятельность вплоть до второй половины 1980-х гг. также проявлялся в увеличении количества женщин среди работников высшей научной квалификации (кандидатов и докторов наук) [Научно-техническая..., 1973: 107]. К концу 1985 г. доля «остепененных» женщин достигла 27% от общей численности женщин – научных работников РСФСР [Народное..., 1987: 57]. Ежегодное увеличение общей численности научных кадров был характерной чертой развития советской науки вплоть до 1986 г. Если с 1950-х гг. среднегодовая численность научных кадров неуклонно росла, то 1987 г. в определенном смысле оказался переломным: с него начинается сокращение численности работников в научной сфере, продолжающееся вплоть до распада СССР [Аллахвердян, 2018: 52; Народное хозяйство..., 1988].

В 1992 г. российская наука впервые за послевоенную историю оказалась на периферии государственных интересов и перестала рассматриваться властью в качестве приоритетной области деятельности. Это проявилось, в частности, в резком сокращении бюджетного финансирования науки, которая еще годом раньше была на почти полном (на 95%) государственном «довольствии» [Наука..., 1994: 36]. В результате резкого ухудшения материального положения научных кадров, снижения информационного и технического обеспечения научных исследований, падения престижа профессии ученого отмечался интенсивный отток научного персонала из сферы науки, включая «исследователей»² – новую статистическую единицу, пришедшую на смену понятию «научный работник».

Понижение статуса российской науки привело к резкому изменению абсолютной численности мужчин-исследователей и женщин-исследователей. В статье рассматривается изменение их численности за период с 1995 по 2020 г. (на начало года) в российской науке в целом и по общественным наукам, включая социологию. В анализе этих изменений и их интерпретации мы опираемся на данные Федеральной службы государственной

² Содержание понятия «исследователи» охватывает работников, профессионально занимающихся исследованиями и разработками и непосредственно осуществляющих создание новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также управление указанными видами деятельности. Исследователи обычно имеют законченное высшее профессиональное образование [Индикаторы..., 2005: 488]. Это понятие, в отличие от понятия «научный работник», соответствует международным стандартам, принятым в статистике науки. Оно было введено в статистику науки РСФСР с 1989 г. Это нововведение позволило, в частности, проводить сравнительные статистические исследования кадрового потенциала науки постсоветской России и других стран мира.

Таблица 1

Динамика численности исследователей Российской Федерации в социологической науке (1995, 2020)

Годы	В целом		В общественных науках		Только в социологии	
	1995	525319, из них:		17917, из них:		941, из них:
мужчины 268991 (51%)		женщины 256328 (49%)	мужчины 6483 (36%)	женщины 11434 (64%)	мужчины 415 (44%)	женщины 526 (56%)
2020	348221, из них:		19466, из них:		1497, из них:	
	мужчины 212147 (61%)	женщины 136074 (39%)	мужчины 8058 (41%)	женщины 11408 (59%)	мужчины 575 (38%)	женщины 922 (62%)

Примечание. Таблица составлена на основе данных исследования [Федеральная..., 2020] и статистического сборника [Наука в 2005....: 40, 42].

статистики, представленные в ряде официальных статистических сборников. В дальнейшем изложении *речь пойдет только о социологах, выполняющих научные исследования и разработки (НИР)*. Ниже представлены статистические данные об изменениях численности исследователей во всей российской науке, включая социологическую науку, за период с 1995 по 2020 г. (см. табл. 1).

Согласно представленным в табл. 1 данным, за период с 1995 по 2020 г. общая численность исследователей в российской науке сократилась на 34% (с 525319 до 348221 чел.), вне зависимости от области науки и гендерного состава. Вопреки распространенному представлению о том, что в кризисный постсоветский период тенденция сокращения числа исследователей в российской науке затронула все без исключения науки (общественные, технические, естественные и др.), дифференцированный анализ состояния отдельных областей наук статистически не подтверждает подобную тенденцию. К примеру, если в технических науках тенденция спада числа исследователей оказалась наиболее выраженной (с 345921 чел. в 1995 г. до 213942 чел. в 2020 г., т.е. спад составил 38% – выше среднего показателя по российской науке в целом – 34%), то в общественных науках (в числе которых и социология) происходит увеличение числа исследователей на 9% (с 17917 чел. в 1995 г. до 19466 чел. в 2020 г.) Конкретно для социологической науки тенденция роста численности исследователей еще более выражена (с 941 чел. в 1995 г. до 1497 чел. в 2020 г.), возрастание на 59%. Если же взять рост числа мужчин-исследователей и женщин-исследователей отдельно, то темпы роста существенно различаются: численность женщин-исследователей с 1995 по 2020 г. возросла на 75%, а мужчин-исследователей – только на 39%. Но это связано не столько с притоком женщин-исследователей в социологию, сколько с темпами оттока мужчин-исследователей (по сравнению с женщинами-исследователями) из науки в другие, материально более благополучные сферы социальной активности (бизнес, органы управления, политика). В результате с 1995 г. удельный вес женщин заметен возрос: две трети социологов (62%), занятых научной работой, в 2020 г. составили женщины-исследователи (в 1995 г. они составляли 56%); за тот же период доля мужчин-исследователей сократилась с 44 до 38%.

Включение женщин в социологическую науку отражается не только в увеличении их доли в кадровом составе, но и в увеличении их доли среди исследователей высшей научной квалификации – кандидатов и докторов наук (см. табл. 2).

Как показывают собранные в табл. 2 статистические данные Росстата, за 25 лет произошли значительные изменения численности и кадрового состава социологической науки. Если взять социологическую науку в целом, численность исследователей в ней возросла в 1,6 раза (с 941 до 1497 чел.), в то время как женщин-исследователей – в 1,8 раза (с 526 до 922 чел.). Однако самые существенные подвижки имели место в квалификационной

Таблица 2

Динамика роста научной квалификации женщин в социологической науке (1995–2020)

Годы	Всего исследователей в социологии	941	из них:	
			доктора наук	кандидаты наук
			72	382
1995	Женщины-исследователи в социологии, чел.	526	6	182
	Женщины-исследователи в социологии (в %)	56	8	48
2020	Женщины-исследователи в социологии (в %)	62	37	67
	Женщины-исследователи в социологии, чел.	922	102	499
	Всего исследователей в социологии	1497	276	752

структуре кадрового состава социологической науки, в росте числа кандидатов и докторов наук. Так, за период 1995–2020 гг. численность кандидатов наук возросла в 2,7 раза (с 182 до 499 чел.). Иначе говоря, к 2020 г. среди кандидатов наук в социологической науке более двух третей (67%) составляли женщины-исследователи. Самый большой квалификационный сдвиг произошел в составе женщин – докторов наук (с 6 чел. в 1995 г. до 102 чел. в 2020 г.). Их число возросло в 17 раз – 37% общей численности докторов наук, работающих в социологической науке.

Чем объясняется резкий рост квалификации женщин, занятых научной деятельностью в сообществе социологов? Отметим, что в постсоветский период не разрабатывалась специальная политика привлечения женщин в науку вообще и социологию в частности. Можно, конечно, предположить, что на рост научной квалификации женщин-социологов в определенной мере повлияла ролевая модель академика Т.И. Заславской и других высококвалифицированных женщин-социологов, рост «удельного веса» женщин в составе диссертационных советов, формирование среди большего числа женщин «психологического настроя» на подготовку диссертаций и уверенности в их успешной защите. Более развернутый и детальный «мотивационный анализ» причин роста научной квалификации женщин-социологов требует специального эмпирико-социологического исследования.

Подведем итоги рассмотрения статистических тенденций изменения численности и состава исследователей, включая женщин, в российской науке в целом, в общественных науках и в социологической науке за 25 лет – с 1995 по 2020 г.

1. Динамика численности исследователей во всех областях российской науки характеризуется доминирующей тенденцией кадрового спада в среднем на 34%.

2. В противовес доминирующей тенденции сокращения численности исследователей в российской науке в целом численность исследователей в общественных науках не сократилась, а возросла на 9%.

3. В социологии тенденция роста численности исследователей носит еще более выраженный характер – численность возросла на 59%. В результате в начале 2020 г. две трети социологов-исследователей (62%), занятых в сфере НИР, составляли женщины.

4. Удельный вес социологов-исследователей в численности исследователей во всех общественных науках возрос с 5% в 1995 г. до 8% в 2020 г.

5. Процесс включения женщин в социологическую науку выразился в увеличении доли женщин в ее кадровом составе, в увеличении доли женщин-исследователей высшей научной квалификации – кандидатов и докторов наук.

6. За период 1995–2020 гг. численность кандидатов наук в социологической науке возросла в 2,7 раза. К 2020 г. среди кандидатов наук, занятых в социологической науке, более двух третей (67%) составляли женщины.

7. Самый большой сдвиг за тот же период имел место в росте квалификации женщин – докторов наук, их общее число возросло в 17 раз, в то время как среди социологов-мужчин количество докторов наук возросло в 2,6 раза. В целом доля женщин – докторов наук составила 37% от общей численности докторов наук, занятых НИР в социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллахвердян А.Г. Тенденции феминизации российской науки: прошлое и настоящее // Наука и инновации. 2018. № 3 (181). С. 48–54.
- Гохберг Л.М. Статистика науки. М.: ТЕИС, 2003.
- Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины в науке // Вестник Российской академии наук. 1993. № 8. С. 693–700.
- Народное хозяйство РСФСР. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1988.
- Наука в Российской Федерации. Статистический сборник. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
- Наука России в цифрах. М.: ЦИСН, 1994.
- Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР. М.: Наука, 1973.
- Федеральная служба государственной статистики. Итоги федерального статистического наблюдения. URL: <http://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения: 11.05.2021).

Статья поступила: 23.12.21. Принята к публикации: 01.08.22.

FEMALE FACE OF SOCIOLOGICAL SCIENCE (basing on the Rosstat statistics)

ALLAKHVERDYAN A.G.

S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of RAS, Russia

Aleksandr G. ALLAKHVERDYAN, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher at the S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of RAS, Moscow, Russia (sisnek@list.ru).

Abstract. The article analyzes numbers and growing scientific qualifications of women sociologists in Russian science. The study of the main personnel trends in the development of sociological science is based on statistics of the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat) for the post-Soviet period (1995–2020). It is shown that the dynamics of the number of researchers in all areas of Russian science during this period is characterized by a dominant trend of personnel decline and has decreased, on average, by 34%. Unlike the dominant trend of personnel reduction in Russian sciences as a whole, the number of researchers in sociology has not only not decreased, but on the contrary, increased by 59%. As a result, at the beginning of 2020, two-thirds of Russian sociologists (62%) employed in this field of science were women. The increase of the proportion of women in sociological science was also expressed in a sharp increase of their proportion with high academic qualifications: candidates and doctors of sciences. This was especially obvious in case doctoral degrees – their number increased 17 times: from 6 people in 1995 to 102 people in 2020, that is 37% of the total number of all doctors of sciences in sociology.

Keywords: sociological science, personnel composition of science, statistics of scientific personnel, women researchers, scientific qualifications, candidates of sciences, doctors of sciences.

REFERENCES

- Allakhverdyan A.G. (2018) Trends of the of Russian science feminization: Past and present. *Nauka i innovacii*. [The Science and Innovations]. No. 3 (181): 48–54. (In Russ.)
- Federal State Statistics Service. *Results of the federal statistical observation*. URL: <http://rosstat.gov.ru/folder/14477> (accessed 11.05.2021). (In Russ.)
- Gokhberg L.M. (2003) *Statistika nauki*. Moscow: TEIS. (In Russ.)
- Mirskaya Y.Z., Martynova Y.A. (1993) Women in Science. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. No. 8: 693–700. (In Russ.)
- Russian Science in Numbers*. (1994) Moscow: TSISN. (In Russ.)
- Science in the Russian Federation. Statistical compilation*. (2005) Moscow: GU-VSHE. (In Russ.)
- Scientific and technological revolution and changes in the structure of scientific personnel of the USSR*. (1973) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- The national economy of the RSFSR. Statistical Yearbook*. (1988) (In Russ.)

Received: 23.12.21. Accepted: 01.08.22.

© 2022 г.

А.В. БУЗГАЛИН, А.И. КОЛГАНОВ

КАПИТАЛИЗМ, ПОСТКАПИТАЛИЗМ И КРЕАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (критические размышления о статье Д.А. Давыдова)

БУЗГАЛИН Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета; профессор кафедры политической экономии экономического факультета (buzgalin@mail.ru); КОЛГАНОВ Андрей Иванович – доктор экономических наук, профессор, заведующий Лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета; главный научный сотрудник Института экономика РАН (onaglo@mail.ru). Оба – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Аннотация. В полемике с Д.А. Давыдовым анализируются противоречия генезиса посткапиталистических общественных отношений и обусловленных ими ценностей и мотивов деятельности. Показано, что они возникают объективно, но развиваются пока преимущественно в формах, подчиненных тотальному рынку симулякров и глобальному корпоративному капиталу, которые обуславливают господство превратных форм этих ростков посткапитализма. Дается конструктивная критика тезисов Д.А. Давыдова. В частности, показывается, что оцениваемые по количеству подписчиков, лайков и т.п. престиж и самореализация являются превратными формами, которые формируются посредством социальных сетей и ресурсов Интернета в условиях их подчинения манипулятивному воздействию корпоративного капитала. Обосновывается вывод, что реальными основаниями генезиса посткапиталистических отношений являются прогресс творческого по своему содержанию труда и возникающие на этой основе отношения, включающие в себя: 1) отношения создания неограниченных общественных благ, имеющих форму собственности каждого на всё; 2) отношения развития индивида в труде, обретающем статус потребности; 3) отношения со-творчества. Именно эти отношения, которые противоречиво, но неуклонно развиваются на протяжении последних десятилетий, и составляют основу реальных посткапиталистических трендов, в то время как исследуемые Д.А. Давыдовым превратные формы, которые действительно генерируются поздним капитализмом, ведут к укреплению рыночно-капиталистических начал, а не к генезису качественно нового общества и человека.

Ключевые слова: творчество • капитализм • посткапитализм • личность • отчуждение • интеллектуальная частная собственность • собственность каждого на всё

DOI: 10.31857/S013216250021070-0

Два источника и две составные части посткапитализма. Первые два десятилетия нового века ознаменовались серией социально-экономических и геополитических кризисов, конечной причиной которых стала исчерпанность существующей капиталистической системы. Для этого есть и технологические основания: многотысячелетнее господство

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и КАОН, проект № 21-511-93006, а также в рамках деятельности научно-образовательной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

репродуктивного труда (в том числе индустриального) уходит в прошлое. Человек и его деятельность обретают новое качество в процессе креативной революции. В этих условиях постановка вопроса о генезисе посткапитализма становится более чем актуальной. Обсуждение статей Д.А. Давыдова (например, [Давыдов, 2021а; 2022]), а также его монографии [Давыдов, 2021б], может стать хорошим основанием для развертывания дискуссии по данной проблеме. Ниже мы остановимся на рассмотрении главным образом первой из упомянутых статей, поскольку она в концентрированном виде содержит все основные идеи автора.

Исследование возникающих в условиях креативной революции посткапиталистических отношений обуславливает использование диалектического метода. Причины очевидны: мы исследуем трансформации, происходящие в процессе смены двух качественно различных систем и характеризующиеся глубокими противоречиями. Диалектический и одновременно исторический метод, акцентирующий качественные, а не количественные изменения, обусловит использование категориального аппарата современного формационного подхода и новых разработок марксистской политической экономии и социологии.

Такой подход является скорее исключением, чем правилом, в современных исследованиях посткапиталистических тенденций, идущих уже давно. Оставляя в стороне марксистское видение будущего («посткапитализма») как царства свободы (коммунизма), надо упомянуть о теоретиках конвергенции [Сорокин, 1992; Цаголов, 2015; Galbraith, 1967]. С разных сторон эти процессы отмечают и другие авторы, в частности автор одной из наиболее известных работ по проблемам посткапитализма Питер Друкер [Drucker, 2012], акцентирующий процесс размывания частно-капиталистической собственности. Наиболее близки к проблематике, поднимаемой Д.А. Давыдовым и нами, работы исследователей технологических основ социальных трансформаций [Bell, 1973; Toffler, 1980; Иноземцев, 1998]. Их последователи подчеркивают, что активный прогресс виртуальной реальности (прежде всего, Интернета) внес ряд новых аспектов в бытие человека, приводя к замещению рыночно-капиталистических ценностей и мотивов поведения человека новыми. Об этом пишет и Д.А. Давыдов, обоснованно констатируя тенденцию к сдвигу в социальных ценностях: помимо производства материальных благ и денежного дохода как экономической формы их присвоения, заявляет о себе стремление к производству личного своеобразия. Погоня за известностью, славой, признанием, желание выделиться из привычной среды становятся массовым феноменом. Все это приводит, по мнению ряда американских авторов, широко цитируемых Д.А. Давыдовым, и его собственному, к образованию нового то ли класса, то ли этоса – персоналиата [Давыдов, 2022].

Сторонники указанных двух подходов опираются на анализ реальных процессов, но при этом представители второго течения не хотят видеть соединения в описываемых ими явлениях двух диалектически взаимосвязанных процессов. С одной стороны, это приводящие к возникновению реальных посткапиталистических феноменов реальные трансформации содержания труда, мотивации, ценностей вследствие все большего прогресса творческой деятельности и создаваемого ей пространства культуры. С другой – превратные (превращенные) формы этого процесса, создаваемые современным рынком и капиталом, генерирующими виртуальные, как бы (симулятивно) не-капиталистические формы, которые служат, однако, все той же цели, что и раньше, – накоплению капитала.

Творческая деятельность: *differentia specifica*. Авторы не первый раз обращаются к проблеме социальных трансформаций, обусловленных прогрессом творческой деятельности [Бузгалин, Колганов, 2019]. Позволим себе предельно кратко указать на *differentia specifica* последней и затем обратить специальное внимание на то, что в условиях позднего капитализма развитие творческого содержания труда и человека-креатора имеет как реальные, так и превратные формы, порождающие симулятивную реальность.

Творческая деятельность в работах многих авторов не определяется вообще или определяется на уровне «здорового смысла» как создание нового. Существуют, однако, более глубокие ее характеристики. Так, известный исследователь креативной экономики Алан Фриман определяет творческий труд как «немашинизируемый» [Фриман, 2016]. Суммируя

работы ряда англоязычных авторов, В.Л. Иноземцев определил этот феномен через самомотивацию труда [Иноземцев, 1998]. Более глубокие философские основания определения этого феномена можно найти в работах отечественных философов – Э.В. Ильенкова, Г.С. Батищева, В.С. Библера и др. [Батищев, 1997; Ильенков, 1991; Библер, 1991]. Именно на наследие последних мы будем опираться при определении творческого труда.

Творческий труд – неотчужденный субъект-субъектный диалог личностей (со-творчество) в пространстве культуры, в результате которого создается всеобщая ценность (в том числе новые личностные качества субъекта этой деятельности), подлежащая распределению в процессе нового со-творчества. Этот труд всегда одновременно и индивидуален, и всеобщ: творит индивид, но его творчество есть диалог со всем миром культуры, включая его предшественников, современников и последователей. Любой субъект творческой деятельности (ученый, художник, педагог, рабочий-новатор...) вступает в диалог с миром культуры (учителями, информацией, коллегами и т.д.), создавая не существовавший ранее феномен культуры: теоретическую модель, картину, радость ученика, новый способ обработки детали... и, в конце концов, самого себя в новом качестве, обретенном в процессе творчества.

Как таковая творческая деятельность, во-первых, создает неограниченный результат (распредмечивать феномен культуры можно бесконечно: скажем, Шекспира читают все новые и новые поколения). В силу этого *содержания* рассматриваемый результат творческой деятельности не может быть объектом частной собственности, но становится им тогда, когда экономико-правовая форма (патент, копирайт) ограничивает доступ к его использованию (распредмечиванию).

Во-вторых, названное содержание, в частности прогресс субъекта как личности в процессе творчества, обуславливает то, что творческий труд является не обременением, а потребностью, самоценностью для его субъекта.

В-третьих, творческая деятельность характеризуется снятием границы между рабочим и свободным временем. Ведь свободное время, в отличие от времени досуга (*leisure time*), есть время развития личности, а развитие личности осуществляется именно в процессе сотворчества.

В-четвертых, творческая деятельность всегда сопряжена с репродуктивным трудом. Мера соотношения первого и второго различна для разных видов творчества и на разных этапах деятельности.

В-пятых, творческий труд неквантифицируем по определению. Можно косвенно оценивать время творческой деятельности в часах рабочего времени (как, например, в случае с работой педагогов), в денежном доходе креативного работника, но во всех этих случаях оценка будет неадекватна содержанию этого труда.

Все эти характеристики творческой деятельности являются отрицанием определенности труда и его субъекта в условиях товарно-капиталистической системы. Напомним, что в пространстве рынка и капитала труд обособленного производителя является частным, лишь рынок может подтвердить его общественную необходимость. Этот труд создает товар, т.е. отчуждаемый от его создателя продукт, являющийся частной собственностью, и генерирует отношения товарного фетишизма. По мере развития товарного производства труд превращается в большинстве случаев в наемный (3/4 работников современного мира являются именно таковыми), происходит подчинение его капиталу.

Все это делает рынок и капитал отрицанием содержания творческого труда. Но практики XX и особенно XXI вв. показали, что рынок и капитал не только абсорбируют, но и в определенной мере и в специфической форме *развивают* творческую деятельность. Креативный бизнес стал в последние годы одной из наиболее быстро растущих сфер экономики [Фриман, 2016], а так называемый креативный класс, по мнению ряда исследователей, составляет от 1/3 до 1/2 работников в наиболее технологически развитых странах с рыночной экономикой [Florida, 2002; 2005].

Творческая деятельность в условиях позднего капитализма: посткапиталистические отношения и их превратные формы. Ранее сказанное кажется типичным примером фальсификации теории: факты не то что не подтверждают – они опровергают предположенный теоретический вывод о противоположности творчества рынку и капиталу.

Но это – видимость, причем видимость отчужденного мира, в котором господствуют превратные формы, т.е. ситуация, когда «кажется то, что есть на самом деле» [Маркс, 1962; Мамардашвили, 1990]. Напомним: превратные формы – это реально существующие феномены повседневной жизни, т.е. «факты», но эти феномены – суть *формы*, создающие видимость иного, чем реальное, *содержания*.

Креативный бизнес и иные сферы рыночно-капиталистической организации творческой деятельности являются именно такой превратной формой, создающей видимость взаимоадекватности рынка и капитала творчеству. Но содержание этих превратных форм состоит в том, что такие общественные практики (шоу-бизнес, деятельность «гениев финансовых проделок» и т.п.) суть плод того, что творчество в условиях господства рынка и капитала развивается в пространстве, подчиненном не его собственным законам, а законам позднего капитализма. Творчество в данном случае подобно лягушке, которая развивается в банке и принимает там форму банки, создавая видимость того, что такая форма естественна для лягушки.

О каких практиках мы можем вести речь? Ответ на этот вопрос предварим краткой характеристикой особенностей рынка и капитала в XXI в. [Бузгалин, Колганов, 2019а], когда рынок становится тотальным, подчиняя себе не только экономику, но культуру, науку, образование [Яковлева, 2018; 2021]. На смену свободной конкуренции приходит конкуренция корпораций, манипулирующих остальными акторами рынка. Наиболее активным сегментом рынка становится производство симулякров – знаков, за которыми не стоит обозначаемое [Baudrillard, 1994; Бузгалин, 2018]. Эту – симулятивную – составляющую несут в себе бренды, деривативы и т.п. Именно товар-симулякр – типичный пример превратной формы продукта творческой деятельности.

Капитал подчиняет себе не только репродуктивный (в том числе индустриальный), но и творческий труд, превращая креативного работника и его труд в объект эксплуатации. Ее результатом становится создание феномена культуры, имеющего форму интеллектуальной частной собственности и тем самым превращенного этой формой в товар. Соответственно, собственник капитала, подчинившего себе креативный труд, присваивает уже не только прибавочную стоимость, но и интеллектуальную ренту [Бузгалин, Колганов, 2019], и это действительное изменение в природе капитализма, отмечаемое не только марксистами, но и многими западными авторами, цитируемыми Д.А. Давыдовым.

А теперь обратимся к критическому анализу текста Д.А. Давыдова, рассматривая основные атрибуты творческой деятельности и их превратные формы.

Первый атрибут творческой деятельности: *творческая деятельность есть единство противоположностей – индивидуального труда, реализующего уникальный потенциал данной личности, и одновременного всеобщего труда, являющегося частью всемирного культурного процесса.* Как таковая она всегда есть со-творчество, в котором человек творческий обретает бесконечно широкий круг диалогизирующих с ним личностей, становится одним из субъектов культуры, обретая (как творец) бессмертие (в пространстве-времени культуры Сократ, Толстой, Ломоносов, Эйнштейн и др. бессмертны).

В условиях господства тотального рынка и корпоративного капитала со-творчество обретает превратные формы. Креативные работники уже сформированы (не всегда, но в большинстве случаев) как марионетки манипулятивных воздействий со стороны корпораций – через СМИ, через рекламу, через демонстративное навязывание образцов соответствующего образа жизни. В результате масса людей оказывается ориентирована на потребление симулякров – на необходимость покупать бренды, «быть в тренде», ловить «хайп», принадлежать к фанатам кого-то или чего-то и т.п. Эти симулякры становятся не только объективно, но и субъективно основными ценностями социального бытия. Именно в таком

качестве люди входят в социальные сети, становясь объектами манипуляции уже в их пространстве. Стремление к максимальному признанию со стороны участников сети становится частью подчинения корпоративному манипулированию. Происходит «надевание» на содержание пострыночный тренд (стремление к вне-рыночной самореализации) позднекапиталистических превратных форм (количество подписчиков, лайков и т.п.).

Д.А. Давыдов это считает рождением качественно новой социальной реальности, идущей на смену капитализму и пока синтезированной с ним [Давыдов, 2022]. Мы доказываем нечто существенно иное: индивидуальное *как бы* своеобразие и *как бы* обусловленная этим популярность абсолютного большинства «персонализирующих» себя индивидов – это не *действительная* творческая *индивидуальность*, а социальные *симулякры*. Это знаки того, чего нет на самом деле, приписывание себе в виртуальном пространстве виртуальных качеств. Массовое распространение таких «персон-симулякров» – реальный тренд позднего капитализма, где лавинообразно растет производство активно продаваемых и покупаемых товаров-симулякров, которые создаются из всего, вплоть до людей, превращаемых в «пустой знак» [Булавка-Бузгалина, 2021].

Эти формы реальны, но превратны, создавая видимость иного, чем реальное, содержания. Реальное – это генезис нового содержания труда (творчества), нового качества человека (постоянно преодолевающего предел своих способностей), новых социальных отношений (со-творчество, преодолевающее отчуждение). В условиях позднего капитализма формы-симулякры создают видимость не этого содержания, а иного – того, что и описывается у Д.А. Давыдова. Существенно, что накопление капитала в XXI веке не случайно идет по тупиковому пути расширенного воспроизводства симулякров: возможности реального накопления почти исчерпаны. И это расширенное воспроизводство симулякров активно продуцирует именно эти *превратные* формы, а отнюдь не *реальные* посткапиталистические отношения.

В текстах Д.А. Давыдова эти превратные формы не отделены от реальных ростков посткапитализма; автор просто перечисляет все, что его зарубежные коллеги фиксируют как нечто ранее не существовавшее и на этом основании объявляют все это «посткапитализмом». В результате происходит некритическое отражение реальности, в которой противоречиво соединяются превратные формы и новое содержание – отношения со-творчества и тотального рынка. Например, с одной стороны, вход в сеть неограничен и бесплатен; результативность включения в сеть оценивается не в деньгах, а в особых феноменах, создаваемых сетью (количество подписчиков, просмотров, «лайки»). С другой стороны, большинство сетей не только используется для таргетированной (т.е. учитывающей индивидуальные предпочтения участников, выявляемые в процессе мониторинга активности в сети) рекламы, но и служит в качестве саморасширяющегося пространства потенциального рынка. Этим пространством к тому же очень удобно манипулировать с помощью «вирусной рекламы», передающейся через взаимное распространение сообщений пользователей. Типичный актер сети – именно подчиненный товарному и рыночному фетишизму потребитель симулякров, а творческий человек, ведущий диалог в социальной сети как неотчужденный субъект со-творчества, – скорее исключение.

Смешение симулякров и реальных содержаний постоянно присутствует во всех работах Д.А. Давыдова: новое качество человека (прогресс творческой Личности) через запятую соединяется с симулякром (*как бы* своеобразием индивида, отказывающегося от гендерной самоидентификации). Фиксируется одновременно и давно известный реальный феномен – то, что продукты творчества по своей природе не есть товары, – и симулякр признания их социальной значимости («лайки» в социальных сетях). Перечень легко продолжить, но достаточно одного примера: хорошо известно, что признание в социальных сетях и творчество как формирование культурных ценностей есть, как минимум, различные (если не противоположные) процессы. Творческая деятельность неотчуждаема, она есть процесс диалога, всеобщего труда. Внешнее же признание в социальных сетях суть продукт позднекапиталистического отчуждения.

Стремление к успеху на основе внимания, признания, популярности действительно имеет в себе посткапиталистические зерна. Но эти зерна прорастают на капиталистической почве и почти целиком подчиняются экономической логике капитализма. Феномены, описываемые Д.А. Давыдовым, – не ростки качественно нового (по сравнению с рынком и капиталом) общества, а продукт подчинения этих ростков тотальному рынку и корпоративному капиталу, деформирующим, «выворачивающим наизнанку» (превратная форма!) прогрессивные тренды. Однако Д.А. Давыдов считает, что таким образом «происходит формирование своеобразного общества “всеобщей самореализации”, ...где на вершине находятся мегапопулярные “лидеры мнений”» [Давыдов, 2021а: 87]. Еще более жестко этот тезис формулируется Д.А. Давыдовым в его новейших работах [Давыдов, 2021б; 2022].

Здесь опять смешиваются два феномена. С одной стороны, реальные тенденции трансформации социальной структуры, кстати, подробно анализируемые современным марксизмом [Бузгалин, 2021], который автор по старинке сводит к проповеди исключительного противоречия пролетариата и буржуазии [Давыдов, 2022], и включающие как внутри- и межклассовую диффузию, так и генезис новых социальных слоев («креативный класс», прекариат). С другой стороны, в условиях позднего капитализма прогрессируют превратные социополитические формы, создаваемые экономико-политической элитой стран «ядра» (США, ЕС) в процессе манипулирования населением. Основой для превращения верхушки «персоналиата» во влиятельные фигуры является система отношений политического производства симулякров-марионеток. Другое дело, что марионетки в какой-то момент обретают кажущуюся самостоятельность, «хвост виляет собакой», но момент истины наступает, жизнь произносит «Тень, знай свое место!», и возмнивший себя властелином «лидер мнений» оказывается никем (что активно происходит сейчас в РФ).

И главное. Хотелось бы напомнить простую и банальную истину, которая не перестает быть верной: капитализм держат на своих плечах рабочие, инженеры, учителя, медики, фермеры, ученые и т.п., работающие ради обеспечения материальных основ своей жизни и жизни семьи. Это одна сторона капитализма. Другая его сторона – то, что реальная экономическая, политическая и идеологическая власть в современном мире по-прежнему принадлежит корпоративному капиталу, срращенному с государственной бюрократией. И посткапитализмом – системой, качественно отличной от той, что основана на тотальном рынке и власти капитала, – может быть только общество, в котором будут сняты обе стороны данного противоречия. Феномен погони за популярностью в социальных сетях отличен от свободного гармоничного развития личности в процессе сотворчества примерно в той же мере, в какой «кайф» от наркотика отличен от радости свободного творческого труда.

Вернемся к характеристике особенностей творчества.

Второй атрибут творческой деятельности – *самотивация труда, творческий труд как потребность.*

Данный аспект получил в статье Д.А. Давыдова крайне одностороннее освещение. Он видит такую самотивацию только в самореализации личности через погоню за вниманием и популярностью. Да, этот процесс также несет в себе момент самотивации. Но погоня за лайками и увеличением числа подписчиков за счет репортажей о «прикольном» казусе лежит вне пространства культуры (или, в лучшем случае, может быть отнесена к превратным формам последней, навязываемым миром социального отчуждения). Сведение самореализации личности только к конкуренции за популярность деформирует личность и приводит к трагическим последствиям. Это видит и сам Д.А. Давыдов [Давыдов, 2021а: 87–88], характеризуя «личности», которые «самореализуются» по принципу «казаться, а не быть», которые идут на всё ради красивого образа в соцсетях.

За бортом внимания Д.А. Давыдова остаются те, кто самореализуется в делах, а не в пускании пыли в глаза подписчикам соцсетей. Есть много примеров творческой деятельности людей, создававших величайшие культурные ценности, но не получивших прижизненного признания: Эварист Галуа, Грегор Мендель, Ван Гог, Юрий Кондратюк... А ведь именно для творческой деятельности в сфере производства (включая и производство

личности человека) характерна подлинная самомотивация. Разумеется, как массовое явление это пускает прочные корни тогда, когда отступает на задний план забота о материальном выживании. Материальный достаток для настоящего творца – средство для поддержания творческого процесса, а не самоцель, чего, кстати, никак нельзя сказать о многих «лидерах общественного мнения» в соцсетях.

Третий атрибут творческой деятельности – в процессе со-творчества создается принадлежащий в потенции каждому и неограниченно распределимый каждым субъектом со-творчества феномен культуры. В условиях тотального рынка этот результат творчества обретает форму интеллектуальной частной собственности (ИЧС), недоступной всем тем, кто не может его купить, т.е. товаром, отчужденным продуктом. Это противоречие может быть снято только по мере отказа от ИЧС и перехода к режиму «собственность каждого на все (СКВ)» [Бузгалин, 2019], что и происходит в определенной степени в условиях позднего капитализма в той мере, в какой развиваются такие феномены, как копи-лефт, викиномика, открытые источники и т.п. Но одновременно происходит формирование и таких переходных отношений, в которых противоречиво, неорганично сочетаются качества ИЧС и СКВ. Например, краудсорсинг (механизм добровольного бесплатного сотрудничества в решении творческих задач) может использоваться частными фирмами к своей выгоде, а результат такого со-творчества может закрепляться в ИЧС. Возможен и обратный пример, когда права ИЧС ограничиваются, чтобы предоставить открытый доступ к результатам интеллектуального труда по истечении срока исключительных прав (патента), например, через 5 лет.

Трудно в этой связи согласиться с утверждением Д.А. Давыдова, что «теперь во многих случаях ключевой “показатель влияния” – это счетчик подписчиков в социальных медиа, а не [только?] банковский счет» [Давыдов, 2021а: 85]. Все обстоит ровно противоположным образом. Да, популярность, привлечение внимания, самовыражение важны и сами по себе. Но они практически всегда выступают также как инструменты борьбы за обладание деньгами, что этот же автор отмечает в другом своем тексте [Давыдов, 2022]. Богатство не прикладывается «само собой», а является результатом изнурительной гонки за добычу популярности и конвертацию ее в «звонкую монету».

Социально-экономические основания развития новой социальной реальности. Д.А. Давыдов видит реальные новые тренды, отличающиеся от основных характеристик капитализма, но при этом не различает ростков качественно новых общественных отношений и их превратных форм. Более того, он по сути игнорирует анализ тех объективных социально-экономических отношений, которые генерируют не-превратные формы пострыночных отношений и соответствующие ценности индивидов.

Исследование генезиса посткапиталистических отношений в рамках позднего капитализма будет неполным, если мы останемся в пространстве деятельности индивида, его труда, ценностей и мотивов. Современный марксистский метод обуславливает *необходимость рассмотрения ростков посткапитализма в сфере объективных общественных отношений*, в первую очередь – социально-экономических.

Это пространство анализа осталось в стороне от внимания Д.А. Давыдова, а между тем именно здесь формируются переходные отношения, противоречиво соединяющие рыночно-капиталистические и пострыночные, посткапиталистические отношения. Основания для генезиса последних лежат как в сфере прогресса производительных сил, так и в пространстве противоречий капиталистических производственных отношений.

Об этих отношениях авторы писали многократно. Поэтому лишь кратко укажем, что везде, где присутствует непосредственно-общественное регулирование экономики, где блага распределяются бесплатно на основе общедоступности и (или) «ответственного потребления», где общество сознательно снижает порождаемое рынком и капиталом неравенство, где действует модель «собственность каждого на все» как альтернатива интеллектуальной частной собственности – везде в этих пространствах рождаются *реальные*

пострыночные и посткапиталистические отношения и новые социальные акторы этих отношений¹.

Выводы. Итак, можно с достаточным основанием сказать, что тенденции, рассматриваемые в статье Д.А. Давыдова, представляют собой весьма показательный симптом воздействия на процессы генезиса новых ценностей и мотивов человека со стороны господствующих отношений позднего капитализма, который характеризуется тотальным «орыночничиванием» социальных отношений, широким развитием рынка симулякров и целенаправленным формированием симулятивных потребностей. Именно в этих условиях развитие и самореализация личности приобретают форму симулякра – стремления к успеху, которое выражается в привлечении внимания к собственной персоне и превращается в средство капитализации личности, созданной и сформированной этой погоней за популярностью любой ценой.

Само стремление человека к самореализации и к превращению в неповторимую творческую личность является объективным отражением возрастания роли творческой деятельности в современном обществе и производстве. Эту тенденцию вполне можно характеризовать как посткапиталистическую, поскольку она генерирует посткапиталистические отношения, вырывающиеся из рамок рынка и капитала. Однако канализация этой объективной тенденции лишь в сторону *имитации* неповторимости в условиях гонки за популярностью любой ценой и превращение этой имитации в средство материального успеха являются свидетельством превратного воздействия господствующих капиталистических отношений на стремление людей к личностному развитию и своеобразию. В рамках описываемых Д.А. Давыдовым феноменов это стремление проявляется не в развитии личных творческих качеств, а в формировании внешних атрибутов неповторимости и общественного признания. Усилия по формированию таких внешних атрибутов также несут в себе элемент творчества, но этот элемент в главном подчинен *капиталистическим* критериям успеха. Такие проявления самореализации личности не ведут нас в посткапиталистическое общество, а являются препятствием на этом пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997.
- Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. Москва: Полит. лит-ра, 1991.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. Изд. 5-е. М.: ЛЕНАНД. 2019а.
- Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10–38.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019б. № 1. С. 18–28.
- Булавка-Бузгалина Л.А. Культура как рынок: «не продается вдохновенье»? // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 5–17.
- Давыдов Д.А. Классовое господство в эпоху посткапитализма: Часть 1. Этнос персоналиата // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 142–152.
- Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: Рипол-Классик, 2021б.
- Давыдов Д.А. Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей // Социологические исследования. 2021а. № 12. С. 78–90.
- Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
- Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia – Наука, 1998.

¹ Подробнее их характеристики раскрыты в статьях Н.Г. Яковлевой и О.В. Барашковой в данном номере журнала.

- Мамардашвили М. Превращенные формы. О необходимости иррациональных выражений // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3 (Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. М.: Политиздат, 1962.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Фриман А. Сумерки машинокрайического подхода: незаменимый труд и будущее производства // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 37–60.
- Цаголов Г.Н. Политэкономия будущего // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 39–51.
- Яковлева Н.Г. Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 149–153.
- Яковлева Н.Г. Трансформации образования в экономике постсоветской России: взаимосвязь цифровизации и маркетинга // Вопросы политической экономии. 2021. № 2. С. 146–157.
- Baudrillard J. Simulacra and simulation. University of Michigan press, 1994.
- Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973.
- Drucker P. Post-capitalist society. Routledge, 2012.
- Florida R. The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent. New York: Harper Business, HarperCollins, 2005.
- Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. New York: Basic Books, 2002.
- Galbraith J.K. The New Industrial State. Princeton University Press, 2007 [1967].
- Toffler A. The third wave. N.Y.: Morrow, 1980.

Статья поступила: 06.07.22. Принята к публикации: 02.08.22.

CAPITALISM, POST-CAPITALISM AND THE CREATIVE REVOLUTION (critical reflections on the article by D.A. Davydov)

BUZGALIN A.V.*, KOLGANOV A.I.**

*Lomonosov Moscow State University, Russia; **Institute of Economy RAS, Russia

Alexander V. BUZGALIN, Dr. Sci. (Econ.), Director of the Center for Modern Marxist Studies; Prof. of the Department of Political Economy (buzgalin@mail.ru); Andrey I. KOLGANOV, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Laboratory on Comparative Studies of Socio-Economic Systems at the Faculty of Economics; Chief Researcher of the Institute of Economy RAS (onaglo@mail.ru). Both – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Acknowledgements. This article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the CASS, project number 21-511-93006, and within the framework of the activities of the MSU Scientific-Educational School "Preservation of World Cultural-Historical Heritage".

Abstract. The article analyzes the contradictions of the genesis of post-capitalist social relations and the resulting values and motives of activity. It is shown that such relations and values arise objectively but develop mainly in forms subordinated to the total market of simulacra and global corporate capital, which determine the dominance of the perverse forms of germs of post-capitalism. The article provides a constructive criticism of the D.A. Davydov theses. In particular, it is shown that prestige and self-realization, assessed by the number of subscribers or likes, etc., are perverse forms that are formed through social networks and Internet resources in the conditions of their subordination to the manipulative influence of corporate capital. The conclusion is substantiated that the real foundations of the genesis of post-capitalist relations are the progress of labor that is creative in its content and the relations arising on this basis, including: 1) the relations of creating unlimited public goods that have the form of ownership of everything by everyone; 2) relations of development of the individual in labor, acquiring the status of a need; 3) the relationship of co-creation. Additionally, the conclusion is argued that these relations, contradictory, but steadily developing over the past decades, form a basis of real post-capitalist trends, while the ones studied by D.A. Davydov perverse forms that are indeed generated by late capitalism lead to the strengthening of market-capitalist principles, and not to the genesis of a qualitatively new society and person.

Keywords: creativity, capitalism, post-capitalism, personality, alienation, intellectual private property, the ownership by everybody of everything.

REFERENCES

- Batishchev G.S. (1997) *Introduction to the dialectic of creativity*. St. Petersburg: RHGI. (In Russ.)
- Baudrillard J. (1994) *Simulacra and simulation*. University of Michigan press.
- Bell D. (1973) *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*. New York: Basic Books.
- Bibler V.S. (1991) *From science to the logic of culture. Two philosophical introductions to the twenty-first century*. Moscow: Polit. lit-ra. (In Russ.)
- Bulavka-Buzgalina L.A. (2021) Culture as a Market: "Inspiration Is Not for Sale"? *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 3: 5–17. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2018) Late capitalism and its limits: dialectics of productive forces and production relations (to the 200th birth anniversary of Karl Marx). *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 2: 10–38. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) *Global capital. In 2 vols. Vol. 1. Methodology: Beyond Positivism, Postmodernism and Economic Imperialism (Marx re-loaded)*. 5th ed. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019b) Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 18–28. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2021a) The Value Foundations of Post-Capitalism: from the "Mode of Possession" to the Individualism of Self-Actualizing Personalities? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 78–90. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2021b) *Post-Capitalism and the Birth of the Personalist*. Moscow: Ripol-Klassik. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2022) Class Domination in the Era of Post-Capitalism: Part 1. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 142–152. (In Russ.)
- Drucker P. (2012) *Post-capitalist society*. Routledge.
- Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. New York: Basic Books.
- Florida R. (2005) *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. New York: Harper Business, HarperCollins.
- Freeman A. (2016) The twilight of the machineocratic approach: indispensable labor and the future of manufacturing. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. Vol. 2. No. 4: 37–60. (In Russ.)
- Galbraith J.K. (2007 [1967]) *The New Industrial State*. Princeton University Press.
- Ilyenkov E.V. (1991) *Philosophy and culture*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Inozemtsev V.L. (1998) *Outside the economic society. Post-industrial theories and posteconomic trends in the modern world*. Moscow: "Academia", Nauka. (In Russ.)
- Mamardashvili M. (2017). Converted forms. On the need for irrational expressions. *Stasis*. Vol. 5. No. 2. (In Russ.)
- Marx K. (1962) Capital. Criticism of political economy. Volume Three (Book III: The process of capitalist production, taken as a whole). In: Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Moscow: Politizdat. Vol. 25. Part II. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1992) *Human. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Toffler A. (1980) *The third wave*. New York: Morrow.
- Tsagolov G.N. (2015) Political economy of the future. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 2: 39–51. (In Russ.)
- Yakovleva N.G. (2018) Education in Russia: public good or commercial service? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 149–153. (In Russ.)
- Yakovleva N.G. (2021) The transformation of education in the economy of post-Soviet Russia: the connection between digitisation and marketisation. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 2: 146–157. (In Russ.)

Received: 06.07.22. Accepted: 02.08.22.

Н.Г. ЯКОВЛЕВА

КАКИЕ РОСТКИ ПОСТКАПИТАЛИЗМА СПОСОБНЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ?

ЯКОВЛЕВА Наталья Геннадьевна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН, Москва, Россия (tetn@yandex.ru).

Аннотация. Критический анализ положений Д.А. Давыдова показывает, что формирование ценностей самореализации является продуктом не только информационных технологий, но и современных форм рынка и капитала, которые используют эти ценности, равно как и социальные сети как таковые, для интенсификации своего господства. Поэтому рассматриваемые Д.А. Давыдовым феномены не могут быть отнесены в полной мере к посткапиталистическим, хотя в них действительно формируются пострыночные начала. Ростки пострыночных и посткапиталистических отношений связаны в первую очередь с прогрессом творческого содержания труда, являющегося источником инноваций и модернизации как технологий, так и социально-экономических институтов. Развитие же массовой креативной деятельности предполагает прогресс общедоступного образования, здравоохранения и других сфер, где и происходит преимущественное развитие пострыночных и посткапиталистических начал.

Ключевые слова: человеческий потенциал • модернизация • капитализм • пострыночные отношения • посткапиталистические отношения

DOI: 10.31857/S013216250021253-1

Развитие феноменов, не сводимых к рыночным и капиталистическим, является результатом глубоких технологических, экономических и социальных трансформаций, активизировавшихся в последние два десятилетия. В этой связи публикация серии работ Д.А. Давыдова [2021а; 2021б; 2022] вызывает несомненный интерес. Хотя автор делает центральной проблемой своих текстов вопрос о трансформации только ценностных ориентиров, проблема, которую он поднимает, гораздо шире и глубже. В дискуссии о работах Д.А. Давыдова уже указывалось на долгую предысторию и многогранность темы генезиса посткапитализма (см., например, предыдущую в данном разделе статью А.В. Бузгалина и А.И. Колчанова).

Действительно, феномен усиления модуса самореализации и относительного ослабления мотивов, связанных с обладанием, является заметным вектором социальной динамики. Исследование этой темы ведется не одно десятилетие, сошлемся хотя бы на классическое «Иметь или быть?» Фромма (см. также: [Бодрунов, 2018]). Д.А. Давыдов внимательно исследует этот тренд и делает выводы, с которыми мы лишь отчасти можем согласиться и которые требуют существенного дополнения. Ростки посткапитализма несомненны, но главные аспекты генезиса посткапиталистических начал лежат, на наш взгляд, в других сферах. Перечислим наши аргументы.

Во-первых, роль популярности индивида в социальных сетях Д.А. Давыдовым существенно преувеличена. Если мы посмотрим на Россию – страну с уровнем развития выше среднего, – то для таких социальных слоев, как живущие за чертой бедности или близко к ней, а также тех, кто получает зарплату ниже или немногим выше медианной, главной целью жизни все еще остается удовлетворение базовых материальных потребностей. Даже в странах с более высоким уровнем доходов большинство населения в условиях неолиберальной модели позднего капитализма вынуждено ориентироваться в своих ценностных установках на воспроизводство классических стандартных ценностей

капиталистического мира (стабильная работа, квартира/дом, машина и т.д.), причем воспроизводство этого стандарта становится все менее гарантированным. Тем более это относится к большинству жителей стран периферии. Поэтому лишь с оговорками можно принять тезис, что для многих бедность и неравенство – уже «не самая главная проблема в жизни» [Давыдов, 2021: 311]. Этих «многих» даже среди «креативного класса» мира – скорее меньшинство, чем большинство. Да и для противоположных по своему социально-экономическому положению социальных слоев – предпринимателей и иных лиц, большая часть жизнедеятельности которых протекает в сфере бизнеса, – также наиболее значимы денежная и карьерная мотивация.

Во-вторых, популярность в социальных сетях – капитализируемый актив. Современный рынок является тотальным [Бузгалин, Колганов, 2018], и при этом он подчинен капиталу, причем преимущественно финансовому [Рязанов, 2016; Яковлева, 2019]. Такие рынок и капитал подчиняют себе все основные процессы социальных коммуникаций, в том числе социальные сети. К тому же Интернет и, в частности, социальные сети делятся на две неравные по своим масштабам и влиянию сферы – коммерческую, используемую в конечном счете для накопления капитала, и сферу, в которой ее инициаторы и пользователи не преследуют коммерческих целей. Это деление имеет принципиальное значение, но в концепции Д.А. Давыдова не акцентируется.

В-третьих, в большинстве случаев в рассматриваемой статье речь идет о ростках *пострыночной*, а не собственно *посткапиталистической* мотивации. Ориентация на вещное богатство, деньги, частную собственность – это исторически и логически предшественник капитала; эти ценности и мотивы существовали и существуют даже там, где нет таких атрибутов капитализма, как наемный труд и максимизация прибыли [Бузгалин, 2018]. Последнее замечание можно было бы счесть методологической придиркой, если бы не важное обстоятельство: в социологических и теоретико-экономических работах со второй половины XX в. немало пишется о посткапиталистических феноменах, а о пострыночных отношениях предпочитают не упоминать. Рынок остается «священной коровой» общественной науки. Между тем вот уже столетие в социально-экономической сфере, в поведении, ценностях, мотивах индивидов присутствуют именно *пострыночные* отношения. Сказанное не отрицает наличия исследуемого Д.А. Давыдовым феномена формирования новых ценностей и мотивов, но существенно корректирует вывод: то, что он рассматривает как одно из важнейших слагаемых посткапиталистических начал, на самом деле является таковым лишь отчасти. Точнее будет говорить скорее о *переходных* отношениях, совмещающих рыночно-капиталистические и новые начала.

Самое главное, у Д.А. Давыдова на обочине анализа остается важнейший пласт общественных феноменов, которые носят *пострыночный* и *посткапиталистический* характер и особенно важны как предмет исследования в современных условиях, поскольку именно в этих сферах складываются отношения, обеспечивающие развитие человеческого потенциала и тем самым модернизацию в технико-производственной и в социально-экономической сферах. Речь идет о хорошо известных феноменах – здравоохранении, образовании, культуре, сферах создания и использования информации и др. в той мере, в какой они развиваются как бесплатные и общедоступные для пользователя. Именно в этих сферах происходит обусловленное переменами не только в технологиях, но и в объективных социально-экономических отношениях изменение содержания и социальной формы труда и, как следствие, формируются ростки качественно новых ценностей и мотивов жизнедеятельности. Именно здесь происходит непосредственное формирование *пострыночных* и *посткапиталистических* человеческих качеств. Это – потребность в содержательном, творческом труде, самореализации в деятельности и в неотчужденных общественных отношениях [Булавка-Бузгалина, 2018], а не в сферах внешних, навязанных сетями знаков признания.

Основания для отнесения этих общественных отношений и человеческих качеств к *пострыночным* и *посткапиталистическим* таковы.

Во-первых, в них складываются отношения, в которые их участники вступают уже не как обособленные товаровладельцы-конкуренты. В общественном секторе они используют находящиеся в общественной собственности средства производства и не создают продукты, которые становятся частной собственностью. Так, большая часть результатов деятельности в сфере бесплатного общедоступного образования не является интеллектуальной частной собственностью преподавателей, творящих знания и другие личностные качества учеников. Д.А. Давыдов прав, когда в своей книге говорит, что учитель и медик должны быть творцами, а не просто профессионалами [Давыдов, 2021б: 283, 293], описывая будущее, где они станут большинством, вполне в духе марксистского видения коммунизма. Но затем он «теряет» эту линию, уделяя основное внимание «сущему» (ориентированному на внешнее признание «персоналиату») и игнорируя «должное» – объективную востребованность массового творчества как основы общества будущего.

Во-вторых, пострыночные и посткапиталистические отношения в этих сферах непосредственно не подчинены процессам накопления капитала и целям производства прибыли, а финансирование этих сфер осуществляется из общественных фондов. Впрочем, в последние десятилетия сращенное с корпоративным капиталом государство, контролирующее эти сферы, может *навязывать* им рыночные формы.

В-третьих, в сфере разработки и использования информационных продуктов (как, например, в случае Викиномики (Wikinomics), операционной системы Linux и др.) весь процесс создания благ происходит без опосредования товарно-денежными отношениями. Труд осуществляется бесплатно и вне непосредственного подчинения капиталу или государству (т.е. носит именно пострыночный и посткапиталистический характер), а создаваемые продукты становятся общественными, а не частными благами.

Перед нами примеры и посткапиталистических, и пострыночных отношений. Именно эти отношения вкупе с информационными технологиями создают предпосылки для развития посткапиталистических ценностей, некоторые из которых выделяет Д.А. Давыдов, «забывая» при этом проанализировать те общественные отношения, которые являются *главными* ростками посткапитализма и эти ценности формируют.

Эти отношения на современном этапе развиваются в условиях господства рынка и капитала, что обуславливает доминирование переходных форм. В разных странах в разные исторические периоды эти отношения развиваются в разной мере. После Великой депрессии и Второй мировой войны общественные начала в здравоохранении, образовании и др. развивались по восходящей линии. Неолиберальный этап развития капитализма изменил динамику, с конца XX в. в развитых странах наблюдается регресс пострыночных и посткапиталистических начал в социальном секторе, развиваются процессы их коммерциализации и бюрократизации. Эти процессы стали реальностью и для постсоветской России [Клейнер, 2021; Яковлева, 2021а].

Существенно, что в странах, где активно развиваются пострыночные и посткапиталистические начала, достигаются одни из наивысших результатов в области развития человеческого потенциала и инноваций. Так, большинство скандинавских стран входит в первую десятку по индексу человеческого развития и счастья, характеризуется одним из самых низких уровней социального неравенства (коэффициент Джини на уровне 0,25), высокой продолжительностью жизни и одновременно занимает одни из самых высоких мест по инновационности экономики [Дубровин, 2021].

Интересным кейсом в данном случае является и опыт СССР, где наивысшие результаты были достигнуты именно в социальных сферах – образовании и здравоохранении, развивавшихся на принципах бесплатности и общедоступности, а также в культуре, фундаментальной науке и других сферах, где рыночные отношения отсутствовали, но многие результаты соответствовали высшим мировым стандартам. Существует и обратная связь: свертывание пострыночных и посткапиталистических начал в нашей стране после распада СССР и проведение радикальных либеральных реформ во всех сферах, включая

социальные, привели к большим потерям в развитии инновационной экономики и, в частности, в научно-технологическом развитии [Ленчук, 2021; Ленчук, 2022].

За этими примерами, равно как и объектами анализа Д.А. Давыдова, скрывается теоретическая закономерность, о которой подробнее писали ранее [Яковлева, 2021б]. Суть ее такова: прогресс технологий, приводящий ко все более активному развитию творческого по содержанию труда, создает материальные предпосылки для прогресса пострыночных и посткапиталистических отношений, а эти отношения, в порядке обратной связи, создают адекватное пространство для прогресса как человеческого потенциала, так и технологических, экономических и социальных инноваций.

В кратком виде логическая цепочка доказательств этого тезиса выглядит следующим образом.

Шаг первый: прогресс творческого труда есть основа для инновационной модернизации во всех сферах человеческой деятельности. Новации, которые затем могут быть превращены в инвестиции, т.е. стать инновациями и привести к модернизации, являются продуктом именно творчества.

Шаг второй: стать массовым явлением, распространяющимся на все более широкий круг сфер производства и социальной жизни, инновации могут только при условии массовой творческой деятельности.

Шаг третий: для реализации этой задачи требуется прогресс человеческого (и, как центральное звено, творческого) потенциала не только элиты, но и большинства членов общества, чтобы каждый реализовал свой потенциал творчества в полной мере, независимо от социального положения.

Шаг четвертый: создание условий для формирования и использования творческого потенциала большинства членов общества предполагает развитие эгалитарного образования для всех и через всю жизнь, аналогичной организации системы здравоохранения и т.д.

Итог: развитие такой модели социальной сферы возможно, только если в ней развиваются пострыночные и посткапиталистические отношения. Именно они и могут стать в конечном итоге основой формирования у большинства населения адекватных целям со-творчества и развития человеческого потенциала ценностей и мотивов человеческой деятельности.

В отличие от описанных ростков посткапиталистических отношений феномены погоны за популярностью в социальных сетях и т.п. мало (или вообще не) служат прогрессу человеческого потенциала и технологической и социальной модернизации. И это, на наш взгляд, главная проблема, которую следует ставить, обращаясь к теме посткапитализма: прогресс или регресс несут в себе не являющиеся атрибутами рынка и капитала отношения, ценности и мотивы? Следует ли стимулировать их развитие или тормозить его? Вкупе с вопросом о том, какова система посткапиталистических отношений, рождающихся в современном обществе, это может стать важнейшей темой для продолжения дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
- Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономики. 2018. № 2. С. 10–38.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2018.
- Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 169–179.
- Давыдов Д.А. Классовое господство в эпоху посткапитализма: Часть 1. Этнос персоналиата // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 142–152.
- Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: Рипол-Классик, 2021а.

- Давыдов Д.А. Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей? // Социологические исследования. 2021б. № 12. С. 78–90.
- Дубровин И.А. Теоретические основы скандинавской экономической модели: стокгольмская экономическая школа и социализация капиталистической системы // Вопросы политической экономии. 2021. № 2. С. 117–132.
- Клейнер Г.Б. Коммерциализация, декоммерциализация, посткоммерциализация российской экономики // Вопросы политической экономии. 2021. № 3. С. 23–37.
- Ленчук Е.Б. Научно-технологическое развитие как стратегический национальный приоритет России // Экономическое возрождение России. 2022. № 1 (71). С. 58–65.
- Ленчук Е.Б. Россия в мировом процессе научно-технологического развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 4. С. 72–91.
- Рязанов В.Т. (Не)реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.
- Яковлева Н.Г. Противоречия трансформации и генезис социально-ориентированной модели образования (политико-экономический подход) // Вопросы политической экономии. 2021а. № 3. С. 183–197.
- Яковлева Н.Г. Социально-экономические трансформации образования в XXI веке. М.: Третьяковъ, 2021б.
- Яковлева Н.Г. Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104–114.

Статья поступила: 19.07.22. Принята к публикации: 02.08.22.

WHAT SPROUTS OF POST-CAPITALISM ARE CAPABLE OF ENSURING PROGRESS OF HUMAN POTENTIAL AND TECHNOLOGICAL MODERNIZATION?

IAKOVLEVA N.G.

Institute of Economics RAS, Russia

Natalia G. IAKOVLEVA, Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Center for Institutes of Socio-Economic Development of the Institute of Economics RAS, Moscow, Russia (tetn@yandex.ru).

Abstract. The author gives a critical analysis of the propositions put forward in D.A. Davydov's article "The value foundations of post-capitalism: from the "mode of possession" to the individualism of self-fulfilling personalities?" (Sociological Studies. 2021. No. 12) and shows that the formation of self-realization values is a product not only of information technologies, but also of modern forms of market and capital that use these values, as well as social networks as such, to intensify their dominance. Because of this, the phenomena considered by D.A. Davydov cannot be fully attributed to post-capitalist, although post-market principles are indeed formed in them. Further, the article shows that the sprouts of post-market and post-capitalist relations are associated with the progress of the creative content of labor, which is a source of innovation and modernization of both technologies and socio-economic institutions. The development of mass creative activity presupposes the progress of public education, healthcare and other spheres, where the predominant development of post-market and post-capitalist principles takes place, which create adequate forms for progress of human potential and modernization processes.

Keywords: human potential, technological modernization, economic modernization, capitalism, post-market relations, post-capitalist relations.

REFERENCES

- Bodrunov S.D. (2018) *Noonomy*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russ.)
- Bulavka-Buzgalina L.A. (2018) Disalienation: from Philosophical Abstraction to Sociocultural Practices. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 6: 167–179. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2018) Late capitalism and its limits: the dialectic of productive forces and production relations (on the 200th anniversary of the birth of Karl Marx). *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 2: 10–38. (In Russ.)

- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2018) *Global Capital*. Vol. 2: Theory: Global Hegemony of Capital and its limits. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Davidov D.A. (2021a) The value foundations of post-capitalism: from the "mode of possession" to the individualism of self-fulfilling personalities? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Study]. No. 12: 78–90. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2021b) *Post-Capitalism and the Birth of the Personalist*. Moscow: Ripol-Klassik. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2022) Class Domination in the Era of Post-Capitalism: Part 1.
- Dubrovin I.A. (2021) Theoretical foundations of the Scandinavian economic model: Stockholm economic school and socialization of the capitalist system *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. 2021. No. 2: 117–132. (In Russ.)
- Kleiner G.B. Commercialization, decommercialization, post-commercialization of the Russian economy. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 3: 23–37. (In Russ.)
- Lenchuk E.B. (2021) Russia in the global process of scientific and technological development. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law]. No. 14 (4): 72–91. (In Russ.)
- Lenchuk E.B. (2022) Scientific and technological development as a strategic national priority of Russia. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia]. No. 1 (71): 58–65. (In Russ.)
- Ryazanov V.T. (2016) (Not)real capitalism. The political economy of the crisis and its consequences for the world economy and Russia. Moscow: Economy. (In Russ.)
- The Ethos of the Personalist. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 142–152. (In Russ.)
- Yakovleva N.G. (2019) Social effect of financialization of education *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 12: 104–114. (In Russ.)
- Yakovleva N.G. (2021a) (Contradictions of transformation and genesis socially-oriented model of education (political economy approach). *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 3: 183–197. (In Russ.)
- Yakovleva N.G. (2021b) *Social-Economic transformations of education in XXI century*. Moscow: Tret'yakov. (In Russ.)

Received: 19.07.22. Accepted: 02.08.22.

ЧЭНЬ ХУН, О.В. БАРАШКОВА

ПОСТКАПИТАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?

ЧЭНЬ Хун – доктор философии (PhD), профессор Института марксизма Хайнаньского педагогического университета, Хайкоу, КНР (yweich@163.com); БАРАШКОВА Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета, старший преподаватель Центра современных марксистских исследований философского факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (olga_barashkova@mail.ru).

Аннотация. Выступая с конструктивной критикой ряда положений, выдвинутых Д.А. Давыдовым о формировании посткапиталистических отношений, авторы подчеркивают, что исследование таких отношений будет неполным, если оно не включает анализ процессов, происходящих в странах, идущих по иному пути, нежели ведущие страны с капиталистической экономикой. Апеллируя к практикам КНР и ряда других стран, авторы обращают внимание на развитие отношений, которые формируют ценности и мотивы коллективной, солидарной деятельности на пользу общества и могут быть квалифицированы как реальные ростки социализма. Это характерно не только для Китая, строящего социализм с китайской спецификой, но и для стран, сохраняющих капиталистическую систему, однако вынужденных обращаться к социалистическим по своему содержанию отношениям для укрепления экономики и снижения социальных противоречий.

Ключевые слова: посткапитализм • капитализм • социализм • социализм с китайской спецификой • социальное развитие

DOI: 10.31857/S013216250021077-7

Серия работ Д.А. Давыдова [2021а; 2021б], в которых автор ставит проблему генезиса посткапиталистических отношений в современном обществе, посвящена одной из наиболее актуальных проблем современности. Автор показывает, что социум XXI в. и человек этого социума по ряду параметров существенно отличны от того, что принято определять как отличительные черты рыночной экономики и капиталистического общества. В этой связи Д.А. Давыдов указывает, прежде всего, на изменения, обусловленные развитием информационных технологий, в частности Интернета и социальных сетей. Им рассматриваются процессы, которые происходят во всех странах мира, хотя автор апеллирует в основном к западным примерам. В качестве наиболее важных им выделяются изменения в ценностях и мотивации человека: индивид XXI в. стремится не столько к максимизации потребления товаров и услуг, денежного дохода, накоплению капитала, сколько к общественному признанию и самореализации, в результате чего формируется «новый господствующий слой» – персоналиат [Давыдов, 2021а: 85; 2021б: 124–184]. Хотя роль рыночно-капиталистических стимулов для большинства граждан мира еще остается доминирующей, с выдвинутым Д.А. Давыдовым положением отчасти можно согласиться. Отчасти верно и его утверждение, что «происходит формирование своеобразного общества “всеобщей само-реализации”, в котором каждому отводится свое место в новой социальной иерархии и где на вершине находятся мегапопулярные “лидеры мнений”» [Давыдов, 2021а: 87].

В то же время Д.А. Давыдов оставляет в стороне широкий круг общественных отношений, равно как и ценностей индивидов, которые лежат в совершенно иной плоскости, развиваются уже много десятилетий и доказали свою перспективность и эффективность. Примером таких отношений и ценностей служит, прежде всего, КНР, но развиваются они и в других странах Востока (например, во Вьетнаме). Эти отношения и ценности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и КАОН, проект № 21-511-93006; подготовлена по проекту Национального фонда социальных наук Китая (21AKS023).

в названных странах, прежде всего в Китае, прямо называют социалистическими¹. Эти отношения возникают (как подчиненные капиталу) и в странах «ядра» (США, ЕС и др.), но там они, как правило, квалифицируются как модификации демократической рыночной системы и частной собственности, компенсирующие «провалы рынка». Элементами этой системы отношений являются, прежде всего, общественный сектор в экономике, планирование социально-экономического развития, снижение социального неравенства за счет частичного перераспределения прибыли и ренты в пользу беднейших слоев общества, бесплатность и общедоступность базовых ресурсов развития (в таких сферах, как образование, здравоохранение и др.), широкое распространение коллективистских ценностей, господство социалистических идей в культуре и идеологии.

Следует ли считать эти отношения социалистическими, или их можно отнести к модификациям капитализма, а ростки посткапитализма искать в совершенно других сферах? Последнее, в частности, предпринимает в своих работах Д.А. Давыдов. Дав критику СССР как разновидности капиталистической формации [Давыдов, 2021б: 76], Д.А. Давыдов стремится обойти проблему социализма как новой экономической, социальной, политической и культурной реальности не только XX в., но и XXI в., что представляется неправомерным. Считая, что «реальный социализм» отличался от капитализма лишь политико-правовым оформлением отношений эксплуатации [Давыдов, 2021б: 75], он игнорирует реальные новые – социалистические – общественные отношения, которые рождались в СССР, существуют в настоящее время в виде элементов в капиталистических системах и активно развиваются сегодня. Последнее мы и стараемся показать ниже, обращаясь в первую очередь к практикам современной КНР.

Предварительно отметим, что термин «посткапитализм» используется давно [Drucker, 1993], но преимущественно авторами, принадлежащими к тем или иным направлениям западной общественной науки. Во всем остальном интеллектуальном пространстве, включая достижения общественной науки Китая и многих других не-западных стран, категория «социализм» активно и конструктивно используется для обозначения общества, идущего на смену рынку и капиталу, а термин «посткапитализм» встречается гораздо реже. На наш взгляд, нельзя объяснять отмеченные различия в обозначении социальных явлений только лишь нередким в общественных науках «спором о понятиях». Проблема касается того, насколько глубоко готовы исследователи характеризовать новые социально-политические и социально-экономические феномены, обозначаемые соответствующими понятиями. В этой связи возникает ряд вопросов.

1) Можно ли феномены, которые исследует Д.А. Давыдов, рассматривать как именно социалистические, а не просто «посткапиталистические»?

2) Насколько оправданно при исследовании темы «посткапитализма» не обращаться к детальному исследованию процессов, происходящих в странах, которые презентуют себя как идущих по пути социализма (прежде всего, к опыту КНР)?

3) Только ли выделенные в статье Д.А. Давыдова феномены являются свидетельствами того, что внутри капиталистического способа производства развиваются качественно новые отношения и ценности?

Некоторые аспекты этих трех проблем рассмотрены А.В. Бузгалиным, А.И. Колгановым и Н.Г. Яковлевой, чьи статьи публикуются в данном номере «Социологических исследований». Поэтому ниже мы выделим только аспекты, непосредственно связанные с опытом Китая.

Наш ответ на первый вопрос будет диалектически двойственным.

С одной стороны, мы не принимаем характерное для многих авторов и присущее концепции Д.А. Давыдова отождествление реально существующих социалистических

¹ Поддержка государством социалистических ценностей официально закреплена в ст. 24 Конституции Китая: «Государство защищает основные социалистические ценности и поощряет такие гражданские добродетели, как патриотизм, любовь к людям, удовольствие от труда, уважение к науке и преданность социализму» (Конституция Китая (2018). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318> (дата обращения: 31.07.2022)).

трендов с капитализмом. Систематическая критика тезиса о советской системе как разновидности то ли капитализма, то ли даже азиатского способа производства уже дана во многих работах (см., например: [СССР. Незавершенный проект, 2013]). Ограничимся только одним аргументом, важным для последующего изложения: наибольшие успехи Советского Союза были достигнуты именно там, где в наименьшей степени присутствовали рыночно-капиталистические начала: в науке, образовании, культуре, здравоохранении, занятости и т.п. Именно здесь – в пространстве пострыночных и посткапиталистических отношений, рассматривавшихся учеными СССР как специфически социалистические (или даже общекommунистические), – был совершен качественный скачок от неграмотности и продолжительности жизни менее 50 лет подавляющего большинства населения в начале 1920-х гг. до уровня наиболее развитых стран по этим показателям к 1960-м гг. Именно здесь наблюдаются, как мы покажем ниже, важнейшие достижения в Китае (а также в тех странах «ядра», где развивается социальная модель капитализма). Именно здесь рождается система² качественно отличная от рынка и капитала объективных общественных отношений и формируемых ими новых ценностей. Их можно назвать как угодно, но для их обозначения не случайно уже столетие устойчиво используется имя «социалистические».

С другой стороны, Д.А. Давыдов прав в том, что ростки посткапитализма развиваются как *дополнение* капитализма [Давыдов, 2021б]. Этот тезис не нов, о развитии элементов нового общества внутри капитализма марксисты пишут уже более ста лет. Здесь, однако, важен акцент: капитализм развивает ростки *нового типа* отношений и ценностей, но капиталистически их модифицирует.

Ответ на второй вопрос будет более однозначным.

Исследование отношений и ценностей, идущих на смену капитализму, будет, как минимум, неполным, если оно не включает в свой предмет все те процессы, что происходят в ряде стран, идущих по иному пути, нежели США, страны Европейского союза и другие капиталистические страны. Рассматривая пример Китая, мы можем зафиксировать, что здесь развивается система отношений, которые в этих странах квалифицируют именно как социалистические.

Это, во-первых, отношения планирования, в том числе долгосрочные программы. Именно они позволили Китаю, в частности, догнать наиболее развитые страны в ряде высокотехнологичных сфер, находяющихся в КНР в общественной собственности и развивающихся темпами в среднем в 2 раза выше, чем в странах «ядра». Так, в настоящее время КНР в области развития скоростных железных дорог³ догнал или даже опережает США, и эти результаты обеспечены именно за счет реализации долгосрочной экономической политики, ориентированной на общенациональные интересы, осуществляемой при большой поддержке государства⁴.

Во-вторых, общественный сектор КНР ориентирован на решение в первую очередь именно общенациональных задач, в частности социальных и экологических проблем⁵. По

² Подчеркнем, что речь идет именно о системе: планирование, общественный сектор, снижение социального неравенства, левая по своему содержанию идеология воспроизводятся только в *единстве*, а по отдельности они остаются всего лишь неустойчивыми, легко подавляемыми фрагментами нового в рамках старой капиталистической системы.

³ Подробнее о развитии скоростных железных дорог в Китае см., например: Lawrence M., Bullock R., Liu Z. China's High-Speed Rail Development // International development in focus. The World Bank, 2019. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29311> (дата обращения: 31.07.2022).

⁴ Углубленный анализ социально-экономической политики Китая и конкретных мер поддержки экономики на различных поворотных и кризисных этапах развития, когда роль государства в регулировании экономики объективно становится особенно высокой, представлен, например, в работе [Wen, 2021].

⁵ На протяжении последних лет государство особенно активно уделяет повышенное внимание экологии; в частности, проводится планомерное ужесточение экологических нормативов и включение их в пятилетние планы, которые больше не ставят рост ВВП на первое место среди всех целевых показателей. Это доказывает, что приоритеты планирования в коммунистическом Китае категорически не сводимы к поддержке отечественного бизнеса.

темпам развития образования и здравоохранения в общественном секторе Китай опережает страны «ядра» на протяжении многих лет, по численности педагогов и врачей на душу населения Китай приблизился к высоким мировым стандартам, несмотря на низкий стартовый уровень. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в Китае за десятилетия политики реформ выросла с 67,8 года в 1981 г. до 76,34 года в 2015 г.⁶ (примерно как в США). Успехи Китая в обеспечении высокого уровня образования проявляются, в частности, и в лидирующих позициях страны в международном рейтинге школьников по результатам PISA⁷. Это достижение является очень важным, поскольку именно уровень базового среднего образования закладывает основы, чтобы полнее реализовать человеческий потенциал на дальнейших ступенях образования. Перечень подобных показателей можно продолжить, но мы уже ранее писали о социальных достижениях Китая [Чэнь, 2019; 40 лет, 2020].

Добавим и то, что в Китае устойчиво воспроизводятся коллективистские ценности и социалистическая идеология. Последнее в контексте идей Д.А. Давыдова особенно важно: граждане Китая имеют свои индивидуальные интересы и ценности (в том числе ориентированные на рыночные параметры и признание в социальных сетях), но личностное развитие в этой стране активно идет по иной, нежели в США, траектории. Это различие можно наглядно проследить, если сравнить присущие этим странам модели так называемой «национальной мечты», в которых выражаются общенациональные долгосрочные ориентиры и ценности. В китайской мечте можно выделить четыре основные цели: возрождение нации, всеобщее процветание, демократия и счастье народа⁸, тогда как в американской мечте акцентируются персональная свобода, личный успех, социальная и экономическая мобильность (подробнее см.: [Pena, 2015; Seven Main Differences, 2013]). Одним из свидетельств того, что китайские граждане поддерживают и идеалы «китайской мечты», и в целом курс страны, реализуемый государством, является то, что, по данным опроса Ipsos Public Affairs survey, 87% граждан разделяют мнение, что страна развивается в правильном направлении, тогда как, например, в Канаде этот показатель составляет 58%, а в США – 43%⁹.

Безусловно, новые социалистические отношения и ценности сочетаются в КНР с ценностями и мотивами рынка. Роль частных предприятий в развитии Китая и специфика согласования целей этого сектора с общегосударственными задачами в рамках реализации «социализма с китайской спецификой» – отдельная большая и важная тема, здесь мы обозначим лишь несколько важных положений в связи с этим. Нередко высокую роль частных предприятий интерпретируют как свидетельство преимущественно рыночной направленности китайской экономики. Но чтобы сделать заключение о направленности общественной системы, следует анализировать не только долю совокупного продукта, которая приходится на такие предприятия, но и то, каким образом осуществляется деятельность последних. Факты свидетельствуют, что в Китае эти условия существенно отличаются от принятых в странах с капиталистической экономикой, поскольку порядок взаимодействия государства и Компартии Китая с частными предприятиями воплощает принципы социализма с китайской спецификой. Это – не поглощение и проникновение

⁶ По данным Главного государственного управления статистики КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (дата обращения: 31.07.2022).

⁷ PISA 2018 results // OECD publications. URL: <https://www.oecd.org/pisa/publications/pisa-2018-results.htm> (дата обращения: 31.07.2022).

⁸ При этом общенациональная китайская мечта не отрицает мечты отдельных граждан. Так, Председатель КНР Си Цзиньпин отмечал, что в китайской мечте «каждый имеет право иметь свою собственную мечту и быть ее строителем» ('Chinese Dream' Driven by Individuals: Newspaper // Global Times. March 27, 2013. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/771094.shtml> (дата обращения: 31.07.2022)).

⁹ Poll: China is most optimistic country in the world. Published August 6, 2017. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2017/08/06/Poll-China-is-most-optimistic-country-in-the-world/248150207777/ (дата обращения: 31.07.2022). См. также: What worries the world. 2017. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/2017-08/What_worries_the_world-July-2017.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

партии в частные предприятия, а взаимовыгодные отношения. Так, анализ данных девятого Национального обследования частных предприятий показывает, что частные предприятия, которые имеют ячейки КПК или же члены КПК входят в состав их владельцев, более активно занимаются расширением производства и демонстрируют долгосрочный рост [Ma, He, 2018]. Через механизмы участия в деятельности частных предприятий КПК контролирует, таким образом, ориентацию последних на реализацию общегосударственных целей и задач.

Долгосрочные показатели социально-экономического и технологического развития демонстрируют, что такое развитие под контролем государства и КПК, которое осуществляется в Китае, обеспечивает более устойчивые экономические и социальные результаты по сравнению со многими более развитыми западными странами с капиталистической экономикой. При этом КПК осуществляет достаточно жесткий контроль, чтобы деятельность не только государственных, но и частных предприятий не противоречила общегосударственным интересам, а крупный бизнес не мог оказывать такое влияние, которое расходилось бы с общегосударственными интересами. Все это является проявлением *некапиталистических* отношений, которые в Китае расцениваются как элементы социализма с китайской спецификой¹⁰.

Конечно, наряду с успехами в КНР существуют и определенные противоречия. Руководство Китая и китайские ученые не игнорируют эти противоречия, а ищут пути их разрешения.

Развивающиеся в КНР социалистические отношения и ценности характерны не только для стран, прямо ставящих задачи движения по социалистической траектории. Ростки этих же отношений (общественный сектор в образовании и здравоохранении и т.п.) присутствуют в большей или меньшей степени и в странах, сохраняющих капиталистическую систему, которые вынуждены использовать «ростки социализма» для укрепления экономики и снижения социальных противоречий. И в Китае, и в странах капиталистического «ядра» при этом формируются ростки описанных выше отношений, именно они несут в себе потенциал, который на Западе называют посткапиталистическим, а мы квалифицируем (как и многие другие ученые Китая, Вьетнама и др.) как социалистический. И это ответ на третий из поставленных нами вопросов: именно данные отношения, отнюдь не только рождающиеся вследствие развития Интернета и сетей ценности признания и престижа, описываемые Д.А. Давыдовым, есть важнейшие феномены рождающегося нового мира.

Сказанное позволяет сделать вывод, что поднятые в статье Д.А. Давыдова проблемы, несомненно, актуальны. Он справедливо указывает на ряд ростков посткапиталистических ценностей и мотивов поведения человека. Но при этом в стороне остаются важнейшие новые отношения, которые развиваются как не просто посткапиталистические, но как социалистические. Включение этих объектов в исследование данной проблематики, на наш взгляд, могло бы стать важным компонентом решения рассматриваемой проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Давыдов Д.А. Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей? // Социологические исследования. 2021а. № 12. С. 78–90.
[Davydov D.A. (2021a) The Value Foundations of Post-Capitalism: from the "Mode of Possession" to

¹⁰ Деятельность по развитию частного сектора является одним из важных элементов стратегии воплощения ключевых идей социализма с китайской спецификой. Как было обозначено в докладе Председателя КПК Си Цзиньпина на 19-м Всекитайском съезде КПК в октябре 2017 г., необходимо «придерживаться новой концепции развития. [...] Нужно сохранять и совершенствовать основную экономическую систему и распределительную систему нашего социализма, без всяких колебаний укреплять и развивать общественный сектор экономики, без малейших колебаний поощрять, поддерживать и ориентировать развитие необщественного сектора, чтобы таким образом выявлять решающую роль рынка в распределении ресурсов и полнее раскрыть роль правительства» [Xi. 2020: 17].

- the Individualism of Self-Actualizing Personalities? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 78–90. (In Russ.)]
- Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: Рипол-Классик, 2021б. [Davydov D.A. (2021b) *Post-Capitalism and the Birth of the Personaliat*. Moscow: Ripol-Classic. (In Russ.)]
- СССР. Незавершенный проект / Под ред. А.В. Бузгалина, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2013. [Buzgalin A.V., Linke P. (eds) (2013) *USSR. Unfinished project*. Moscow: LENAND. (In Russ.)]
- 40 лет экономических реформ в КНР / Сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. [40 Years of Economic Reforms in PRC. (2020) Compiler P.B. Kamennov; ed. by A.V. Ostrovskij. Moscow: IDV RAN. (In Russ.)]
- Чэнь Х. Сорок лет экономических реформ в Китае: социальные результаты // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 81–90. [Chen K. (2019). Forty Years of Economic Reforms in China: Social Results. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 81–90. (In Russ.)]
- Drucker P.F. (1993) *Post-capitalist society*. 1st ed. New York, NY: HarperBusiness.
- Ma J., He X. (2018) The Chinese Communist Party's Integration Policy Towards Private Business and its Effectiveness: An analysis of the Ninth National Survey of Chinese Private Enterprises. *Chinese Journal of Sociology*. Vol. 4 (3): 422–449.
- Pena D.S. (2015) Comparing the Chinese Dream with the American Dream. *International Critical Thought*. Vol. 5 (3): 277–295.
- Seven Main Differences Between the China Dream and the American Dream. (2013) In: *US-China Perception Monitor*. April 28. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/771094.shtml>; URL: http://uscnpm.com/model_item.html?action=view&table=article&id=15813 (accessed 31.07.2022).
- Wen Tiejun. (2021) *Ten Crises. The Political Economy of China's Development (1949–2020)*. Singapore: Palgrave, Macmillan.

Статья поступила: 06.07.22. Финальная версия: 03.08.22. Принята к публикации: 05.08.22.

POST-CAPITALISM OR SOCIALISM?

CHEN Hong*, BARASHKOVA O.V.**,

*Hainan Normal University, China; **Lomonosov Moscow State University, Russia

Hong CHEN, PhD (Phil.), Prof. of the Institute of Marxism of the Hainan Normal University, Doctoral Research Supervisor, Haikou, China (yweich@163.com); Olga V. BARASHKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher of the Laboratory on Comparative Studies of Socio-Economic Systems at the Faculty of Economics, Senior Lecturer of the Center for Modern Marxist Studies of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (olga_barashkova@mail.ru).

Acknowledgements. This article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the CASS, project no. 21-511-93006. This article is an element of the key project of the National Social Science Foundation of China "Translation and research of the textbook "Political Economy" of the modern Russian neo-Marxist school" (21AKS023).

Abstract. The article gives a constructive criticism of a number of provisions put forward by D.A. Davydov regarding the trends in the formation of post-capitalist relations in modern society. The authors emphasize that the study of such relations will be incomplete if it does not include an analysis of the processes taking place in a number of countries that are following a different path than the leading countries with a capitalist economy. Appealing to the practices of the PRC and a number of other countries, the authors pay attention to the development of relations that form the values and motives of collective, solidarity activity for the benefit of society and may be qualified as real germs of socialism. This is typical not only for China, which is building socialism with Chinese characteristics, but also for countries that retain capitalist system, but at the same time are forced to turn to relations that are socialist in content in order to strengthen the economy and reduce social contradictions.

Keywords: post-capitalism, capitalism, socialism, socialism with Chinese characteristics, social development.

Received: 06.07.22. Final version: 03.08.22. Accepted: 05.08.22.

© 2022 г.

Д.Б. ЛИТВИНЦЕВ, Л.Б. МОЖЕЙКИНА, Л.А. ОСЬМУК

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛЮЗИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СЕКЛЮЗИЯ КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

ЛИТВИНЦЕВ Денис Борисович – кандидат социологических наук, ассистент (denlitv@inbox.ru); МОЖЕЙКИНА Людмила Борисовна – кандидат психологических наук, доцент (mozhejkina@corp.nstu.ru); ОСЬМУК Людмила Алексеевна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой (osmuk@corp.nstu.ru). Все – кафедра социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

Аннотация. В статье обсуждается феномен социальной реклюзии/секлюзии. На практиках добровольного и принудительного (под воздействием институтов или обстоятельств непреодолимой силы) социального отчуждения показано, что социальная реклюзия/секлюзия не всегда протекает в условиях социальной изоляции – количество и интенсивность социальных связей может снижаться, но не сводиться к нулю, что препятствует одиночеству. При этом социальное отчуждение может протекать в условиях физической изоляции – в реклюзории, которым в современном обществе нередко становится само жилище. В связи с этим отдельное внимание уделяется домашней реклюзии/секлюзии, склонность к которой наблюдается как у молодежи (подвальные жители в США, NEET в России и Европе, хикикомори в Японии), так и у пожилых людей и людей с ограниченными возможностями здоровья. Показаны различные факторы и фобии, связанные с нежеланием выходить из дома, а также возможные последствия домохозяйства, одним из которых является одинокая смерть без свидетелей.

Ключевые слова: социальное отчуждение • социальная реклюзия • социальная секлюзия • социальная изоляция • домохозяйство • одиночество • одинокая смерть

DOI: 10.31857/S013216250018711-5

Современный этап развития общества некоторые исследователи характеризуют как время для социальной изоляции, реклюзии и секлюзии [Tindale, 2020]. При этом реклюзивность может рассматриваться как свойство постгуманистического общества, несмотря на неизбежную «всепоподнадзорность» (М. Фуко) в современных социальных структурах [Callus, 2012]. Несмотря на то что понятия социальной реклюзии/секлюзии близки и фактически характеризуют различные формы социальной отчужденности (отстранённости), в российском социологическом дискурсе они практически не встречаются.

Цель статьи – актуализировать проблему домохозяйства (малоизученную в России) с акцентированием внимания на пожилых людях и людях с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Обсуждаются различия понятий социальной реклюзии и социальной секлюзии; предпринимается попытка структурировать различные социальные явления и процессы посредством описания данных понятий. Обосновывается необходимость более глубокого изучения этого феномена.

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект № С22-17.

Социальная реклюзия/секлюзия: практики отчуждения. В первом случае речь пойдет о добровольном выборе индивида жить отстраненно от социума (полностью или частично), во втором – о принуждении со стороны других социальных субъектов (индивидов, социальных групп, институтов) или обстоятельств непреодолимой силы.

Социальное отчуждение может рассматриваться как состояние индивида, не обязательно сопровождающееся социальной изоляцией. Так, например, застенчивость, нелюдимость и избегание социальных связей, будучи типами социального отчуждения [Coplan et al., 2018], могут рассматриваться как предпосылки перехода индивида в состояние социальной изоляции, при котором полностью разрываются социальные связи, в том числе с друзьями и близкими, членами семьи и т.п. Таким образом, социальная реклюзия/секлюзия как формы отчуждения необязательно протекают в условиях социальной изоляции в силу того, что социальные связи могут частично сохраняться и поддерживаться менее интенсивно, не всегда в этом случае наступает и одиночество.

Подобные рассуждения позволяют частично рассматривать социальную реклюзию/секлюзию как разновидность ретритизма по Р. Мертону. Однако данный подход имеет определенное ограничение. Индивид должен отказаться от институционально заданных целей и средств их реализации, для чего необходимо их усвоение в ходе социализации. В условиях длительной социальной реклюзии/секлюзии индивид может утратить социальный опыт (десоциализация), а значит его поведение как девиантное не будет в полной мере отвечать критериям ретритизма.

Социальная секлюзия может иметь как короткий (установленный формальными правилами или традициями), так и длительный срок (в случае обстоятельств непреодолимой силы), реже пожизненный. При этом период социальной реклюзии индивид зачастую определяет сам – от нескольких часов, дней до наступления определенных событий в его жизни или обществе в целом, которые, впрочем, могут так и не наступить.

Возможно выделение и социального субъекта, по отношению к которому рассматривается социальное отчуждение. Бойкот в рабочем коллективе отдельно взятому сотруднику может рассматриваться как социальная секлюзия внутри социально-профессиональной группы. Внутрисемейный конфликт может стать поводом для ребенка закрыться у себя в комнате и не впускать родителей – в данном случае можно рассматривать социальную реклюзию внутри домашней группы. Исследователи еврейской культуры в Литве первой половины XX в. усматривают возможность социальной реклюзии (противопоставляя ее социальному участию) целой этнической субкультуры по отношению к доминирующей культуре [Valiūnaitė, 2021]. Таким образом, социальная реклюзия/секлюзия может возникать как по отношению ко всему социуму (что преимущественно и рассматривается в настоящей статье), так и по отношению к социальным группам или социально-культурным институтам.

Исторически сформировавшиеся институты культуры во многих традиционных обществах принуждали представителей различных социальных групп к социальной секлюзии. Примеры институционального принуждения обнаруживаются в Австралии (социальная секлюзия девушек в период полового созревания более 40000 лет назад) [Arachige, 2012], на Филиппинах (социальная секлюзия высокородных женщин до замужества в доколониальных обществах с целью приобретения ими культурного престижа и повышения привлекательности для потенциальных женихов высокого класса) [Camacho, 2020], в Южно-Восточной Нигерии (среди народа Якё практиковалась социальная секлюзия женщин, вступающих в брак) [Forde, 1941]. При этом исследователи социальной секлюзии женщин в Нигерии в период 1905–1999 гг. отмечают влияние не только социально-культурных институтов, но и военных [Nzemeka, 2020]. Подобные примеры также демонстрируют, что социальная секлюзия как форма отчуждения не равнозначна социальной изоляции – женщины могли сохранять и поддерживать отдельные социальные контакты, например, с членами семьи.

К социальной секлюзии могут принуждать и религиозные институты – перед принятием сана священник может быть отправлен в отдаленный монастырь, чтобы провести

последние дни своего обучения в уединении. В то же время в мировых религиях существуют примеры и добровольного отшельничества. В Древней Руси пустынножителство как социальная реклюзия противопоставлялось общежителству, в основе чего лежат два противоположных принципа монашеского жизнеустройства – общение или уединение. При этом как форма духовной практики уединения в местах далеких от цивилизации социальная реклюзия принимает форму ретрита. И если ретриты зачастую практикуются на природе в открытых пространствах, то жизнь затворников нередко протекала в реклюзориях – небольших закрытых помещениях (возле церкви или на проезжей части), имеющих при этом связь с внешним миром посредством небольших окон. В этом смысле физическая изоляция не обязательно сопровождается полной социальной изоляцией.

В современном обществе к социальной секлюзии, сопряженной с физической изоляцией, могут подвергаться, например, нарушители установленного порядка в тюрьме или психически нездоровые, агрессивные пациенты в больнице путем перевода в одиночную камеру или палату [Allikmets et al., 2020]. В то же время находящиеся в общей палате стационара или камере для нескольких человек индивиды также могут быть склонны и к социальной реклюзии – в данном случае индивиды отказываются от коммуникативного взаимодействия с сокамерниками в условиях тюремной повседневности [Bettine, 2012]. В этом плане проявляется многомерность социальной реклюзии/секлюзии.

Социальной секлюзии могут подвергаться и учащиеся школ в ситуациях, когда их поведение представляет непосредственную и неминуемую угрозу физической безопасности учителей и одноклассников. Для таких целей также могут использоваться специальные помещения – комнаты для тайм-аута (аналогия с реклюзориями). Однако широкое применение подобных методов нередко приводит к их злоупотреблению по отношению к учащимся с ОВЗ [Barlett, Ellis, 2021]. Социальная секлюзия, сопряженная с физической изоляцией, – нередко единственный инструмент в борьбе с авиадебоширами, проявляющими недисциплинированное и деструктивное поведение в салоне самолета.

Подобные примеры показательны тем, что индивиды, подвергающиеся социальной секлюзии, не всегда оказываются в условиях социальной эксклюзии, – будучи физически изолированы, они институционально не исключены из социума, а как раз наоборот – зачастую включены в тотальные институты, по И. Гофману, имеющиеся в любом обществе.

Наравне с институтами к социальной секлюзии могут принуждать и обстоятельства непреодолимой силы. Индивид вследствие кораблекрушения, оказавшийся на необитаемом острове в условиях социальной/физической изоляции, может рассматриваться в дискурсе социальной секлюзии. Подобное отчуждение индивид не выбирал добровольно (в отличие, например, от М. Нагасаки, который провел 30 лет в одиночестве на японском острове Сотопанари), потому рассматриваемая ситуация не является социальной реклюзией. В то же время к его уединению не понуждали и социальные институты (как, например, в Золотой век пиратства за те или иные нарушения могли высадить члена команды с корабля на необитаемый остров). Таким образом, следствием форс-мажорных обстоятельств (кораблекрушение, авиакатастрофа и т.п.) может стать не институциональная социальная секлюзия.

Похищение и удержание человека в неволе – другой кейс социальной секлюзии не институционального характера. Несмотря на то что подобные случаи нередко становятся сюжетом для СМИ и художественных фильмов, случай австрийского жителя Й. Фритцеля («монстр Амштеттена») неоднократно являлся объектом различных исследований. Более 24 лет он насильно удерживал свою младшую дочь в подвале семейного дома тайне от семьи и органов правопорядка [Ehret, 2019]. Данный пример демонстрирует возможность чрезвычайно длительной социальной секлюзии, протекающей в условиях физической изоляции, но при этом с сохранением ограниченных социальных контактов – с родным отцом и впоследствии с 7 детьми от него. Примечательно, что именно дом (или его часть – подвал, отдельная комната и т.п.) становится единственным пространством

повседневности для индивидов, оказавшихся в силу криминальных обстоятельств в условиях социальной секлюзии.

Последствием длительной социальной реклюзии в условиях социальной изоляции может стать одиночество и в результате самоубийство (эгоистическое по Э. Дюркгейму) или так называемая одинокая смерть без свидетелей (данный социальный феномен на сегодняшний день получил широкую огласку в СМИ и активно исследуется в Японии).

Целесообразно обобщить и представить вышеприведенные рассуждения в таблице, отражающей логику анализа обстоятельств, условий и последствий социальной реклюзии и социальной секлюзии (табл.).

Наибольший интерес в условиях повышения домоцентричности современного общества (М. Кастельс) и активного старения населения представляет социальная реклюзия/секлюзия пожилых людей и людей с ОВЗ в домашних условиях (в которых они зачастую проводят большую часть времени). При этом степень социальной изоляции таких людей в стенах собственного жилища, очевидно, может варьироваться – от минимальной до тотальной. В последнем случае само жилище становится наравне с тюрьмой или домом престарелых тотальным социальным институтом, в котором контакты с обществом ограничены, а распорядок жизни формализован в данном случае в силу возрастных и физиологических ограничений (особенно у лежачих больных).

Таблица

Социальная реклюзия/секлюзия как формы социального отчуждения

Так, например, в Индии 79-летний мужчина предпочел социальную реклюзию в домашних условиях ввиду наличия у него гигантской ринофомы [Sharma et al., 2005], которая в большей степени ограничивала его не физически, а психологически, в силу негативного восприятия современным обществом различных физиологических недостатков у человека. Представляется, что в аналогичных обстоятельствах оказываются тысячи других людей с различными ОВЗ по всему миру. Рискуют оказаться в условиях социальной реклюзии и различные проблемные категории населения России, наиболее склонные к социальному отчуждению, – одинокие пожилые люди (преимущественно женщины), овдовевшие в пожилом возрасте мужчины, а также вступившие в пожилой возраст инвалиды с тяжелыми группами [Козырева, Смирнов, 2020].

Домашняя реклюзия/секлюзия. Домоседство – склонность, привычка проводить большую часть времени дома. Причем речь в данном случае может идти как про вынужденное домоседство (социальная секлюзия), так и добровольное (социальная реклюзия). Классический пример домашней реклюзии – литературный герой Обломов, образ которого в одноименном романе И.А. Гончарова противопоставляется образу странника в лице Штольца. При этом важно понимать, что домоседство как повседневная практика пожилых людей и людей с ОВЗ более ограничена в социально-культурном плане, нежели у молодых и/или здоровых людей.

Современным примером интеграции различных практик домоседства и странствования является социальный феномен караванинга – путешествия в домах на колесах или трейлерах, находясь в привычной для себя домашней обстановке, символические контуры которого, по Ж. Бодрийяру, очерчены домашними вещами и предметами интерьера. В этом плане караванинг может рассматриваться как добровольное домоседство, возведенное в абсолют и при этом не исключающее социальные связи. В то же время домоседство не всегда исключает желание странствовать у пожилых людей и людей с ОВЗ.

Домоседство как социальная реклюзия не всегда связано с социальной изоляцией. Человек, который тяжел на подъем и любит проводить свободное время дома, также может иметь друзей и постоянные контакты с социумом – общение в социальных сетях, покупки в интернет-магазинах и т.п.

Отдельный пример домоседства – женщины-домохозяйки, «жертвующие» собой во благо семьи. Очевидно, что социальную роль домохозяйки молодые женщины выбирают добровольно в силу тех или иных обстоятельств (например, рождения ребенка), в то время как женщины пожилого возраста или с ОВЗ домохозяйками становятся невольно – в силу своих возрастных и/или физиологических ограничений выполнять ту или иную работу вне дома. При этом, будучи домохозяйками, женщины зачастую не сужают, а, наоборот, расширяют круг общения за счет других членов новой для них социальной группы.

Примеры добровольного домоседства можно обнаружить не только в России. В США преимущественно совершеннолетних молодых людей, не желающих съезжать от своих родителей, не имеющих постоянной работы и проводящих большую часть времени в подвале жилого дома за компьютерными играми и т.п., называют подвальными жителями. Подобная домашняя реклюзия фактически не сопровождается социальной изоляцией, так как не исключает контакты с внешним миром, а скорее отражает некоторые проблемы социализации индивида и его инклюзии в американское общество.

В Европе молодые люди, сидящие дома в результате нежелания учиться и/или работать, все чаще идентифицируются как NEET (от англ. Not in Education, Employment or Training). По данным Всемирного банка и Международной организации труда, в 2016 г. в России 12,4% молодых людей можно было отнести к NEET¹. Учитывая различные негативные внешние и внутренние факторы, а также отдельные оценки экспертов,

¹ Share of youth not in education, employment or training // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.NEET.ZS> (дата обращения: 04.03.2021).

в настоящее время доля ничем не занятых молодых людей в России, сидящих дома, неизбежно возросла.

Другой пример домашней реклюзии у подростков – японские хикикомори. Рассматривая данный феномен как культурно-психологический, усматривается существенное влияние цифровизации современного общества, вызвавшей эпидемию одиночества [Войскунский, Солдатова, 2019]. Так называемые хикки стремятся полностью избежать реальных контактов с социумом, имея при этом на то разные причины. Феномен хикикомори, впервые описанный С. Тамаки [Tamaki, 2013], на сегодняшний день нередко рассматривается как нарастающая международная психосоциальная проблема.

Корейские исследователи выявили девять состояний у подростков, характеризующих социальную реклюзию: 1) борьба с миром (мятеж по Р. Мертону), 2) бегство от мира (ретритизм по Р. Мертону), 3) признание того, что в мире есть счастье, 4) стремление жить в мире (обществе), 5) начало коммуникаций в мире, 6) сожаление об упущенных вещах, 7) время понять себя, 8) время «присесть, чтобы взлететь выше», 9) начало «новых крыльев» (нового пути) [Lee, Kim, 2021]. Таким образом проявляется многогранность не только социальных ролей (домохозяйки, домашние бездельники и т.п.), но и непосредственно психологических аспектов.

Что подвальные жители в США, что европейские NEET или хикикомори в Японии стремятся к реклюзивному проживанию, в то время как пожилые люди и люди с ОВЗ в условиях нередко вынужденной социальной самоизоляции могут стремиться, наоборот, к возврату в социум (рассматривая соседство как временное состояние). И в этом случае цифровизация способствует социальной инклюзии таких людей в том числе посредством сетевых компьютерных игр. На сегодняшний день известно немало пожилых геймеров, которые стали популярны в YouTube и Twitch благодаря компьютерным играм, а также геймеров-инвалидов, которые во время прямых трансляций на стриминговых платформах демонстрируют свои умения в компьютерных играх не хуже здоровых людей.

Усиливают желание большую часть времени оставаться дома различные страхи и фобии в особенности у пожилых людей и людей с ОВЗ. С развитием городского жилища взаимосвязано возникновение и трансформация нескольких из них. Так, например, высотные дома, которые на сегодняшний день формируют облик большинства мегаполисов по всему миру, могут усиливать в жильцах боязнь высоты (акрофобию), а в самих горожанах – боязнь высотных зданий (доматофобию) [Литвинцев, Осьмук, 2020: 27]. Кроме того, агорафобия также способствует домашней реклюзии ввиду боязни посещать общественные места за пределами дома.

Боязнь окрестностей дома (эйкофобия) может быть вызвана объективными факторами – отсутствием безбарьерной среды для людей с ОВЗ, отсутствием условий для отдыха (например, лавочки возле подъезда) пожилых людей. Немаловажную роль играют природно-климатические факторы. В зимний период в условиях сильного снегопада или гололеда люди с различными ограничениями, связанными с возрастом и/или здоровьем, могут попросту не выйти из своего жилого или многоквартирного дома. Об этом ежегодно пишут российские СМИ, характеризуя таких людей «зимними затворниками».

При этом невозможность выйти из своего дома может быть связана не только с внешними, но и внутренними факторами. Чрезвычайная захламленность квартир индивидами, предпочитающими домашнюю реклюзию и при этом страдающими патологическим накопительством, приводит нередко к блокированию как проходов внутри квартиры, так и выходу из нее, что впоследствии приводит к невозможности выбраться из подобной ловушки без посторонней помощи [Litvintsev, 2020].

Представляется, что вынужденное соседство вследствие ограничений материально-технологической среды может рассматриваться в отдельных случаях как социальная секлюзия. Очевидно, что именно социальные институты (формальные правила и нормы строительства, благоустройства территории и т.п.) должны обеспечивать комфортное проживание пожилых людей и людей с ОВЗ вне своего жилища. Однако, например, те

же малоэтажные многоквартирные дома без лифта попросту не приспособлены для инвалидов-колясочников, которые зачастую не способны самостоятельно покинуть свою квартиру. Высокие крыльца с крутыми пандусами, отсутствие перил и т.п. существенно ограничивают их в передвижении и вынуждают остаться дома.

Отдельно целесообразно отметить социальную секюзию в домашних условиях в результате воздействия тотального института, предусматривающего социальную изоляцию и контроль повседневности, – это домашний арест как мера пресечения, предусмотренная формальными правилами (нормативно-правовыми актами). Домашний арест может сопровождаться запретом общаться с определенными лицами, а также пользоваться различными средствами связи, в связи с чем подобная социальная секюзия индивида может протекать в условиях как физической, так и социальной изоляции.

Одним из малоизученных последствий домашней реклюзии/секюзии пожилых людей и людей с ОВЗ в России является социальный феномен одинокой смерти без свидетелей. В Японии вследствие разобщенности современного общества количество людей, умерших в полном одиночестве и не вспоминаемых никем после смерти, резко возросло за последнее время. Среди основных причин одинокой смерти выделяются рост количества семей, состоящих из одного человека, рост бедности и числа людей, находящихся в социальной изоляции [Dahl, 2018]. Другой немаловажной причиной является низкий уровень соседства в городских условиях, что способствует социальной изоляции и одиночеству и в конечном счете может привести к одинокой смерти [Kato, Shinfuko, 2017].

Представляется, что вышеуказанные предпосылки одиноких смертей в Японии характерны и для России. При этом добрососедские отношения позволяют одиноким пожилым людям хранить дубликат ключа от квартиры у соседа по этажу (или подъезду) как раз на случай одинокой смерти. Подобные соседские практики существуют со времен советского общества, однако о самом феномене одинокой смерти в России заговорили лишь в последние годы. По всей видимости, это свидетельствует о росте количества одиноких смертей без свидетелей и/или их резонансности.

Российские СМИ стали регулярно освещать случаи одинокой смерти пожилых людей, тела которых годами лежат в своих квартирах². Наиболее громкий случай одинокой смерти в России, вызвавший широкий общественный резонанс после публикации в СМИ в 2019 г., стала история учительницы музыки из г. Брянска, которая умерла в 1995 г. в одиночестве и пролежала 13 лет незамеченной в своей квартире.

Исследователи кейсов, освещавшихся в крупных американских СМИ, отмечают, что в современном обществе не существует единого мнения насчет того, является ли одинокая смерть «хорошей» или «плохой». Тем не менее одинокая смерть – это не рядовое событие. Такая смерть имеет социокультурное значение для всего общества, члены которого должны относиться к ней с уважением и извлекать из подобных ситуаций уроки социальной жизни [Nelson-Becker, Victor, 2020].

Учитывая отсутствие официальной статистики по одинокой смертности в России, достаточно непросто определить масштаб проблемы. Тем не менее, анализируя результаты всероссийского исследования³, можно сделать определенные предположения. 25% россиян имеют пожилого родственника, живущего в одиночестве, – это примерно 7 млн человек (из 30 млн в возрасте старше 60 лет). Такие люди, как правило, не ведут активную социальную жизнь – после 60 лет они большую часть времени заняты домашними и бытовыми делами (70% опрошенных). При этом менее 50% пожилых людей имеют хобби, работают на даче и т.п., что исключает возможность социальной самоизоляции. Таким образом, рискуют умереть одинокой смертью в России несколько миллионов человек

² Мумии не возвращаются. Тела умерших одиноких людей годами лежат в квартирах // Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2009/11/19/mumii.html> (дата обращения: 04.03.2021).

³ В России более 7 миллионов одиноких пожилых людей // РГНКЦ. URL: https://rgnc.ru/images/pdf_documents/Opros_NAFI_2018.pdf (дата обращения: 04.03.2021).

ежегодно. Причем с возрастом риск увеличивается в силу того, что лишь 35% россиян старше 90 лет выходят из дома каждый день – «физической смерти всегда предшествует социальная смерть»⁴.

Не случайно большинство россиян (77%) считают, что помощь людям, оставшимся в одиночестве в пожилом возрасте, должны оказывать именно их родные и близкие, а не государственные службы (42%), друзья и соседи (21%) или волонтеры (17%). В этом смысле смерть – это не дело одинокое (как в одноименном романе Р. Брэдбери), и лучшей защитой от одиночества является семья. Подобный подход актуален, например, в Турции – в заботе о пожилых людях решающую роль играют члены семьи (при этом за пожилыми мужчинами чаще всего ухаживают их жены, дочери или невестки) [Kuroksu, Kabukcuoğlu, 2021]. В то же время решая проблему одиночества людей, большую часть времени не выходящих на улицу, необходимо удовлетворить их потребность в социальных контактах, включив это в работу медицинского персонала, психологов и социальных работников при уходе на дому [Tomstad et al., 2021]. В данном случае речь идет как об инклюзивности проживания пожилых людей и людей с ОВЗ в современном обществе [Литвинцев и др., 2021], так и об инклюзивности их смерти (одинокая смерть без свидетелей, очевидно, таковой не является).

Заключение. Исторически в различных традиционных обществах развивалась практика институционально обусловленного социального отчуждения (социальная секлюзия). Культурные, религиозные, военные и другие институты поддерживали релевантные практики отчуждения, преследуя цели поддержания социального порядка, характерного для того или иного общества. В условиях современности данные практики сохраняются, принимая уже новые формы в отношении социальных субъектов, которые продолжают поддерживать ограниченные социальные связи, что препятствует их изоляции и одиночеству. В то же время морфология социальной секлюзии не институционального характера (отчуждение вследствие обстоятельств непреодолимой силы) практически не изменилась – похищение человека с целью удержания его в неволе, катастрофа, приведшая к изоляции на необитаемом острове, имеют схожие социально-культурные последствия (десоциализация и др.) для социальных субъектов вне зависимости от рассматриваемого общества и периода его развития.

В отличие от социальной секлюзии, направленной на поддержание порядка и стабильности в социуме за счет институциональных механизмов, социальная реклюзия, наоборот, становится инструментом социального эскапизма и ретритизма нередко в стенах собственного дома (домашняя реклюзия), превращая его в реклюзорий. В силу многочисленных обстоятельств существование человека в четырех стенах становится социально типичным для современного общества, охваченного пандемией и вооруженными конфликтами. Подобные практики наблюдаются в большинстве стран мира как в молодежной среде, так и у пожилых людей, а также людей с ОВЗ. Одним из последствий домашней реклюзии становится одинокая смерть без свидетелей, о которой впервые публично заговорили в Японии. Данная проблема, малоизученная в России, вызывает все больше озабоченности у мирового сообщества.

Становится очевидным, что дальнейшее распространение практик социальной реклюзии и их габитуализация (опривычивание) будут способствовать именно деформации социальных институтов (например, института соседства), а не поддержанию социального порядка. Исходя из этого, добровольное социальное отчуждение различных поколенческих групп населения в России требует дальнейшего изучения и эмпирического подтверждения с учетом уже имеющихся результатов мировой социологии. Отдельного внимания в перспективе заслуживают сами эмпирические методы исследования и измерения социальной реклюзии/секлюзии, включая домашнюю. Однако изучение подобных закрытых социальных групп связано с проблемой доступности самих респондентов-домоседов, зачастую не идущих на контакт с исследователями.

⁴ Люди-невидимки: социолог о том, как живут пожилые в России // Русская служба BBC News. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-40963315> (дата обращения: 03.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Войскунский А.Е., Солдатова Г.У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3 (105). С. 22–43. [Voiskounsky A.E., Soldatova G.U. (2019) Epidemic of Loneliness in a Digital Society: Hikikomori as a Cultural and Psychological Phenomenon. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. Vol. 27. No. 3: 22–43. (In Russ.)] DOI: 10.17759/cpp.2019270303.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности возрастной структуры одиночества // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 56–69. [Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2020) Loneliness: Age Features. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 9: 56–69. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250009617-1.
- Литвинцев Д.Б., Осмук Л.А. Вертикальное измерение города: психосоциальные аспекты проживания в высотных многоквартирных домах // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6. С. 26–30. [Litvintsev D.B., Osmuk L.A. (2020) Vertical Dimension to the City: Psychosocial Aspects of Living in High-rise Apartment Buildings. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. No. 6: 26–30. (In Russ.)] DOI: 0.24158/spp.2020.6.3.
- Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Дегтярева В.В. Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 84–92. [Litvintsev D.B., Mozheykina L.B., Degtyareva V.V. (2021) Inclusive Living in Russia as an Aspect of the Multidimensionality of Social Inclusion. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 468: 84–92. (In Russ.)] DOI: 10.17223/15617793/468/10.
- Allikmets S., Marshall C., Murad O., Gupta K. (2020) Seclusion: A Patient Perspective. *Issues in Mental Health Nursing*. Vol. 41. Iss. 8: 723–735. DOI: 10.1080/01612840.2019.1710005.
- Arachige D. (2012) Antiquity of Secluding Girls at Puberty. *SSRN Electronic Journal*. 9. DOI: 10.2139/ssrn.2173172.
- Barlett N.A., Ellis T.F. (2021) Physical Restraint, Seclusion, and Time-Out Rooms in Canadian Schools: Analysis of a Policy Patchwork. *Canadian Journal of Educational Administration and Policy*. Iss. 195: 31–48. DOI: 10.7202/1075671ar.
- Bettine M.A. (2019) *Habermasian Approach of the Issues of Reclusion*. English Ed. Amazon.
- Callus I. (2012) Reclusiveness and Posthumanist Subjectivity. *Subjectivity*. Vol. 5. Iss. 3: 290–311.
- Camacho M.S. (2020) Binukot and Recogimiento: Enduring and Changing Meanings of the Seclusion of Women in the Philippines. In: Gommans J., Lopez A. (eds) *Philippine Confluence: Iberian, Chinese and Islamic Currents*. Leiden: Leiden University Press.
- Coplan R.J., Ooi L.L., Xiao B., Rose-Krasnor L. (2018) Assessment and Implications of Social Withdrawal in Early Childhood: A First Look at Social Avoidance. *Social Development*. Vol. 27. Iss. 1: 125–139. DOI: 10.1111/sode.12258.
- Dahl N. (2020) Governing through Kodokushi. Japan's Lonely Deaths and Their Impact on Community Self-Government. *Contemporary Japan*. Vol. 32. Iss. 1: 83–102. DOI: 10.1080/18692729.2019.1680512.
- Ehret K. (2019) Josef Fritzl. In: Frey D. (ed.) *Psychologie des Guten und Bösen*. Berlin, Heidelberg: Springer: 347–358. DOI: 10.1007/978-3-662-58742-3_27.
- Forde D. (1941) Seclusion of the Bride in Marriage and the Family Among the Yakö in South-Eastern Nigeria. London: Routledge.
- Kato T., Shinfuku N., Sartorius N., Kanba Sh. (2017) Loneliness and Single-Person Households: Issues of Kodokushi and Hikikomori in Japan. In: Okkels N., Kristiansen C., Munk-Jørgensen P. (eds) *Mental Health and Illness in the City*. Singapore: Springer: 205–219. DOI: 10.1007/978-981-10-2327-9_9.
- Korukcu O., Kabukcuoğlu K. (2021) Health Promotion Among Home-Dwelling Elderly Individuals in Turkey. In: Haugan G., Eriksson M. (eds) *Health Promotion in Health Care – Vital Theories and Research*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-63135-2_22.
- Lee J., Kim Y. (2021) A Phenomenological Study on the Reclusion Experience of Adolescents with Reclusive Loner Experience. *Korean Journal of Child Psychotherapy*. Vol. 16 (2): 61–91. DOI: 10.23931/kapc.2021.16.2.61.
- Litvintsev D.B. (2020) Social and Legal Prerequisites for Hoarding by Condo Residents in Russia. IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Vol. 953: *13 International Scientific Conference Architecture and Construction*, Novosibirsk, 22–24 Sept. 2020. Art. 012059. DOI: 10.1088/1757-899X/953/1/012059.
- Nelson-Becker H., Victor Ch. (2020) Dying alone and lonely dying: Media discourse and pandemic conditions. *Journal of Aging Studies*. Vol. 55. Art. 100878. DOI: 10.1016/j.jaging.2020.100878.

- Nzemeka J.A. Military Culture and Social Change on Women Seclusion in Lagos Barracks, Nigeria, 1905–1999 (2020). *AIPGG Journal of Humanities and Peace Studies*. DOI: 10.2139/ssrn.3710569.
- Sharma R., Ramana Y., Makkar S., Nanda V. (2005) Giant rhinophyma: Managing a social recluse. *Plastic and Reconstructive Surgery*. Vol. 115. Iss. 7: 2146–2148. DOI: 10.1097/01.PRS.0000165468.40201.FD.
- Tamaki S. (2013) *Hikikomori: Adolescence without End*. Transl. from Japan by J. Angles. Univ of Minnesota Press; Illustrated edition.
- Tindale C.W. (2020) The Moral Sense in the Time of the Recluse. *Philosophy & Rhetoric*. Vol. 53. No. 3: 326–331. DOI: 10.5325/philrhet.53.3.0326.
- Tomstad S., Sundsli K., Saevareid H., Söderhamn U. (2021) Loneliness Among Older Home-Dwelling Persons: A Challenge for Home Care Nurses. *Journal of Multidisciplinary Healthcare*. Vol. 14: 435–445. DOI: 10.2147/JMDH.S298548.
- Valiūnaitė S. (2021). Jewish Culture in the First Half of the 20th Century in Vilnius. Participant or Recluse? *Istorija [History]*. Vol. 122. No. 2: 30–47. DOI: 10.15823/istorija.2021.122.2.

Статья поступила: 22.04.21. Финальная версия: 07.02.22. Принята к публикации: 29.07.22.

SOCIAL RECLUSION AND SOCIAL SECLUSION AS FORMS OF SOCIAL WITHDRAWAL: TO THE PROBLEM STATEMENT

LITVINTSEV D.B.*, MOZHEIKINA L.B.*, OSMUK L.A.*

*Novosibirsk State Technical University, Russia

Denis B. LITVINTSEV, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Assistant (denlitv@inbox.ru); Lyudmila B. MOZHEYKINA, *Cand. Sci. (Psych.)*, Assoc. Prof. (mozhejkina@corp.nstu.ru); Lyudmila A. OSMUK, *Dr. Sci. (Sociol.)*, Prof., Head of the Department (osmuk@corp.nstu.ru). All – Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the NSTV development program, project No. C22-17.

Abstract. The article presents the author's interpretation of the relatively new for Russian sociology "social reclusion" and "social seclusion" concepts, in the discourse of which an analysis of some historical and modern practices of voluntary and forced (under the influence of institutions or force majeure circumstances) social withdrawal was carried out. The study notes that social reclusion/seclusion doesn't always occur in conditions of social isolation – the number and intensity of social ties can decrease, but not be reduced to zero, which prevents loneliness. At the same time, social withdrawal can take place in conditions of physical isolation – in a reclusorium, which in modern society often becomes the dwelling itself. In this regard, special attention is paid to home reclusion/seclusion, a tendency to which is observed both in adolescents (basement dwellers in the USA, NEET in Europe, hikikomori in Japan), and vice versa in the elderly and people with disabilities. Various factors and phobias associated with the reluctance to leave the house are analyzed, as well as the possible consequences of staying at home, one of which is a lonely death without witnesses. In conclusion, a number of hypotheses are put forward, as well as problems and prospects for research on home reclusion.

Keywords: social withdrawal, social reclusion, social seclusion, social isolation, stay-at-home, loneliness, lonely death.

Received: 22.04.21. Final version: 07.02.22. Accepted: 29.07.22.

© 2022 г.

А.Ю. ЧЕПУРЕНКО

РОССИЙСКИЙ МАЛЫЙ БИЗНЕС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2022 г.: МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

ЧЕПУРЕНКО Александр Юльевич – доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (chepurenko@mail.ru).

Аннотация. В статье на материалах третьей и четвертой волн лонгитюда малого бизнеса «Института фонда "Общественное мнение"» (февраль и май 2022 г.) проанализированы стратегии поведения субъектов малого предпринимательства в условиях постепенного ослабления пандемии COVID-19 и реагирования на шоковые изменения в экономике в связи с известными событиями. Сделаны следующие выводы: во-первых, резкого ухудшения самочувствия между февралем и маем 2022 г. не произошло; во-вторых, оценка общеэкономической ситуации со стороны субъектов малого предпринимательства не стала (пока) более негативной; в-третьих, малый бизнес начал адаптацию к происходящим изменениям; в-четвертых, треть респондентов не знают о мерах государственной поддержки, более трети не считают, что она будет эффективна для их бизнеса.

Ключевые слова: малое предпринимательство • стратегии • пандемия COVID-19 • санкции • Россия • лонгитюд

DOI: 10.31857/S013216250020723-8

После двух лет серьезных проблем, вызванных внешними ограничениями, связанными с пандемией COVID-19, российское малое предпринимательство весной 2022 г. опять оказалось в сложной ситуации, наступления которой также никто не предвидел – как и остроты тех шоковых изменений, которые в течение нескольких недель произошли в международной логистике и цепях поставок, денежном обращении, виртуальной среде и завязанных на нее бизнес-моделях.

Изменения, происходящие в контексте конфликта вокруг Украины, отчасти заставляют вспомнить уроки недавнего прошлого, но их влияние на поведение субъектов малого предпринимательства по понятным причинам пока не изучено. В этом смысле лонгитюдное исследование «Института фонда "Общественное мнение"» в рамках проекта «Социология малого бизнеса» (СМБиз) создает эмпирическую базу для соответствующих наблюдений и выводов. Исследование было начато в июле 2021 г., основой для проведения опросов предпринимателей является панель малого бизнеса (ПМБ) ФОМ. По состоянию на июль 2021 г. панель включала в себя свыше 3155 представителей малого бизнеса – лиц, ответивших, что они являются предпринимателями, давшими согласие на участие в последующих исследованиях ФОМ и заполнивших паспорт участника панели со сведениями о предпринимателе и его бизнесе. На основе ПМБ была сделана случайная

Автор благодарит ФОМ за предоставленные данные и исходный анализ базы данных по ряду аспектов рассматриваемой темы.

выборка для рекрутинга участников лонгитюда малого бизнеса (далее – лонг-респондентов) размером 1200 чел. Из нее в июне – июле 2021 г. рекрутировано 768 лонг-респондентов, согласившихся на участие в ежеквартальных исследованиях. Первая волна была проведена в июле – августе 2021 г. ($N = 679$). Опрос проводился методом телефонного формализованного интервью или онлайн-опроса по выбору респондента.

Исходная структура панели лонгитюда такова: 76% мужчин и 24% женщин; 35% зарегистрированных как юридические лица (ООО и пр.) и 64% – как индивидуальные предприниматели (ИП); 74% – микропредприятия, 8% – малые и 1% – средние предприятия, 16% не вошли в какую-либо группу, так как респонденты отказались отвечать на вопрос о доходе; 6% предпринимателей в возрасте от 18 до 30 лет, 48% – в возрасте от 21 до 45 лет, 36% – в возрасте от 46 до 60 лет и 10% – старше 60 лет; 30% проживают в городах с населением более 1 млн жителей, 26% – в городах с населением от 250 тыс. до 1 млн – 18% – в городах с населением от 50 до 250 тыс., 11% – в городах с населением менее 50 тыс. и поселках городского типа, еще 15% – в селах; 6% имеют среднее общее образование и ниже, 19% – среднее специальное, 9% – неоконченное высшее и 67% – высшее образование и выше. Примечательно, что около 40% участников панели, исходя из самооценки мотивов занятия предпринимательством, могут быть охарактеризованы как вынужденные предприниматели, т.е. занимаются бизнесом в силу отсутствия возможности для занятости по найму.

Анализ будет построен на основе третьей и четвертой волн. Третья волна лонгитюда пришлась на период зимней вспышки пандемии (январь – февраль 2022 г.), когда в России на фоне высокой заболеваемости не предпринималось жестких ограничений для работы бизнеса, четвертая волна – на май 2022 г., когда шоковое изменение внешних условий деятельности МСП уже начало осознаваться большинством населения и бизнеса как долговременное, которое будет определять макроэкономическую и политическую ситуацию в стране длительное время. В ответах на вопросы анкеты в третьей волне под текущим кварталом понимался 1-й квартал 2022 г., в четвертой волне – 2-й квартал 2022 г. соответственно. Число участников третьей волны составило 707 чел., участников четвертой волны – 735 чел. (ряд участников лонгитюда оказываются недоступными на момент проведения соответствующей волны).

Приступая к анализу данных, мы опирались на результаты ряда экспресс-опросов малого бизнеса, проведенных в рассматриваемый период различными службами¹, а также на экспертные оценки изменений, происходящих в экономике России в контексте ситуации вокруг Украины и нарастающих санкций против российской экономики. Мы предполагали, что, во-первых, бизнес уже ощутил давление с разных сторон на сложившуюся бизнес-модель, а потому оценка респондентами финансово-экономического состояния собственного бизнеса, только успешного адаптироваться к пандемии, серьезно ухудшится между третьей и четвертой волнами лонгитюда. Во-вторых, более негативной станет и оценка общеэкономической ситуации со стороны субъектов малого предпринимательства. В-третьих, малый бизнес начнет активные попытки адаптации к происходящим изменениям. В-четвертых, учитывая, что в период пандемии государство оказало малому бизнесу гораздо более действенную и широкую поддержку, чем это было в предшествующие периоды (см.: [Чепуренко и др., 2021]), мы ожидали, что в ответах на вопросы четвертой волны лонгитюда будет выражен достаточно четкий запрос на соответствующую политику государства и дана позитивная оценка предпринимаемым мерам.

¹ См.: Гордеев В. Больше половины бизнеса выступило за «новую экономическую модель». URL: https://www.rbc.ru/business/31/05/2022/6294fe029a7947e23cf78c9d?from=materials_on_subject; Кузнецова Е. Бизнес-тревожность достигла 87%: IFORS Research выяснила ключевые опасения предпринимателей. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/16/62a898a29a7947d93cd33c95>; Малый и средний бизнес адаптируется к новым условиям ведения деятельности. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5358003> (дата обращения: 04.08.22).

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Какое из этих трёх слов лучше всего характеризует вашу бизнес-стратегию в прошлом квартале: выживание, сохранение или рост?»
(в % от опрошенных)

Этап	Выживание	Сохранение	Рост
3-я волна	30	54	15
4-я волна	35	55	10

Данные, полученные в ходе лонгитюда, как представляется, частично подтверждают только третью гипотезу. Прежде всего, сильных изменений в стратегиях субъектов МСП (во всяком случае, пока) не произошло (см. табл. 1).

Практически не изменилась доля тех, кто ориентирован на сохранение бизнеса, причем она доминирует, составляя больше половины. Ожидаемо сократилась в полтора раза доля ориентирующихся на развитие. В России к началу лета 2022 г. меньше стало малых бизнесов, которые предполагали вложения в развитие бизнеса, наём персонала, увеличение предложения своей продукции и услуг; и наоборот, выросла доля тех владельцев малого бизнеса, которые будут сокращать свой вклад в макроэкономические показатели, включая и занятость.

Почему произошли такие изменения? Малый бизнес обычно ориентируется на два основных показателя при выстраивании своих стратегий – это изменение собственных финансово-экономических результатов и оценка изменений в экономической среде. Логично предположить, что второе сильно коррелирует с первым.

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Скажите, пожалуйста, доход от вашего бизнеса в прошлом квартале был выше, ниже или примерно таким же, как в предыдущем квартале?»
(в % от опрошенных)

Этап	Выше	Ниже	Примерно такой же
3-я волна	24	44	31
4-я волна	15	33	50

В третьей волне, по сравнению с четвертой, значительно большей была группа малых предпринимателей с положительной динамикой дохода (табл. 2). Но и доля тех, у кого доход снизился, также была выше. Иначе говоря, расслоение малого бизнеса по динамике финансово-экономических результатов было более высоким, чем в четвертой волне. Зато в ходе четвертой волны значительно выросла, достигнув половины, доля тех, кто отметили сохранение текущего уровня финансово-экономической результативности бизнеса. Этот результат совпадает с динамикой оценки условий для ведения хозяйственной деятельности как не изменившихся (см. табл. 3).

Таблица 3

Ответы на вопрос: «В прошлом квартале условия для ведения вашего бизнеса улучшились, ухудшились, не изменились?»
(в % от опрошенных)

Этап	Улучшились	Ухудшились	Не изменились
3-я волна	8	62	30
4-я волна	8	41	51

На фоне снижения расслоения малого бизнеса по динамике доходов не удивляет то обстоятельство, что доля пессимистов между третьей и четвертой волнами резко сократилась – с 62 до 41% и столь же заметно – с 30 до 51% – выросла доля тех, кто расценивает внешние условия как не изменившиеся. Это при том, что в марте – апреле 2022 г. стремительно обрушились технологические цепочки, резко затруднилась логистика, с трудом стали проходить платежи между Россией и зарубежными поставщиками.

Возможно, отчасти такие результаты объясняются тем, что в целом текущего дохода оказалось достаточно для покрытия прямых расходов, т.е. для сохранения бизнеса. Так, в третьей волне соотношение тех, кто считает, что в прошлом квартале доход оказался достаточным или недостаточным для покрытия прямых расходов своего бизнеса, составляло соответственно 71 и 27%, а в четвертой – 66 и 32%.

Важную роль играют также ожидания малых предпринимателей. Несмотря на ситуацию, связанную с разрывами хозяйственных связей, ожидания респондентов в мае 2022 г. оказались лучше, чем в феврале (табл. 4).

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Как вы думаете, текущий квартал для вашего бизнеса будет лучше, хуже или примерно таким же, как прошлый квартал?»
(в % от опрошенных)

Период	Лучше	Хуже	Примерно таким же, как прошлый квартал
3-я волна	21	41	33
4-я волна	30	36	28

Пандемию в литературе некоторые рассматривают как поле новых возможностей для малого бизнеса [Beliaeva et al., 2020; Davidsson et al., 2020; Eggers, 2020; Scheidgen et al., 2021]. В ситуации шоковых изменений внешнеэкономических условий после 24 февраля 2022 г. диверсификации направлений деятельности пока не фиксируется. По-прежнему менее 1/5 малых предпринимателей начали под влиянием шоковых изменений во внешней среде срочно диверсифицировать направления своей деятельности (16% в третьей и 18% ответивших в четвертой волне сообщили, что в прошлом квартале в их бизнесе появились новые виды деятельности, соответственно 84 и 82% ответили на этот вопрос отрицательно). Вероятно, должны сложиться новые правила игры, а также появиться ресурсы для реализации такой стратегии – в частности, заемные средства. Здесь значимых изменений не произошло. Доля респондентов, привлекавших внешнее финансирование, незначительно сократилась; по-прежнему порядка трех четвертей малых предпринимателей не пользуются заемными средствами (72% в третьей и 76% в четвертой волнах). Соответственно, у большинства из них просто нет ресурсов для сколько-нибудь быстрой перестройки и подключения к новым направлениям деятельности. Кроме того, очевидно, определенную роль играет и то, что в составе участников панели довольно высока доля вынужденных предпринимателей, которые довольно устойчивы к негативным изменениям, но не склонны к изменению или расширению сфер деятельности за пределы давно и сравнительно хорошо ими освоенных.

Отчасти склонность к быстрым изменениям может быть связана с состоянием рынков, и прежде всего с динамикой спроса.

Таблица 5

Ответы на вопрос: «Спрос на продукцию, услуги вашего бизнеса в прошлом квартале вырос, снизился или не изменился?»
(в % от опрошенных)

Этап	Вырос	Снизился	Не изменился
3-я волна	21	48	30
4-я волна	16	36	46

Кажется, что ситуация (пока?) не требует быстрых решений по изменению профиля деятельности бизнеса респондентов, поскольку спрос вырос или не изменился примерно у 60% респондентов как в третьей, так и в четвертой волне лонгитюда (табл. 5). При этом не произошло никаких изменений в составе основных клиентов малого бизнеса (табл. 6).

Физические лица составляют значимую группу клиентов, но почти не уступают им по значимости бизнес-организации, т.е. бизнес части респондентов плотно встроен в цепочки создания стоимости более крупного бизнеса, а примерно четверть имеет также значимые

Таблица 6

Ответы на вопрос: «На кого преимущественно ориентировано ваше предприятие, кто ваши потребители – физические лица, бизнес или государственные организации?»*
(в % от опрошенных)

Этап	Физические лица	Бизнес	Государственные организации
3-я волна	62	59	25
4-я волна	63	59	27

Примечание. *Предполагалось любое число ответов.

связи с государственными организациями (через систему госзаказа, госзакупок, прямые договоры и т.п.). Таким образом, неверно было бы полагать, что основные проблемы – и возможные решения – связаны с платёжеспособным спросом населения; финансово-экономическое состояние и уровень спроса со стороны крупного бизнеса и государственных структур значимы для самочувствия малого бизнеса.

Особый интерес представляют ответы респондентов на вопросы четвертой волны, связанные с оценкой влияния санкций на состояние их бизнеса, а также с оценкой мер, принимаемых государством для смягчения шоков. В целом санкции оказали то или иное воздействие на бизнес 73% респондентов, не оказали – 25% (2% затруднились оценить влияние санкций). В то же время влияние это было разным. Отвечая на вопрос, зависит ли их бизнес от поставок материалов, сырья, товаров, технологий из стран, которые ввели санкции против России, 34% ответили, что не зависит, 13% – что зависит, но есть возможность полностью перейти на российские либо иные доступные аналоги, 29% – что зависит, но есть возможность лишь частично перейти на российские либо иные доступные аналоги, а 20% – что зависит и нет возможности такого перехода, еще 4% ушли от ответа. Таким образом, для одной пятой опрошенных ситуация означает необходимость либо закрываться, либо перепрофилироваться на другие виды деятельности, не столь критично зависящие от поставок материалов, сырья, товаров, технологий из стран, которые ввели санкции против России; еще почти треть находятся в состоянии поиска частичного замещения российскими либо альтернативными поставками с зарубежных рынков (видимо, включая и параллельный импорт).

Чуть менее половины респондентов не испытывают в этой ситуации экзистенциальной угрозы для бизнеса. Однако 26% ответили, что не исключают в ближайшее время возможности закрытия своего бизнеса. Это – важные результаты, свидетельствующие о том, что баланс между устойчивостью и хрупкостью [Ослон и др., 2022] весьма подвижен.

Сколько-нибудь положительных последствий от введения санкций – перестройки структуры экономики, открытия новых ниш для бизнеса и т.п. – ожидают 32% респондентов, тогда как более половины (53%) не предполагают положительных последствий от санкций. Тем не менее в его организации почти две трети респондентов (64%) ожидают изменений, тогда как 36% считают, что смогут вести бизнес точно так же, как раньше.

В новой ситуации, по-видимому, помощь государства могла бы позволить быстрее справиться с внешними шоками. Между тем более чем трети респондентов (35%) вообще не интересуются этим вопросом – ведь меры по поддержке широко освещаются на специальных порталах для малого бизнеса и обсуждаются в социальных сетях. При этом 36% предпринимателей считают, что предпринятые государством меры будут бесполезны для их бизнеса, и лишь 18% – что они будут полезны. При этом доля затруднившихся с ответом высока – 46%. Обращаться за какими-либо мерами поддержки собираются в ближайшее время всего 13%, ещё 43% делать это не собираются. И опять – 44% затруднились определить свою позицию по данному вопросу. Возможно, респонденты либо не вдумываются в предлагаемые меры поддержки, либо предложенные меры не адресованы их бизнесу, либо не доверяют государству, либо не хотят разговаривать на эту тему.

Итак, первичный анализ изменений в поведении и настроениях субъектов малого предпринимательства на основе данных третьей и четвертой волн лонгитюда ФОМ позволяет заключить, что резкого обвала в секторе – во всяком случае, на конец весны 2022 г. – не произошло. Не видно обвальных негативных изменений в оценке как изменения состояния собственного бизнеса, так и динамики общих экономических условий. Это может означать как то, что эффект закрытия российской экономики и разрыва технологических цепочек пока купируется накопленными запасами и заказами, так и то, что на самом деле ситуация и до этого была отнюдь не благополучной.

Два очевидных эффекта нового «черного лебедя» – снижение разрыва между успешными и неуспешными, или перемещение значительной части участвующих в лонгитюде предпринимателей в группу стремящихся сохранить прежние позиции, а также то обстоятельство, что не менее 20% малого бизнеса критически затронуты санкционными мерами и две трети респондентов в ближайшем будущем будут вынуждены менять что-то в организации собственного дела. В этом смысле санкции против российской экономики становятся мефистофелевской силой, что «вечно хочет зла, и вечно совершает благо».

Настораживает пессимизм в отношении эффективности государственной поддержки малого предпринимательства. Судя по всему, либо реализуемые меры не воспринимаются как действительно полезные, либо даже кратное увеличение бенефициаров разных форм государственной поддержки в период пандемии (см.: [Чепуренко и др., 2021]) не смогло растопить лед недоверия между малым бизнесом и государством.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение факторов личного характера, а также характеристик самого бизнеса, которые могут влиять на адаптационные возможности и стратегии малых предпринимателей, – таких как различная мотивация к ведению бизнеса, особенности человеческого и социального капитала предпринимателя, структура клиентов, вид деятельности, численность занятых и др. Предварительные расчеты данных волн лонгитюда показывают, во всяком случае, что факторы гендерной принадлежности владельца и возраста самого бизнеса (нарастающий, молодой, устоявшийся бизнес) никакой роли в выборе стратегии адаптации российского малого бизнеса к внешним шокам не играют. По-видимому, нужен дополнительно анализ влияния так называемых переменных восприятия (самооценка способностей и возможностей к ведению бизнеса, оценка нынешнего положения в экономике, ожидания в отношении изменений) – возможно, с использованием смешанных техник анализа, т.е. дополнения данных лонгитюда материалами фокус-групп с предпринимателями – лидерами мнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Ослон А.А., Никифорова Е.А. и др. На пути к антихрупкости. Как компании переживают коронавирус. М.: инФОМ, 2022. [Oslon A.A., Nikiforova E.A. et al. (2022) *On the way to antifragility. How Companies Are Coping with the Coronavirus*. Moscow: inFOM. (In Russ.)]
- Чепуренко А.Ю., Галицкий Е.Б. и др. Государственная политика в отношении малого предпринимательства в период пандемии в оценках бенефициаров // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 4. С. 66–89. [Chepurenko A.Y., Galitskiy E.B. et al. (2021) Government policy on small business during the pandemic in beneficiary assessments. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues]. No. 4: 66–89. (In Russ.)]
- Beliaeva T., Shirokova G. et al. (2020) Benefiting from economic crisis? Strategic orientation effects, trade-offs, and configurations with resource availability on SME performance. *International Entrepreneurship and Management Journal*. Vol. 16: 165–194.
- Davidsson P., Recker J., von Briel F. (2020) External enablement of new venture creation: A framework. *Academy of Management Perspectives*. Vol. 34(3): 311–332.
- Eggers F. (2020) Masters of disasters? Challenges and opportunities for SMEs in times of crisis. *Journal of Business Research*. Vol. 116: 199–208.
- Scheidgen K., Gümüşay A.A. et al. (2021) Crises and entrepreneurial opportunities: Digital social innovation in response to physical distancing. *Journal of Business Venturing Insights*. 15: e00222.

**RUSSIAN SMALL BUSINESS IN THE FIRST HALF OF 2022:
BETWEEN SCYLLA AND CHARYBDIS****CHEPURENKO A.Yu.**

National Research University "Higher School of Economics", Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexander Yu. CHEPURENKO, Dr. Sci. (Econ.), Prof., National Research University "Higher School of Economics"; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (chepurenko@mail.ru).

Abstract. The article analyzes on the basis of two waves of the small business longitudinal study of the Institute "Public Opinion Fund" (February and May 2022) the strategies of behavior of small businesses in the context of the gradual lowering of the effects of the pandemic and the sudden shock changes in the economy which began after the beginning of sanctions undertaken by a number of countries in connection with certain circumstances. The main conclusions: first, there was no sharp deterioration in well-being between February and May 2022; secondly, the assessment of the general economic situation on the part of small businesses has not become (yet) more negative; third, small businesses have begun to adapt to the changes that are taking place; fourth, almost half of the respondents do not think about the support measures proposed by the state (because they do not believe in the possibility of receiving assistance, or in its effectiveness, or simply do not trust the state and do not want to talk about this topic).

Keywords: small entrepreneurship, strategies, pandemic, sanctions, Russia, longitudinal survey.

Received: 28.06.22. Accepted: 19.08.22.

Ф.А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ, Е.А. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ОБ УРОВНЕ ВИКТИМНОСТИ РОССИЯН

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Федор Александрович – исследователь, Открытая исследовательская лаборатория Центра изучения России, Восточной Европы и Евразии Университета Иллинойса, США (voskresensky@mail.ru); ВОСКРЕСЕНСКАЯ Екатерина Александровна – кандидат физико-математических наук, аналитик, ООО «Смартдек», Москва, Россия (voskresenskaya@smartdec.ru).

Аннотация. Рассмотрены результаты общероссийского телефонного опроса по репрезентативной выборке, проведенного в 2018 г. Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге (N = 16818). Выявленный уровень виктимности (17,8% за последние 5 лет перед опросом, 7,6% в год) – доля россиян, пострадавших, по их мнению, от различных преступлений, – оказался ниже, чем в Западной Европе, хотя и превышающим в несколько раз ведомственную статистику зарегистрированных преступлений. При этом лишь примерно половина потерпевших обратилась в правоохранительные органы, менее чем по четверти случаев было возбуждено уголовное или административное дело, и только по 7,6% случаев дело направлено в суд. Лишь 6% потерпевших получили материальную компенсацию, причем 2/3 из них получили ее без судебного разбирательства. Число лиц, сумевших получить материальную компенсацию и добиться наказания виновных, значительно меньше количества респондентов, обратившихся в правоохранительные органы, признанных потерпевшими, дела которых были направлены в суд.

Ключевые слова: преступность • виктимность • институциональное доверие • защита граждан от преступности

DOI: 10.31857/S013216250019757-5

Всероссийский виктимизационный опрос проводился в 2018 г. Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге¹ с использованием технологии CATI (Computer Assisted Telephone Interview – телефонное интервью, в ходе которого оператору помогает специальное программное обеспечение) на основании простой случайной выборки телефонных номеров. Структура выборки воспроизводила структуру населения по основным демографическим параметрам. Было опрошено 16818 респондентов, из которых 3001 человек, по их собственной оценке, имели виктимный опыт в течение последних 5-ти лет. Организаторами опроса изложены его методологические принципы и основные содержательные результаты [Веркеев, Волков и др., 2019; Кнорре, Титаев, 2018: 24–28]. В силу комплексности и уникальности опроса его материалы дают важную информацию о современном состоянии защиты россиян от преступности.

Метод, при котором респондент-жертва самостоятельно оценивает криминологические характеристики совершенного в отношении него криминального деяния, считается относительно надежным источником релевантной информации о преступности. Одной из целей использования такого метода является сравнение реального уровня преступности со статистикой правоохранительных органов, куда не попадает латентная преступность [Van Dijk, 2015: 437–456]. Материалы проведенного в 2018 г. опроса тоже позволяют оценить эффективность российской правоохранительной и судебной систем на основе независимых оценок граждан.

Из всех опрошенных 3001 человек заявили, что становились жертвами преступления, из них 2047 сообщили, что им был при этом причинен материальный ущерб. Социальная структура жертв приведена в базовом аналитическом обзоре опроса [Кнорре, Титаев, 2018: 24–28] и в целом повторяет социальную структуру населения.

¹ Материалы данного опроса см.: Russian Crime Victimization Survey 2018. URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/C2OTH9> (дата обращения: 10.06.2022).

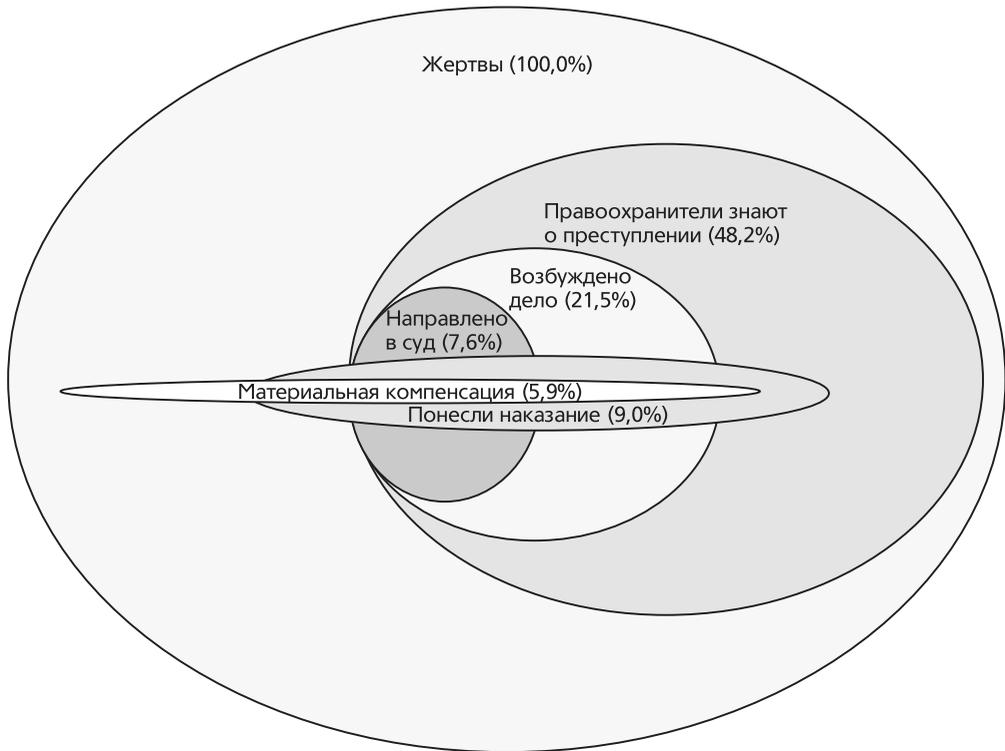

Рис. Структура жертв преступлений, по результатам опроса, в % от количества жертв преступления ($N = 3001$)

Выявленный уровень виктимности – 17,8% за 5 лет, при этом 7,6% (1288 чел.) заявили, что были жертвами преступлений за последний год. Это ниже аналогичных показателей других европейских стран, в которых в 2000-х гг. в среднем порядка 15% населения имели виктимный опыт в течение года [van Dijk, van Kesteren, Smit, 2007: 42–43]. Конечно, этот уровень отличается в разных странах: в Западной Европе он колеблется от 8 (Испания) до 24% (Ирландия) [van Dijk, 2015, 437–456], а в Африке и Латинской Америке существенно выше (33 и 34% соответственно) [van Dijk, 2010: 636]. Со временем виктимность снижается – это мировой тренд. Аналогичный анализируемому исследованию опрос в Казахстане в 2018 г. показал уровень виктимизации 11,8% в год [ван Дейк, ван Кестерен, Трошев, 2018: 7]. Таким образом, российские показатели виктимности относительно благополучны, по сравнению с другими странами, но в несколько раз превышают официально зарегистрированный уровень потерпевших от преступлений².

Согласно опросу, 1447 респондентов (48,2% всех жертв) обращались в правоохранительные органы с заявлениями о совершении в отношении них преступления. Из них 646 (21,5%) сообщили, что по их обращению возбуждено уголовное или административное дело, и только 227 (7,6%) – что дело было направлено в суд.

² По официальным данным Росстата, в 2018 г. пострадавших от различных видов преступлений в России насчитывалось 1,34 млн человек [Российский статистический ежегодник, 2019: 271]. Поскольку население страны составляло примерно 144 млн, это соответствует виктимности около 1%. Поскольку при опросе Института проблем правоприменения опрашивались только взрослые (от 18 лет) россияне, полученные результаты можно сопоставлять с данными официальной криминологической статистики только с оговорками.

Важно отметить, что наказание виновных и материальная компенсация потерпевшим происходили отнюдь не только в официальном порядке (рис.). Из всех жертв преступлений о том, что виновный понес наказание, заявили 270 человек (9%), из которых только 219 (7,3%) сообщили, что в правоохранительных органах знают, что в отношении них было совершено преступление. Материальной компенсации из всех жертв преступлений добились 179 респондентов (5,9%), из них о том, что в правоохранительных органах знают о совершенном преступлении, сообщили только 126 (4,2%), причем дело было возбуждено в 97 (3,2%) случаях, а до суда дошло только 62 (2,1%).

Таким образом, свыше половины (51,8%) лиц, которые считают себя жертвами преступлений, не обращались в правоохранительные органы. Это может свидетельствовать о недоверии к ним граждан – неверии, что обращение может принести положительный результат, т.е. привести к установлению и наказанию преступника, а также возмещению ущерба, причиненного преступлением. Однако, с другой стороны, материалы опроса не дают данных о конкретных характеристиках деяния, которое было совершено в отношении опрошенных лиц, – действительно ли в данном случае имело место преступление, либо респондент добросовестно заблуждается относительно квалификации действий в отношении него. С психологической точки зрения потерпевшие в значительной части случаев склонны преувеличивать причиненный им вред.

Такая латентность является обычным явлением в современной мире: жертвы незначительных преступлений часто не сообщают о них в полицию из-за незначительности ущерба и неизбежной потери времени на формальные процедуры [Квашис, 2016]. В США, например, из года в год в полицию делают заявления лишь примерно половина потерпевших от насильственных посягательств и около 40% потерпевших от преступлений против собственности [Truman, 2011: 1].

Из 1447 респондентов, указавших, что в отношении них совершено преступление, и обратившихся по этому поводу в правоохранительные органы, более чем половине (801 человек, 55,4%) в возбуждении производства по данному факту было отказано. Это может свидетельствовать как об адекватной профессиональной юридической оценке конкретных ситуаций (согласно оценкам экспертов, только примерно каждое второе обращение содержит реальные признаки преступления или административного правонарушения), так и о возможном сокрытии реальных преступлений от учета. К сожалению, высокий уровень латентности российской преступности и факты укрывания преступлений от учета отмечаются многими исследователями российской правоохранительной системы (см., напр.: [Иншаков, 2008; Ушаков, 2017]).

Для жертв преступлений большое значение имеет как наказание виновных, так и компенсация понесенного ими материального и морального ущерба. Значительное количество опрошенных заявили, что лицо, совершившее преступление в отношении них, понесло наказание, но правоохранительные органы даже не узнали о случившемся. Из 270 человек (9%), указавших, что правонарушитель понес наказание, только 160 (5,3%) заявили о возбуждении дела и о его направлении в суд. Таким образом, 110 респондентов фактически сообщили, что преступник понес наказание без суда, т.е. в 40,7% случаев нарушители были наказаны вне процедуры судебного разбирательства, а в 18,9% случаев наказаний жертва даже не обращалась в правоохранительные органы. Материалы опроса не позволяют определить, как именно при этом понесли наказания лица, совершившие преступления.

О том, что получили материальную компенсацию причиненного им вреда, из 3001 жертвы преступлений заявили только 179 человек (5,9%), из которых только 62 (34,6% получивших компенсацию) одновременно пояснили, что их дело было направлено в суд. Таким образом, 65,4% получивших компенсацию добились ее вне судебного разбирательства. Ситуация, когда дело было направлено в суд, виновный понес наказание и жертва получила материальную компенсацию, наблюдается лишь у 1,4% от общего количества заявивших, что они стали жертвами преступлений.

Подведем итоги. Из числа россиян, заявивших о виктимном опыте, только 48,2% обратились в правоохранительные органы и сообщили о совершенном в отношении них преступлении, остальные по тем или иным причинам этого не делали. Если более половины жертв

преступлений отказываются от обращения в правоохранительные органы, это может свидетельствовать о недостатке доверия населения к правоохранительным органам и судебной системе. В то же время из тех, кто все-таки сообщил правоохранителям о преступлении, только 44,6% указали при опросе, что по их обращению возбуждено уголовное или административное дело, дела 15,7% были направлены в суд, и только 2,9% получили материальную компенсацию и виновный понес наказание. Если же смотреть на общее количество лиц, заявивших о виктимном опыте, то только 42 человека (т.е. 14 из тысячи жертв преступлений) получили материальную компенсацию причиненного преступлением ущерба именно в результате реализации предусмотренного законом порядка, включающего участие суда, реализующего свою функцию по защите прав граждан. Почти столько же (40 респондентов) заявили, что получили компенсацию и виновный был наказан вообще без обращения в правоохранительные органы. Наличие значительной части граждан, получивших компенсацию без возбуждения уголовного дела и даже какого-либо обращения в правоохранительные органы, подтверждает наличие внеправовых (возможно, даже неправовых)³ механизмов, позволяющих потерпевшим получить компенсацию. Это соответствует характерному для России активному использованию неформальных отношений.

Полученные в ходе опроса результаты можно рассматривать как одну из характеристик эффективности российских судебной и правоохранительной систем по защите граждан от преступлений. Эти результаты соответствуют общему тренду, характерному для стран догоняющего развития и фиксирующему общую неудовлетворенность граждан от работы полиции, в отличие от ситуации в странах Северной Америки и Западной Европы [van Dijk, 2010: 642–643].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ван Дейк Я., ван Кестерен Д., Трошев А., Слейд Г. Исследование «Оценка уровня безопасности населения и доверия к правоохранительным органам» (международный опрос виктимизации в Казахстане). Астана, 2018.
- Веркеев А.М., Волков В.В., Дмитриева А.В. и др. Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4–31.
- Иншаков С.М. Латентная преступность как показатель эффективности уголовной политики // Российский следователь. 2008. № 14. С. 20–21.
- Квашиш В.Е. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 5. С. 89–93.
- Кнорре А., Титаев К. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса (Аналитический обзор). СПб.: ИПП ЕУ СПб., 2018.
- Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. М.: Росстат, 2019.
- Ушаков А.Ю. Доступ к правосудию на этапе возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 30–33.
- van Dijk J., van Kesteren J., Smit P. Criminal Victimization in International Perspective. Key findings from the 2004–2005 ICVS and EU ICS. WODC; The Hague, 2007.
- van Dijk J.J.M. The case for survey-based comparative measures of crime // European Journal of Criminology. 2015. Vol. 12 (4). P. 437–456.
- van Dijk J.J.M. The International Crime Victims Survey // Transnational Criminology Manual / Ed. by M. Herzog-Evans. 2010. Vol. 2. P. 631–650.
- van Dijk J.J.M., Manchin R., van Kesteren J.N., Hideg G. The burden of crime in the EU: A comparative analysis of the European Survey of Crime and Safety (EU ICS2005). Gallup Europe, 2007.
- Truman J.L. Criminal Victimization 2010 // U.S. Department of Justice. Bureau of Justice Statistics. Bulletin National Crime Victimization Survey. 2011. September.

Статья поступила: 13.04.22. Финальная версия: 01.08.22. Принята к публикации: 03.08.22.

³ Внеправовые отношения – не регулируемые правом, в то время как неправовые – запрещенные правом.

VICTIMIZATION OF CONTEMPORARY RUSSIANS

VOSKRESENSKII F.A.*, VOSKRESENSKAIA E.A.**

*University of Illinois Urbana-Champaign, USA; **Smartdec, Russia

Fedor A. VOSKRESENSKII, Researcher of the Open Research Laboratory the Russian, East European, and Eurasian Center at the University of Illinois Urbana-Champaign, USA (voskresensky@mail.ru); Ekaterina A. VOSKRESENSKAYA, Cand. Sci. (Physic&Math.), analyst, "Smartdec", Russia, Moscow (voskresenskaya@smartdec.ru).

Abstract. The article shows results of the Russian Victimization Telephone Survey on a representative sample. It was conducted in 2018 by the Institute for Law Enforcement Problems at the European University at St. Petersburg ($N = 16818$). The identified level of victimization (17.8% for the last 5 years before the survey, 7.6% per year) is lower than in European countries, although several times higher than the official statistics of registered crime in Russia. At the same time, only about half of the victims apply to Law Enforcement agencies, in less than a quarter of cases a criminal or administrative case was initiated, and only in 7.6% of the cases have reached court. Only 6% of the victims have received material compensation, and 2/3 of them have received it without a trial process. The number of satisfied victims is significantly less than the number of respondents who applied to Law Enforcement agencies and were recognized as victims. The results of the survey demonstrate essential problems in the work both The Russian Law Enforcement agencies and Courts in protecting the rights of citizens affected by crime.

Keywords: crime, victimization, institutional trust, protection of human rights.

REFERENCES

- van Dijk J., van Kesteren J., Smit P. (2007) Criminal Victimization in International Perspective. Key findings from the 2004–2005 ICVS and EU ICS. WODC; The Hague.
- van Dijk J., van Kesteren J., Troshchikova A., Slade G. (2018) Survey "Assessing the Level of Public Safety and Trust in Law Enforcement Agencies" (International Victimization Survey in Kazakhstan). Astana. (In Russ.)
- van Dijk J.J.M. (2010) The International Crime Victims Survey. In: M. Herzog-Evans (Ed.). *Transnational Criminology Manual*. Vol. 2: 631–650.
- van Dijk J.J.M. (2015) The case for survey-based comparative measures of crime. *European Journal of Criminology*. Vol. 12 (4): 437–456.
- van Dijk J.J.M., Manchin R., van Kesteren J.N., Hideg G. (2007) The burden of crime in the EU: A comparative analysis of the European Survey of Crime and Safety (EU ICS2005). Gallup Europe.
- Inshakov S.M. (2008) Latent crime as an indicator of the effectiveness of criminal policy. *Rossiiskij sledovatel'* [Russian investigator]. No. 14: 20–21. (In Russ.)
- Knorre A., Titaev K. (2018) Crime and victimization in Russia. Results of the All-Russian Victimization Survey. *Analiticheskij obzor* [Analytical Review]. St. Petersburg: IPP EU SPb. (In Russ.)
- Kvashin V.E. (2016) Comparative analysis of latent crime in Russia and foreign countries: problems and prospects. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]. No. 5: 89–93. (In Russ.)
- Russian Statistical Yearbook*. 2019 (2019): Stat. Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Truman J.L. (2011) Criminal Victimization 2010. U.S. Department of Justice. Bureau of Justice Statistics. *Bulletin National Crime Victimization Survey*. September.
- Ushakov A.Yu. (2017) Access to justice at the stage of initiating a criminal case. *Rossiiskaya yusticiya* [Russian Justice]. No. 9: 30–33. (In Russ.)
- Verkeev A.M., Volkov V.V., Dmitrieva A.V. et al. (2019) How to study crime victims? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. No. 2: 4–31. (In Russ.)

Received: 13.04.22. Final version: 01.08.22. Accepted: 03.08.22.

© 2022 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ СФЕРЫ: ФОРМИРУЯ УСТОЙЧИВОЕ БУДУЩЕЕ

VI Санкт-Петербургский Международный форум труда «Рынок труда и занятость в постпандемийной реальности: грани разлома и векторы развития» проходил 14–18 марта 2022 г. в Санкт-Петербурге. Его организаторами традиционно стали Правительство Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский государственный университет совместно с Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ и компанией «Экспофорум Интернэшнл». На Форуме были заявлены следующие основные дискуссионные проблемы: восстановление занятости в постпандемийный период; влияние новых видов занятости на трудовые отношения и качество жизни населения; тренды на рынке труда, обусловленные реструктуризацией и цифровизацией экономики; векторы развития профессионального образования, жизненных и карьерных траекторий молодого поколения; эффективные механизмы регулирования труда, занятости и международной трудовой миграции. В рамках Форума было сформировано 12 тематических направлений и организовано 127 мероприятий, в которых приняло участие более 5300 чел.

Среди выступлений и дискуссий Форума выделялась социологическая проблематика, посвященная теме «Социальные вызовы и модели регулирования» и представленная пятью мероприятиями.

Основная идея научной сессии «Проблемы труда в условиях новых вызовов: прекаризация занятости, цифровизация труда и экономики, влияние пандемии» состояла в поиске путей согласования конфликтных тенденций и интересов, определяемых, с одной стороны, объективными тенденциями все более широкого распространения прекарной занятости и запросами работников на стабильный и защищённый труд в приемлемых организационных и санитарно-гигиенических условиях – с другой. Среди основных докладчиков свое видение проблемы представили: **Г.П. Бессокирная** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва), **Г.В. Ерёмичева** (СИ ФНИСЦ РАН, СПб.), **Л.Н. Захарова** (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород), **Е.И. Макаров** (СПбГУП, СПб.), **З.Х.-М. Саралиева** (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород), **А.Л. Темницкий** (МГИМО, Москва), чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, Москва) и др.

Обсуждались вопросы институционализации новых форм занятости и новых (превращенных) форм эксплуатации; проблемы стабильности и текучести в условиях пандемии и в постпандемийный период; особенности теневой занятости в контексте локдауна и после него; особенности развития социальных отношений в трудовых коллективах в условиях пандемии: индивидуализация или сплочение трудового коллектива в новых трудовых реалиях; особенности формирования новых «центров силы» в трудовых коллективах в условиях институционализации новых форм занятости; изменение роли профсоюзов и способы защиты прав работников; трудовые протесты в период пандемии.

Секция «Искажение и изменение социального пространства сотрудника и организации» была сфокусирована на анализе и обсуждении изменений социального и рабочего пространства человека, вызванных глобальным кризисом COVID-19. Гибридный формат работы и виртуальный офис приводят к стрессу как у работников (отвлечением, нагрузке и пересечению работы и дома), так и руководителей (редукция социального взаимодействия, обедненная коммуникация и девиантное поведение на рабочем месте). Пандемия привела к изменениям в работе организаций и их работников и эти изменения настолько глубоки, что влияют на характер и формат работы в будущем. В совокупности все эти

искажения и/или изменения повысили требования к инновационности компаний, привели к качественным изменениям рабочей среды и поставили человека, его психическое здоровье, благополучие и креативность в центр внимания исследователей, организаций и общества, сформировали потребность в создании человекоцентрированного подхода к изучению социального пространства и рабочей среды (**А.А. Лаптинская** (АО «НПО Стример»), **Л.О. Осьмак** (Альфа-банк), **Л.Г. Почебут** (СПбГУ, СПб.), **У.А. Удавихина** (РАНХиГС, Москва), **Т.Г. Яничева** («Архитектура будущего») и др.).

В рамках секции «Цифровизация труда в период пандемии в пространстве Союзного государства» обсуждались результаты исследования влияния процессов цифровой трансформации на трудовую активность населения Санкт-Петербурга и Минска. Особое внимание было уделено анализу перевода работников на дистанционный режим труда во время пандемии COVID-19, оценкам роста цифровых компетенций, изменений и улучшений условий труда, мотивации и стимулирования работников, государственной политике. Собранные обсудили разные факторы, такие как квалификация, образование, возраст, пол работающих, влияют на восприятие населением процессов цифровизации трудовой сферы (**Л.Г. Титаренко** (БГУ, Минск), **Р.В. Карапетян**, **И.Л. Сизова** (оба – СПбГУ, СПб.), **Е.В. Лебедева** (БГУ, Минск) и др.).

Трудовая проблематика обсуждалась в рамках круглого стола «Профессиональное выгорание: причины, механизмы превенции и минимизация последствий». Основная идея была задана необходимостью ответить на насущные вопросы о том, каким образом возможно обнаружить и предупредить профессиональное выгорание, а также следует ли этот вопрос включать в сферу ответственности специалистов по охране труда (**Е.Н. Доброхотова** (РГПУ им. А.И. Герцена, СПб.), **С.В. Воронкова** (НИИ промышленной и морской медицины ФМБА России, СПб.), **П.И. Богданов** (Первый СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова, СПб.), **Ф.О. Сулейманова** (НИУ ВШЭ, Москва), **Лоик Леруж** (Ун-т Бордо, Франция), **Е.А. Серебрякова** (НИУ ВШЭ, Москва) и др.). Основой дискуссии стали вопросы определенности признаков профессионального выгорания, способы его обнаружения и выявления категорий работников, в наибольшей степени подверженных ему. Многое зависит от работодателя, который формирует механизмы управления, поэтому ответственность за управление этими процессами должна стать обязанностью работодателя. Участники отметили, что необходимо изучать и использовать опыт других стран в этой области, а также внесение изменений в ТК РФ, в части охраны труда, защиты работников от психосоциальных рисков и ответственности работодателя за инвестирования в здоровье работников.

Подводя итоги, отметим, что VI Санкт-Петербургский Международный форум труда в очередной раз стал инновационной площадкой для всестороннего обсуждения актуальных проблем социально-трудовой сферы. Социологическая проблематика гармонично вписалась с тематикой Форума, стала ее важной и необходимой составляющей, а участие социологов упрочило традиции обсуждения социальных проблем труда и трудовых отношений.

Р.В. КАРАПЕТЯН, Е.Е. ТАРАНДО

КАРАПЕТЯН Рубен Вартанович, к. экон. н., доц. (r.karapetyan@spbu.ru); ТАРАНДО Елена Евгеньевна, д. экон. н., доц., проф. (e.tarando@spbu.ru). Оба – кафедра экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250021254-2

SOCIAL CHALLENGES AND LABOR REGULATION MODELS: SHAPING A SUSTAINABLE FUTURE

Ruben V. KARAPETYAN, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. (r.karapetyan@spbu.ru); Elena E. TARANDO, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof. (e.tarando@spbu.ru). Both – Department of Economic Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

© 2022 г.

ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ БАЛАНСА (о XII Грушинской конференции)

Современное общество находится в поиске баланса после двух непростых лет пандемии и событий, начавшихся в феврале 2022 г., последствия которых имеют тенденцию к долгосрочности. В этом контексте тема Грушинской социологической конференции «Общество в поисках баланса», состоявшейся 23–27 мая 2022 г., актуальна. Конференция объединила профессионалов в сфере проведения прикладных социологических исследований, которые поделились интересным контентом и обсудили актуальные методологические проблемы и новые исследовательские подходы в рамках оживленных дискуссий.

Основная идейная концепция мероприятия связана с поиском равновесия между новыми трендами и сместившимися перспективами после трансформации прежних социальных конструкций доковидного общества. Центральными темами обсуждений стали: «Общество, среды, группы, человек: в поиске баланса» и «Исследовательская оптика – микроскопы, телескопы и замочные скважины», в рамках которых проведено 26 мероприятий в смешанном режиме, приняло участие более 1500 человек из 17 стран. Отметим некоторые доклады и основную тематику обсуждений.

Первая тема включала нескольких направлений: «Страна и общество», «Среды», «Группы» и «Человек». В рамках направления «Страна и общество» обсуждались актуальные проблемы современности, первая из которых «Психологическое состояние общества в условиях кризиса: результаты и перспективы исследований». **Т.А. Нестик** (ИП РАН) подчеркнул, что сегодня общий показатель психологического здоровья россиян достаточно устойчивый: «Мы и во время пандемии наблюдали такую социально-психологическую устойчивость нашего общества, его жизнеспособность. И до сих пор большинство, к счастью, считают себя счастливыми людьми». Опираясь на результаты опросов докладчик сделал вывод о том, что жизнеспособность личности в условиях трудноконтролируемой угрозы определяется способностью видеть в ситуации возможности что-то изменить и даже повлиять на положение страны, а также просоциальными установками (сопереживание, социальное доверие, гражданская и общечеловеческая идентификация). Осознание отсутствия поддержки общества и необходимость полагаться исключительно на собственные силы наиболее серьезно снижает жизнеспособность.

Хотя в большинстве докладов данной секции обсуждались тревожные и депрессивные состояния российского социума, **Т.П. Емельянова** (ИП РАН) акцентировала внимание на оптимизме. В частности, она раскрыла социально-демографические характеристики людей, демонстрирующих оптимистический настрой, а также рассмотрела влияние социальной идентичности на особенности восприятия будущего России.

Л.А. Преснякова (ФОМ) обратила внимание на экономическую тревожность. Выявлены признаки типичной реакции населения на кризисную ситуацию, при этом с кризисом в такой конфигурации население сталкивается впервые. Изменилась парадигма социальной реальности – во время пандемии на смену реальности VUCA пришла новая парадигма BANI (хрупкий, тревожный, нелинейный и непостижимый мир). **П.А. Борисова** (Сбер) подчеркнула, что «вещи, которые казались нам понятными, привычными, обыденными, перестали быть такими. Мир стал хрупким». Нелинейность мира объясняется отсутствием связи между ожидаемым результатом и затраченными ресурсами.

В рамках сессии «Риски и страхи неопределённости нового мира: где искать доверие?» обсуждалось, что в силу социальной неопределенности и нестабильности затруднительна адекватная рефлексия Социальных опасностей. **Е.А. Михайлова** (ВЦИОМ) проанализировала страхи россиян: первый и наиболее глобальный связан с обострением ситуации с другими странами и вытесняет остальные опасения. При этом 83% россиян

чувствуют себя счастливыми (индекс счастья составил 68 пунктов). Докладчик отметила, что риски пандемии стали своеобразной подготовкой и стресс-тестом для населения перед нынешней геополитической ситуацией. За два года пандемии изменились досуговые практики и тенденции потребления. Самоизоляция снизила значимость элементов статусной принадлежности, таких как брендовая одежда и гаджеты. После пандемии санкционные ограничения воспринимаются населением не так болезненно, так как люди адаптировались к ним.

На сессии «Фронтирная социология: границы новой реальности» рассмотрены новые фронтиры, образованные под влиянием новой геополитической реальности на социальное пространство. **В.А. Сапрыка** (ИПСИ, НИУ БелГУ) отметил, что направление «социология приграничья» наиболее пристально изучается в Белгороде как приграничной территории, где реакции на цивилизационные кризисы остро ощущаются в силу множественности идентичности его жителей. В рамках секции спрогнозированы будущие конфигурации цивилизационных фронтиров, перспективы цивилизационных столкновений, социокультурных и геополитических угроз.

В рамках «Среды» рассмотрено несколько тем, среди которых «Искусственный интеллект и искусственная социальность» (**А.В. Кулешова**, ВЦИОМ; **А.В. Резаев**, ТАНДЕМ). На секции рассматривалось создание цифровых сетевых платформ и раскрывались аспекты использования искусственного интеллекта в публичном управлении. Комплексно анализировалось взаимодействие технических и социальных субъектов, влияние на нашу жизнь цифровых следов, электронного правительства, электронной демократии и цифровизации публичного управления.

Направление «Человек» посвящено нескольким темам, среди которых «Человеческий капитал в условиях новых вызовов: ключевой ресурс или старая иллюзия?» (модераторы: **Н.Е. Тихонова**, НИУ ВШЭ; **Ю.В. Латов**, ИС ФНИСЦ РАН). Рассмотрен человеческий капитал как главный ресурс нового российского класса профессионалов и способы его измерения. Проанализирована трансформация профессионалов в современном российском обществе. Обсуждена связь между повышением образования в современной России и ростом доходов.

В рамках сессии «Балансы и дисбалансы труда и личной жизни» **С.В. Львов** (ВЦИОМ), **К.С. Таракановская** (ВЦИОМ) поделились выводами исследований. Отмечалось, что молодые сотрудники «выбирают работу сердцем» и отдают приоритет соблюдению баланса работы и личной жизни, при этом у мужчин соблюдать его получается лучше. **Л.С. Лебедева** (Корпоративная Академия Росатома) выявила, что баланс работы и личной жизни у мужчин и женщин воспринимается по-разному. У женщин более высокий уровень социальной нагрузки, у мужчин – работа на первом месте. Отдельно изучен баланс в жизни фрилансеров, серьезно смещенный в сторону работы. Отмечается улучшение ментального здоровья сотрудников, забота о себе и критическое отношение к корпоративной культуре трудоголизма. Также рассматривались вопросы здоровья, снижения влияния стресса и иных психосоциальных рисков, роль СМИ в вовлечении людей в здоровый образ жизни и управлении собственным здоровьем и питанием.

Вторая обозначенная тема включала четыре секции по общеметодологическим аспектам социальных исследований. На секции «Интердисциплинарность vs междисциплинарность: как будем изучать креативность?» ключевой вопрос заключался в возможности организации междисциплинарных исследований в нынешних условиях функционирования науки. Обсуждение проблемного поля междисциплинарности было выстроено вокруг действующего проекта по изучению креативности. Спикеры обсудили такие аспекты, как роль междисциплинарности в современной науке (**Е.В. Митягина**, ВятГУ), инструментарий различных дисциплин в изучении креативности (**И.Э. Петрова**, ННГУ; **Н.К. Габдрахманов**, НИУ ВШЭ), технические барьеры междисциплинарности (**А.В. Феценко**, ТомГУ), культурные традиции в понимании креативности (**М.С. Фабрикант**, БГУ), риски и угрозы креативности (**Р.И. Ромеро**, АНО «ЦИСМ»).

Секция «Социологическая экспедиция как основа для адекватной интерпретации» объединила социологов с опытом проведения исследований в экспедициях. Участники пытались найти то эмпирическое «ядро», которое позволяло бы сопоставлять результаты разнообразных экспедиционных исследований между собой. На площадке обсуждались принципиальные различия между антропологическими, этнографическими, социологическими экспедициями; способы и инструменты фиксации данных, проблемы длительности экспедиций (**Е.А. Михайлова** (ВЦИОМ), **И.Е. Штейнберг** (МГПУ; ИС ФНИСЦ РАН), **Е. Кожевина** (ФОМ), **К.В. Григоричев** (ИГУ), **Ю.С. Замараева** (МБШ «Арктика»).

На секции «Еще раз о репрезентативности онлайн-панелей» речь велась о запуске первой в России вероятностной онлайн-панели. Основная проблема онлайн-панелей, по мнению **О.А. Оберемко** (ВЦИОМ), заключается в сложности описания генеральной совокупности, на репрезентацию которой опрос может претендовать. Опыт рекрутинга интернет-пользователей в онлайн-панели поделилась **С.Д. Евсеева** (ВЦИОМ). О группе населения, которая не может быть охвачена онлайн-опросами, рассказал **А.В. Ванюшкин** (ВЦИОМ). Доклад о различиях онлайн-панели ВЦИОМ с телефонными опросами и другими онлайн-опросами представил **И.П. Леконцев** (ВЦИОМ).

Направление «Микроскопы» включало в себя три мероприятия. Центральной проблематикой в рамках практикума «Проективные методики: методологический фейк или способ заглянуть в будущее» стал вопрос о целесообразности использования проективных методик в социологических исследованиях. Доклады о возможностях и ограничениях проективных методик были представлены **И.В. Гавриловым** (ВЦИОМ), **К.Б. Джгамадзе** (ВЦИОМ), **И.Е. Штейнбергом** (МГПУ; ИС ФНИСЦ РАН), **А.А. Черкашиной** (Cherkashina Research), **Е.Н. Вершининой** (F-POINT), **А.С. Башкировой** (Ipsos) и **А.А. Токаревым** (МГИМО). В числе аспектов, затронутых спикерами, стали: использование проективных методик на фокус-группах; роль личного восприятия и коллективных представлений при использовании проективных методов; повышение достоверности ответов информантов с использованием проективных методик и другие.

Практикум «Как общаться с черными квадратами, разговорить неразговорчивого» был посвящён фокус-групповым исследованиям. В числе прочих обсуждались такие методологические аспекты, как: эволюция технологии проведения виртуальных и реальных фокус-групп за два пандемийных года, креативные подходы в работе модератора, взаимодействие модераторов и аналитиков (**М.В. Мамонов** (ВЦИОМ), **Т.С. Немтинова** (ЦАМИ), **Н.В. Калинина**, **М.С. Дрозд** (Salt), **А.И. Харламов** (ВЦИОМ), **С.А. Маляров** (ВЦИОМ), **А.К. Жабина** (ВЦИОМ), **А.Р. Гарифзянова** (КФУ), **Л.В. Сидорова** (ООО «СТОР»).

Секция «Междисциплинарный подход к обработке и интерпретации данных, когда чуть больше, чем социология: IT, лингвистика, социология и др.» была посвящена современным цифровым технологиям и практикам их использования в социологических исследованиях. Ключевыми вопросами для обсуждения стали: какие цифровые следы нужны исследователю, как их найти и обработать? Какие подходы к обработке, анализу текстовых данных может иметь в арсенале социолог? Python/R для социолога: что нужно и полезно знать? Каким навыкам программирования стоит обучаться уже сегодня? Как автоматизировать рутинные задачи в исследовательской работе? Ответы на эти и другие вопросы в докладах представили **И.В. Богдан** (НИИ ОЗММ Департамента здравоохранения г. Москвы), **И.М. Михайлова** (Vox Populi), **К.С. Устинов** (Vox Populi), **В.В. Кашпур** (ТомГУ), **В.Л. Гойко** (ТомГУ), **А.Ю. Домбровская** (ФУ при Правительстве РФ), **Н.В. Петров** (РАНХиГС, РГГУ), **Д.А. Радченко** (РАНХиГС), **И.В. Бибилов** (ЕУ в СПб.).

В рамках направления «Замочные скважины» проведен круглый стол «Имплицитные факторы поведения и социология: перспективы интеграции», основным докладчиком которого выступил **О.Л. Чернозуб** (ГНИВЦ). Ключевым тезисом его доклада стала идея о том, что учет имплицитных факторов при прогнозировании поведения заметно улучшает точность прогноза в различных сферах: начиная с выборов и заканчивая заведением домашнего животного. В обсуждении проблемы, которую в итоге обозначил спикер:

как органично интегрировать имплицитные факторы поведения человека в социологическую теорию, приняли участие **И.С. Бурикова** (Центр социальных проектов «Белый Дом»), **В.В. Гришин** (ВЦИОМ-Урал), **И.Г. Скворцова** (ВЦИОМ), **И.Б. Далько** (ВЦИОМ).

Подвести итоги можно словами генерального директора ВЦИОМ **В.В. Федорова**, отметившего на открытии конференции, что для социологов важно обмениваться информацией и наблюдениями, вырабатывать профессиональные подходы к изучению новых социально-политических реалий, предлагать выход из глобального общественного кризиса. Поэтому сейчас важно выработать новую норму, иначе социология может оказаться под угрозой примитивизации из-за прерывания международных связей.

Ш.Ф. ФАРАХУТДИНОВ, Г.З. ЕФИМОВА

ФАРАХУТДИНОВ Шамиль Фаритович, к. социол. н., ст. науч. сотр., Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН; ст. науч. сотр., Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН (fshamil@mail.ru); ЕФИМОВА Галина Зиновьевна, к. социол. н., проф., Тюменский государственный университет (g.z.efimova@utmn.ru). Оба – Тюмень, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250021082-3

SOCIETY IN SEARCH OF BALANCE (the XXII Grushin conference)

Shamil F. FARAKHUTDINOV, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Problems of Development of the North of Tyumen Scientific Centre SB RAS; West-Siberian Branch of FCTAS RAS (fshamil@mail.ru); Galina Z. EFIMOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Prof., University of Tyumen, (g.z.efimova@utmn.ru). Both – Tyumen, Russia.

© 2022 г.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ (о секции на XII Грушинской конференции)

Секция, посвященная человеческому капиталу (ЧК), являлась одним из компонентов XII международной Грушинской социологической конференции, проведенной ВЦИОМ 23–27 мая 2022 г. Секция была приурочена к 30-летию присуждения Г. Беккеру премии им. А. Нобеля (1992) за его основополагающие работы по теории ЧК. Хотя премия присуждалась по экономике и, идеи Г. Беккера с самого начала рассматривались как имеющие большое значение и для социологов. Последующие исследования по данной проблематике показали, что социологических аспектов в этом научном дискурсе едва ли не больше, чем экономических. В частности, концепция персоналиата Д.А. Давыдова¹ показывает, что акцентирование высокого значения нового ресурса, неотрывного от личности работника, логично приводит к выводу о формировании нового социального класса (персоналиата? социалиата? креаклов? профессионалов?..), который качественно отличается от классов индустриального (капиталистического) общества.

Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07172.

¹ Ее обсуждению посвящены статьи рубрики «Дискуссия. Полемика» в данном номере журнала.

В вступительном докладе **Ю.В. Латова** (ИС ФНИСЦ РАН) и **Н.Е. Тихоновой** (НИУ ВШЭ) «Стал ли человеческий капитал главным ресурсом нового российского класса?» обсуждался вопрос, насколько современная Россия близка к тому «посткапитализму», где главной социальной группой станут обладатели высокого ЧК. Ведь если Россия тоже переходит от индустриального к постиндустриальному обществу, то следует ожидать, что у российских профессионалов будут следующие признаки: высокая численность, высокий уровень человеческих ресурсов (прежде всего образовательных), получение доходов в зависимости от их уровня образования и иных человеческих качеств, формирование постденежной мотивации, высокая политическая акторность. Однако «в жизни всё не так, как на самом деле». Профессионалами можно считать уже каждого четвертого российского работника, но из них «нормальные» профессионалы, имеющие дневное очное высшее образование и работающие согласно полученным в вузе дипломам, – это только четверть от одной четверти (примерно 6% работников). При этом их включенность в дополнительное профобразование низка, что чревато обесценением некогда полученных знаний. Капитализация человеческих ресурсов находится под вопросом, поскольку давно идет дискуссия, насколько в современной России высока/низка доходность образовательного капитала. Про постденежную мотивацию можно говорить только применительно к отдельным группам профессионалов (типа «айтишников»).

Д.С. Попов (НИУ ВШЭ) в своем выступлении «Международные исследования образования и оценка человеческого капитала. Почему в России индексы работают не так?» представил сравнительный анализ человеческих ресурсов российских и зарубежных работников. Докладчик обратил внимание на то, что если первоначально ЧК (редуцированный до образовательного капитала) измерялся в основном через длительность образования, то в последнее время его стали измерять «напрямую», через тестирование знаний, умений и компетенций. Обнаружилось, в частности, что по «грамотности чтения» школьников и взрослых Россия находится примерно посередине всех стран мира. Однако если смотреть, насколько образование родителей влияет на достижения тестируемых, то такое влияние оказалось очень низким. Это значит, что в нашей стране плохо работает воспроизводство ЧК на уровне семейной трансляции. По мнению докладчика, наибольший прирост ЧК приходится на примерно 1950–1980-е гг., а затем эту советскую экономику стабильного роста человеческих ресурсов мы, к сожалению, утратили.

Доклад **Г.Ф. Ромашкиной** и **В.А. Давыденко** (ТюмГУ) «Социологические методики изучения человеческого капитала: эмпирические измерения на примере Тюменской области» акцентировал внимание на необходимости более комплексного понимания человеческих ресурсов. В частности, помимо собственно ЧК (знания, навыки и способности) докладчики использовали концепт социального капитала (доверие, социальная поддержка и др.). Исследование показало, что трудовой доход демонстрирует ожидаемую связь с образованием, но сами работники связывают прирост своего дохода скорее с социальным капиталом, чем со своими конкретными производственными навыками и умениями. Взаимосвязь между человеческим и социальным капиталом существенна (корреляция по Кенделлу 0,374), однако социальный капитал в целом отстает по темпам роста от человеческого капитала. Данное исследование показывает, что при анализе «посткапиталистических» тенденций важно обращать внимание на растущее значение в современном производстве не только профессиональных знаний, но и «сопутствующих» высоких человеческих качеств, без которых высокие знания сами по себе «работают» слабее. В то же время с социальным самочувствием работников (их самовосприятием своей жизни, включающим удовлетворенность жизнью в целом) самооценки человеческого и социального капитала оказались связаны, как показало исследование в Тюменской области, чрезвычайно неустойчиво. Значит накопление человеческих ресурсов повышает доход, но пока не делает жизнь работника лучше, а потому преимущества имеющих высокие человеческие ресурсы остаются под вопросом.

Понимание роли образования в формировании современных российских работников углубили **Е.С. Попова** и **Д.Л. Константиновский** (ИС ФНИСЦ РАН) в докладе «Траектории накопления человеческого капитала: от восприятия перемен – к изменению социального поведения». Авторы рассмотрели самооценки ЧК в ряде регионов страны (Москва, Красноярский край и др.). Это выступление полемизировало с установкой, что «нормальным» образованием для профессионалов должно быть обязательно очное дневное высшее. В современных российских условиях среднее специальное образование демонстрирует такое важное преимущество, как практикоориентированный характер, ведет к относительной легкости последующего трудоустройства. Что же касается тех, кто избрал стандартную с позднесоветских времен траекторию получения высшего образования сразу после школы, то для них характерна рефлексия относительно случайности этого выбора, неуверенность в правильности выбора, последующее разочарование в выбранной профессии и сложности с трудоустройством. В результате в современной России активно развивается нелинейность образовательных траекторий: вместо традиционного пути «школа – вуз – рынок труда» всё чаще встречаются многосоставные траектории (например, «школа – среднее профобразование – рынок труда – вуз – рынок труда»). За кажущейся невыгодностью некоторых траекторий на самом деле часто скрывается рациональность, адаптация самореализации своего ЧК к текущим социально-экономическим условиям. При выборе стратегии большое значение имеет проактивность: выигрывают те, кто проявляет инициативу, осознанно реагирует на сложности. Поэтому отмеченное в первом докладе невысокое количество «нормальных» профессионалов скрывает происходящее на наших глазах умножение норм, ни одна из которых не является тупиковой.

Доклад **А.В. Каравай** (ИС ФНИСЦ РАН) «Человеческий капитал российских профессионалов: состояние и факторы» был направлен на уточнение реальных характеристик этой социальной группы. По состоянию на конец 2020 г. нормой для российских специалистов было обучение в течение 16 лет, типичные профессиональные траектории предполагают, как и раньше, полное среднее образование плюс еще пять-шесть лет вуза. В то же время четверть российских специалистов высшей квалификации, занимая соответствующие рабочие места, учились менее 15 лет и не имели диплома о высшем образовании. Кроме того, по полученной в вузе специальности работают лишь немногим более трети российских специалистов. Треть российских специалистов обучались заочно. Стандартные образовательные траектории отечественных специалистов не предполагают включенность в процесс непрерывного образования: по данным РМЭЗ, в 2020 г. дополнительно обучались только 8% специалистов, хотя в 2018 г. их было 10% (для сравнения, за рубежом – порядка 20%). Для выявления причин высокой гетерогенности отечественных специалистов по их качеству ЧК докладчик провел регрессионный анализ определяющих факторов. Его результаты показали, что барьеры, препятствующие наращиванию ЧК российскими специалистами, связаны в основном со структурными факторами и институциональными условиями. Это – отраслевая структура экономики (занятость в самых крупных отраслях, промышленности и торговле, не требует от большинства специалистов профессионального совершенствования) и региональная дифференциация спроса на высококвалифицированную рабочую силу (соответствующие предприятия концентрируются в немногих крупных городах). К тому же приблизительно к 40 годам у профессионалов сокращается склонность к наращиванию своего ЧК.

Органичным продолжением выводов об ограничениях роста человеческого капитала стал доклад **Н.В. Латовой** (ИС ФНИСЦ РАН) «Миграция российских специалистов как метод повышения отдач на человеческий капитал». Действительно, если отдача на ЧК сильно зависит от места проживания, то повышать ее можно не только наращиванием знаний/навыков, но и переездом туда, где выше выгоды от уже имеющихся человеческих качеств. Изучение материалов проведенного в 2017 г. опроса показало, что у специалистов основной мотив миграции – это именно поиск «хорошей работы». При этом если у россиян в целом миграция чаще является ступенчатой (жители ПГТ и сел едут в райцентры,

жители райцентров перебираются в облцентры, жители облцентров стремятся в Москву и Санкт-Петербург), то у специалистов доминирует столицецентризм – они сразу хотят переезжать в столицу (в крайнем случае – в облцентры). Такая давно сложившаяся столицецентричность – существенный минус развития России: мигрирующие в столицы специалисты получают больше отдачи, но при этом «оголяются» не только села и ПГТ, но даже районные и областные центры. Стягивание всего лучшего в центр ведет к анклавности российской модернизации, поскольку «европеизация» передовых регионов происходит в значительной степени за счет застоя или даже архаизации «провинции».

Финальный доклад **Е.Д. Слободенюк** (НИУ ВШЭ) «Человеческий капитал российских профессионалов и динамика их субъективного благополучия» рассматривал социальную мобильность профессионалов по панельным данным РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2014–2018 гг. Главный результат анализа заключается в том, что большая часть ответственных профессионалов пребывает в своих стратах (по критериям доходов, жизненных шансов/рисков и субъективному благополучию) стабильно. Российские профессионалы до сих пор не застрахованы от рисков хронической бедности или депривированности, хотя это – все же редкое для них явление. В то же время есть высокая корреляция между положением в стратах и уровнем ЧК, определяемого по полученному образованию. Так, если в среднем по стране 51% профессионалов имеет высокое качество общечеловеческого капитала, то в верхней страте (среди устойчиво привилегированных) – 3/4, а в нижней страте (среди устойчиво депривированных) – лишь чуть больше 1/4. Наличие высшего образования не только у самого профессионала, но и у обоих его родителей очень хорошо коррелирует с попаданием в число устойчиво привилегированных, а в бедность чаще скатываются те, у кого хуже ЧК. Таким образом, чем выше человеческий капитал профессионала, тем больше шансов, что он будет застрахован от жизненных рисков, что его жизнь будет благополучнее большинства россиян. Но на доходы и на мобильность по доходам до сих пор очень сильно влияет иждивенческая нагрузка и поселенческие неравенства, которые на себя стягивают все другие виды неравенств.

Как видно, материалы разных докладов на этой секции во многом дополняли друг друга, создавая комплексный – во многом объективно противоречивый – образ современного российского профессионала и его человеческих ресурсов. Обсуждение показало, что современные российские профессионалы пока все еще гораздо ближе к наемным работникам индустриальной эпохи, чем к «постиндустриалам», для которых главным становится самовыражение, а не заработок. Личные качества действительно уже становятся важным фактором материального благосостояния и социального самочувствия представителей этой социальной группы, но наблюдаемые тенденции изменения ЧК свидетельствуют, что говорить о превращении российских профессионалов в новый класс (пусть даже незрелый – «класс-в-себе») еще рано. Этот вывод важен для понимания реальности «посткапитализма», ростки которого в современной России есть, однако для их расцвета потребуется явно не одно десятилетие.

Ю.В. ЛАТОВ

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (latov@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250021399-1

HUMAN CAPITAL IN THE CONDITIONS OF NEW CHALLENGES (a section at the XII Grushin conference)

Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

Размышления над новой книгой

© 2022 г.

С.Ю. ДЕМИДЕНКО

ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ? (о книге А.В. Шипилова)

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (demidsu@yandex.ru).

Аннотация. Обсуждаются основные положения книги А.В. Шипилова «До и после современности». Показаны ключевые моменты, на которые опирается автор в суждениях о современности, сравнивая ее с периодом премодерна. Оригинальность книги в том, что автор обобщает ряд современных концепций в попытке доказать новый виток развития человечества, задавая главным вопросом – это путь в прошлое? Несмотря на реферативность монографии, отмечаются ее положительные качества, позволяющие задуматься о процессах в современном обществе, особенно в молодежной когорте, – группе, наиболее подверженной изменениям.

Ключевые слова: постмодерн • премодерн • социологизм • историзм • образования • междисциплинарные исследования • молодежь

DOI: 10.31857/S013216250022082-3

Название рецензируемой монографии [Шипилов, 2022] привлекает внимание и указывает фокус исследования. Задаваясь проблематикой будущего, автор обращается к антропологии прошлого, полагая, что «понимание происходящего следствием предшествующего и причиной последующего безвозвратно покидает аудиторию» (с. 8). Автор пишет, что на смену историческому мышлению приходит «практический мифологический способ мышления», характерный для подрастающего поколения. Современные студенты не мыслят «причинно-следственными сопряжениями, последующее для них не вытекает из предыдущего» (с. 8). И эта новая нормальность постепенно превращается в нормативность. Причины этого А.В. Шипилов предлагает искать в том, что именно происходит с современным обществом. Насколько удался автору социологический анализ современных трендов, направляющих социальное развитие «вперед в прошлое», к обществу «первобытных охотников и собирателей» (с. 9)? Проследим за смелыми аналогиями автора – между «постмодерном и премодерном, между постисторией и преисторией».

Оригинальность идеи – в противопоставлении современности (постмодерн) не модерну, как это принято, а премодерну, обществу охотников/собирателей, – в названии книги удачно раскрыто ее содержание. Автор довольно долго шел к настоящей монографии. Его статьи, в том числе в СоцИсе, тому подтверждение. В них он рассматривал некоторые грани изучаемой проблемы: деисторизацию и ремифологизацию общественного сознания; труд и отношение к нему; презентизм; вещь, собственность и мобильность до и после современности и пр.

Автор вопрошает: «Не станет ли эпоха конца истории подобием того, что было до ее начала?» (с. 224). Конечно, вопрос не связан с полемикой между Ф. Фукуямой и С. Хантингтоном в 1990-х гг., они мыслили скорее в геополитическом масштабе, тогда как А.В. Шипилов размышляет в ином ключе. Рецензируемая книга – пример междисциплинарности (столь модной в последнее время). Автор, будучи культурологом, объединяет

предметные поля ряда социальных дисциплин: культурологии, социологии, этнографии, антропологии, включая социальную и культурную, историю.

В работе рассмотрены четыре взаимосвязанных аспекта существования обществ – премодерна и постмодерна, описанных в четырех главах.

В первой «Труд, досуг, социальность», ссылаясь на нашумевшие в свое время книги исследователей (западных – Ф. Фукуямы, Т. Пикетти, Г. Стэндинга, Д. Гребера, Дж. Рифкина, К. Шваба, Дж. Урри и др., отечественных – Л.Г. Фишмана, В.С. Мартыанова и Д.А. Давыдова, Т.Ю. Сидориной и др.), автор показывает, как происходит изменение структуры общества (прежде всего уменьшение пролетариата развитых стран), как с ростом производства происходит не увеличение, а снижение занятости, и не только в индустриальном секторе (с. 14). И если в конце XX – начале XXI в. прогнозы о том, что исчезновение массовой занятости приведет к «миру без труда», казались далекими от реальности, то сейчас мы наблюдаем нарастающую тенденцию к гибким формам занятости. И причина не только в роботизации и внедрении новых технологий. Сам человек все меньше мыслит себя приверженцем одного места работы и одной профессии. Происходит размывание границ между рабочим местом, домом и общественными местами, о чем писали З. Бауман и Г. Стэндинг, это приводит к поглощению работой всего свободного времени. Разграничить рабочее и нерабочее время при гибких формах занятости становится все сложнее. Досуг сегодня понимается уже не как остаток времени от работы, а «не-работа» – деятельность, не связанная с зарабатыванием (с. 19). Часто это затрачиваемое время сопрягается с развитием компетенций, необходимых для формирования себя как профессионала и уникального работника. При этом различие между ними именно контекстуально, а не предметно. В качестве труда могут выступать и общение, и познание; они же могут быть досугом. Однако потеря границ работы приводит к потере качественного свободного времени, потому что человек в любое время должен быть готов к работе, дабы удовлетворять «потребителя своего труда».

А.В. Шипилов поддерживает концепцию посттрудового общества и стремление к большому досугу, видя здесь немалый «эвристический потенциал» (с. 22). Логика анализа приводит автора к рассмотрению возможностей так называемого рентного общества. Несмотря на утопичность проекта безусловного базового дохода, автор соглашается с рядом исследователей, что вряд ли он будет введен единовременно, повсеместно и в большом размере. Скорее это будут небольшие выплаты, дополняемые другими мерами социальной поддержки, что вполне ожидаемо, так как для удовлетворения потребностей требуется труд уже не 9/10, а 1/10 населения. Однако все это приводит к определенному пессимизму, вызывая вопросы о бессмысленном паразитизме, саморазрушением человека, о новой этике, о том, чем и как занять людей, которым работа не нужна.

Поэтому автор задает вопросы: действительно ли человеку разумному «невесело живется без работы», естественно ли для него трудиться и считать труд ценностью? Вопрос закономерен. Отвечая на него, он углубляется во времена античности, показывая, что основополагающий античный постулат гласил: труд унижает человека, лишает его достоинства и мудрости, препятствует полноте блага/бытия. Иначе говоря, свойственен не гражданину, а рабу. Т.е. наемный труд – путь неполноценный, зависимый и осуждаемый общей моралью, транслируемой аристократией. Делая небольшой экскурс в историю, автор показывает, что отношение к труду в доиндустриальный период характеризовалось в основном как негативное. Он описывает доаграрное общество как общество изобилия, отмечая, что благами и дарами природы собиратели (фуражеры) пользовались, не воспринимая это как тяжкий труд. Мало того, эти занятия занимали малую часть времени, остаток времени проводился в общении. По сути: «трудовая деятельность приобрела высокий этический и аксиологический статус только в эпоху капиталистического модерна» (с. 30). Обобщая исследования антропологов, он подводит к мысли о том, что социальность естественна для человека (как и для приматов), а труд – нет (с. 76). «Меньше работать и больше общаться» может стать девизом не только доаграрной эпохи, но

и постиндустриальной (посттрудо­вой), – вывод, к которому приходит автор. Но не путает ли он труд и наемный труд, это разные вещи.

Сегодня труд приобретает новое об­ли­чие. Мы наблюдаем «общество ви­до­из­мен­ного труда» (Ж.Т. Тощенко). Осо­бенно эти изменения проявляются в группе молодежи, где кристаллизуются тренды и формируется отношение к труду, отличное от поколений родителей и пра­ро­ди­те­лей. Им в большей степени свойственно нелинейное развитие карьеры, работа в проектно­м ре­жи­ме, смена профессий и мест работы, не страшат неформальная занятость и периоды без работы. «Борьба за внимание» (Д.А. Давыдов), расширение социальных связей, коммуникаций, наработка социального капитала – все это характерно для молодежи.

А.В. Шипилов подытоживает: «...биологически естественное для человека состояние, в котором трудовая деятельность служит не более чем средством, подчиненным цели производства/воспроизводства социальности, характеризует как общество доаграрного прошлого, так и общество послеиндустриального будущего – будущего, на наших глазах становящегося настоящим» (с. 77). Возникает вопрос: как это может соотноситься с положением Маркса о сознательной и целенаправленной деятельности человека, которая является необходимым условием существования общества? Или с тезисом о порождении новых потребностей при удовлетворении предшествующих? Ведь по Марксу именно «порождение новых потребностей является первым историческим актом» [Маркс, Энгельс, 1966: 27]. Неужели общество настолько деградирует, что потребности человека ограничиваются? Либо они, напротив, выходят за рамки материального и приобретают духовный характер? Однако наблюдаем ли мы увеличение уровня культуры в обществе? В.Я. Фетисов пишет: «Особенность сознательной целенаправленной деятельности в том, что она содержит потенциальные возможности возвышения потребностей, уровня и качества жизни. Полученные результаты на одном этапе трансформируются при определенных условиях в новые свойства индивидов и общностей как субъектов, становясь источником более зрелой формы жизнедеятельности» [Фетисов, 2022: 17]. Но по логике автора рецензируемой книги эта цепочка прерывается, и мы наблюдаем поворот назад. Конечно, есть сомнение в тезисе о линейном развитии общества, возможны периоды деградации и упадка, потери уровня и качества жизни. Такие циклы фиксируются в развитии общества, в пример можно привести исследования Н.И. Лапина, который в своем последнем труде анализировал атропосоциокультурные подъемы и травмы в российском обществе [Лапин, 2021]. Такая концепция исторического пульсара, возможно, была бы применима и здесь, как и сам антропосоциокультурный подход, где анализируется не только социальная, но и антропная (человеческая) и культурная компоненты.

Скорее всего, Шипилов ведет речь о сущностном изменении понятия качества жизни. Во второй главе он останавливается на важных тенденциях современного общества, на специфике организации производства вещей и владения ими, на особенностях потребления, на влиянии усиливающейся мобильности на эти процессы. Автор подчеркивает, что социальная эволюция всегда связывалась с разделением труда, а сейчас «можно говорить о социальной инволюции, связанной с объединением труда»: речь идет и об обмене, где происходит «вымывание институциональных посредников между производителем и потребителем», и о производстве, которое «демонстрирует тенденцию к превращению в нечто структурно подобное доиндустриальному ремеслу и домашнему промыслу» (с. 93). И если общество изобилия в доаграрной экономике было таковым из-за недопроизводства и низкого уровня потребностей, то в постиндустриальной – в силу перепроизводства (с. 95). В первом случае потребление ограничено, во втором – производство безгранично. Однако это утверждение подлежит уточнению: как в период собирательства и охоты экосистема нарушалась, исчезали многие виды флоры и фауны (автор об этом подробно рассказывает в первой части), так в постиндустриальную эпоху производство ограничено ресурсами (людскими, природными, технологиями и пр.) и экологией.

Шпилов пытается проследить аналогии в отношении к собственности у фуражерского сообщества и современного общества, прежде всего говоря о высокой степени мобильности, о стремлении двигаться даже тогда, когда в этом нет необходимости, но есть психологическая потребность в движении, в перемене обстановки. Сейчас, когда люди все больше живут за счет ренты, но «не природной, а робоцифровой», где «шеринг удобнее собственности», мобильность как взаимосвязанный с этим процесс также становится более распространенной (с. 124). При этом подчеркивается: ограниченная мобильность может быть маркером «низкого общественного положения, отчуждения и дискриминированности» (с. 126).

Автор не забывает упомянуть и о цифровых кочевниках, цифровом профиле человека и возможности работать из любой точки мира, т.е. речь идет прежде всего о цифровых номадах. И хотя ковидная реальность внесла коррективы и ограничения в мобильность, мы наблюдаем так называемый постковидный синдром, выраженный в увеличении значимости удаленных мест работы, цифровизации, применении разных платформ (типа Zoom) для обучения, работы и общения группами. Изоляционные меры привели к тому, что работающие люди погрузились в мир не новой, а старой нормальности, когда не происходило дифференциации между трудом и отдыхом, а их регулирование связано было не с трудовым законодательством, а с временами года и/или церковным календарем (с. 130). Работа дома до индустриальной революции была нормой: жили, где трудились; трудились, где жили. И цифровая революция, по мнению Шпилова, – это контрреволюция, возвращение туда, откуда пришли (с. 131).

Остановимся на этом. Да, можно согласиться с тем, что мобильность отражает и технологическое развитие общества. О мобильном повороте писали довольно много, в том числе в СоцИсе (см., напр., переводы Дж. Урри (2013), М. Шеллер (2016)). Если недавно номадизм был скорее андеграундным течением, сегодня он становится мейнстримом, по мнению автора книги. Современный «кочевник» часто меняет работу, место жительства, партнеров, он в пути и неукоренен, пребывает в движении и самоопределении. Поэтому не связывает себя с вещами и собственностью, которые могут ограничивать передвижения. Но не преувеличивает ли Шпилов тенденцию? Не характерна ли она только для некой части людей, склонных к переменам, для молодежи, не обремененной детьми и обязательствами? Ведь большинство часть граждан по-прежнему не хотят расставаться с собственностью и склонны к накопительству. Только выражается это уже в другом: добро хранят не в сундуках с приданым, а в акциях и на счетах, а собственность ценна в виде недвижимости и земли. Не является ли такая мысль автора утопичной? Так, в период становления советского общества практиковались дома-коммуны с общими пространствами, предполагалось, что обедать, проводить досуг и пр. жители будут вместе, как и совместно владеть некой собственностью. Но такая практика не прижилась. По воспоминаниям жителей таких домов, эйфория быстро проходила, хотелось уединиться и иметь свое пространство, готовить отдельно, иметь собственную посуду и пр. Мобильный поворот несомненен, но все же не стоит преувеличивать его вес, особенно сегодня в период глобальных мировых перемен, реальных осложнений в передвижениях, ограничениях.

Глава «Общество, индивид, мышление» – одна из наиболее интересных для социологов. Здесь автор останавливается на вопросах трансформации личности в разных типах общества, конечно же, сравнивая доаграрное общество с современным. Поднимаются вопросы изменения форм образования, связанные в том числе с процессами его виртуализации.

Автор, следуя за мыслью Баумана о текучей современности, показывает неустойчивость мира – «движение от пространственной структурности к временной изменчивости», полагая, что «сегодня социальное выглядит более бытийным» (с. 142). Он констатирует смерть социологического реализма, так как само общество перестало быть вещью, а произошедшая в социальных науках деэссенциализация/деэнтетизация отчетливо проявляется в метафорике «сети», и речь идет уже о структурах межиндивидуальных

и межгрупповых интеракций. Именно такая функция сетей, как спонтанная самоорганизация, естественна для нашего вида, и на взгляд автора, отвечает генетической способности и потребности человека в объединении и взаимодействии с себе подобными. Поэтому акторно-сетевая теория (Б. Латур) актуальна для описания сегодняшнего мира. Общество и индивид являются результатом сетевой коммуникации, и потоки, образующиеся в результате этого, противостоят структурам, охватывая все и проникая везде. Т.е. «сети производят, связывают и структурируют потоки, сами состоя из последних» (с. 148). Однако этот же подход автор считает вполне приемлемым для дотрадиционной современности, так как общество охотников и собирателей тоже имеет сетевой характер. Это настоящий пример текуче-сетевой социальности, хотя более приемлемым концептом для описания общества фуражеров он считает «поток», именно он отражает не только территориальную и социальную подвижность, но и изменчивость, гибкость мировоззренческих категорий и религиозно-мифологических представлений.

Еще один важный момент размышлений автора – сопоставление типов личности в разных обществах. Конечно, речь идет об универсальности. Он подчеркивает, что фуражер как индивид не существует вне своего общества, лишен единичности и единственности, его самость пропитана самостью соплеменников в отличие от индивидуумов современности, которых в большей степени отличают уникальность и индивидуальность. Поэтому он полагает, что противопоставление дивидов индивидам эвристично (с. 164); на смену традиции индивидуальности, к которой западная цивилизация шла не одно столетие, «спешит новая нормальность», когда в сетевом обществе происходит *дивидуализация* индивида. Впрочем, о множественности идентичности, фрагментированности, тиражировании личности, существовании вне границ своего тела и пр. писали многие исследователи, в том числе с позиций нетократии и анализа классовой структуры. Но автор обращает внимание, что размышления о «человеке делимом» интересны, и смена индивида на *дивида* если еще не факт, то тенденция, также обозначающая путь в прошлое. При том что у современного человека тип мышления характеризуется неомифологизмом: вещи и события связываются не причинно-следственно, а партиципацией (со-причастностью). Такое пралогическое мышление мы можем наблюдать в разговорах блогеров в чат-рулетке с жителями Украины (см., например, ютуб-каналы «В чем сила брат», «Колхоз – дело добровольное» и др). Конечно, сообщество чат-рулетки своеобразно. Но неумение следовать логике в рассуждениях, проверять факты, видеть первопричины событий, подмена реальных событий вымышленными, бесконечные ссылки на истории «знакомых знакомых» и дальних родственников, игнорирование реальности, не укладывающейся в картину мира индивида, и пр. отсылает нас к мысли о незрелом мышлении, мышлении ребенка, которое наблюдается у поколения миллениалов и зумеров. О подобных проблемах заявляют преподаватели высшей школы, описывая изменения в восприятии информации современными студентами [Радаев, 2022]. Впрочем, социализировавшиеся в другой среде взрослые также не могут порою избежать навязанных медиа мифов, что представляет серьезную проблему манипулирования сознанием.

Шипилов видит причину ремифологизации индивидуального мышления и общественного сознания в развитии технологий, прежде всего телекоммуникационных. С этим не поспоришь. В условиях «коммуникационной тотальности» и «информационного профицита» человек превращается «в подобие приемо-передаточных устройств», часто не способен из потока информации вычленить основное и выстроить логическую цепочку. Знания формируются из обрывков информации, создавая паратактивно-аддитивную мозаику непрерывно меняющейся информации, что слабо соотносится с научно-рациональной картиной мира. В эпоху постсовременности мышление претерпевает те же изменения, что и личность, и общество, приходя в состояние, аналогичное существовавшему до неолитической революции: «...история, начавшаяся преодолением мифа, заканчивается мифом, преодолевающим историю» (с. 179).

Далее Шипилов предлагает нам размышления об историзме, темпоральности и презентизме. Вопросы социального времени важны для анализа общественных процессов и являются одними из ключевых в макросоциологии. Автор рассматривает феномен социального времени, безусловно, зависящий от типа общества и являющийся атрибутом/предикатом событий и действий, значимых для этого общества (с. 190). В принципе, восприятие времени у фуражеров, аграриев, индустриалов и современников определяется прежде всего типом хозяйствования, а хозяйство – экологией. И если аграрное время – природно-циклическое, то с развитием индустриального общества оно заменилось «бюрократическим формальным». Однако автор подчеркивает, что в период премодерна человек «жил в тотальном настоящем», и эта темпоральность именуется презентизмом. Постиндустриальная же темпоральность, по его мнению, вновь уподобляется первобытной, прежде всего благодаря развитию цифровых технологий. Происходит минимизация хронологической дистанции между людьми, корпорациями, государствами. «Мир интенсивного настоящего», «тотальное сейчас», когда поток событий не образует целостность, цикличность, и время имеет сетевой характер без прошлого и будущего. Появление новой темпоральности связано с изменением трудовой сферы, когда на смену тейлоризму пришел постфордизм, современная организация труда все больше характеризуется нестандартной занятостью, а работа приобретает креативно-проектный характер, ориентированный не на временные рамки, а на достижение, прежде всего, цели. Этот процесс влияет и на способность воспринимать общественные изменения во времени, формируя аисторичность мышления. Уточню: у автора история – «тип понимания событийности, когда настоящее рассматривается как следствие прошлого и причина будущего, базирующийся на линейно-векторной концепции времени», а неистория – «взаимно аналогичные до- и послесовременные способы мышления темпорального как неограниченно лонгируемой презентности, производные от восприятия времени как лишённого перспективы и ретроспективы безначально-бесконечного дления» (с. 222). По этим основаниям Шипилов считает современное общество схожим с доаграрным, при этом отмечая: наш мир не тождественен фуражерской архаике, но в определенном смысле эквивалентен ей (с. 224).

Такова общая логика авторских рассуждений. Взаимосвязь человека и общества – основа книги. О том, что мир вступил в эпоху глобальной бифуркации, пишут давно. Некоторые исследователи говорили о процессе перехода современного мира в глобальное и гибридное состояние в результате Четвертой промышленной революции [Яницкий, 2019], когда само будущее капитализма ставилось под сомнение [Есть ли будущее у капитализма, 2015]. Рисуется бифуркационные сценарии, включая ядерную катастрофу [Ельчанинов, 2022]. В чем же новизна подхода автора?

Возможно, эвристичность этой книги как раз в попытке обосновать «возвращение в прошлое», что само по себе ценно, особенно учитывая внушительный список изученных материалов. В целом монография представляет обширный обзор современных концепций и исследований – современного капиталистического общества (постмодернити), так и архаических обществ, будь то исследования племен, живущих в современности, либо исторически ушедшие эпохи собирателей, кочевников. И хотя автор последовательно раскрывает свою идею, монографии не хватило концептуального обобщения. Идет ли человечество назад в прошлое? Процессы, описанные в книге, деструктивны по характеру, или это этап развития? Это социальная зрелость общества? Вряд ли. Думается, что возврата к прошлому быть не может, но ответа на этот главный вопрос в книге нет. Однако сама постановка вопросов также важна.

Еще одно замечание касается уровня обобщений, свойственного многим макроконцепциям. Полотно современной жизни, которую пытается описать автор, содержит детали, которые при таком подходе могут ускользать. Шипилов, ссылаясь на современных авторов, ухватывает важные тенденции, забывая упомянуть, что мир разнообразен настолько, что в нем сосуществуют разные уровни. (Это примерно как у Н. Зубаревич, четыре разные России.) Такой социологизм интересен как попытка построения нового взгляда

на историю развития общества. Исследования индивидуальных действий и отношений, избытком которых грешит современная социология, ведут к атомизации знания, может, поэтому автор старается избегать этого подхода?

И в заключение. Вы не обращали внимание на то, что полки с книгами по социологии и антропологии в книжных магазинах заметно меньше, чем, например, по психологии и философии? И на них стоят порою скучнейшие книги и второсортные учебники. Изучать общество, наблюдать за его изменениями интересно многим, но почему-то так называемый научпоп в этом направлении в России развивается недостаточно. Не хочу принизить эту книгу, рекомендуя ее как научно-популярную, напротив, это ее достоинство. Собрать и аккумулировать знания о современности, добавив авторский фокус, – большая работа. Заставить задуматься о мире, окружающем нас сегодня, и о прошлом, сравнить эти представления – упражнение и для зрелых ученых, и для ищущих людей, избравших иной профессиональный путь. Думаю, она найдет свое место на книжных полках и тех и других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ельчанинов М.С. Эпоха глобальной бифуркации: планетарные проблемы и исторические альтернативы // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 124–135. DOI: 10.31857/S013216250018466-5.
- Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Институт Гайдара, 2015.
- Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021.
- Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М.: Политиздат, 1966.
- Радаев В.В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 114–124.
- Фетисов В.Я. Контурь диагноза для социологии // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 14–28.
- Шипилов А.В. До и после современности. М.: Прогресс-Традиция, 2022. 240 с.
- Яницкий О.Н. Глобализация и гибридизация: к новому социальному порядку // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 8–18. DOI: 10.31857/S013216250006132-8.

FORWARD TO THE PAST? (about A.V. Shipilov's book)

DEMIDENKO S.Yu.

The Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, The Institute of Sociology FCTAS RAS; Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities; Executive Secretary (editor) of the journal "Sociological studies", Moscow, Russia (demidsu@yandex.ru).

Abstract. Abstract. The article discusses the main provisions of the book "Before and After Modernity" by A.V. Shipilov. The author focuses on such topics as changes in the sphere of work and leisure, attitude to property, mobility, transformation of sociality and interactions of individuals, which affect the formation of thinking. He reflects also about temporality and historicism. Revealing these essential points, the author compares current trends with the pre-modern period. Shipilov asks: aren't we moving back into the past? "Won't the era of the end of history resemble what it was before it began?" Hence originality of the book, although the very idea of "turning backward" is quite controversial. Shipilov's research is interdisciplinary, but conceptual conclusions do not follow from it. Despite abstract nature of the monograph, its positive qualities are noted, which make us think about the processes in modern society, especially in the youth cohort, the group most susceptible to change.

Keywords: post-modern • pre-modern • sociologism • historicism • education • interdisciplinary research • youth

REFERENCES

- Yelchaninov M.S. (2022) The epoch of global bifurcation: planetary problems and historical alternatives. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 4: 124–135. DOI: 10.31857/S013216250018466-5.
- Does capitalism have a future?* Collection of articles (2015) / Trans. from English, edited by G. Derlugyan. Moscow: Gaidar Institute.
- Lapin N.I. (2021) *The complexity of the formation of a new Russia. Anthroposociocultural approach*. Moscow: The Whole World.
- Marx K., Engels F. (1966) *Feuerbach*. The opposite of materialistic and idealistic views (New publication of the first chapter of "German Ideology"). Moscow: Politizdat.
- Radaev V.V. (2022) Crisis in modern teaching: what exactly went wrong? *Sociologicheskie issledovaniya*. [Sociological research]. No. 6: 114–124.
- Fetisov V.Ya. (2022) Contours of diagnosis for sociology. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 9: 14–28.
- Shipilov A.V. (2022) *Before and after modernity*. Moscow: Progress-Tradition.
- Yanitsky O.N. (2019) Globalization and hybridization: towards a new social order. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 8: 8–18. DOI 10.31857/S013216250006132-8.

КУСЕИНУ ИСАЕВИЧУ ИСАЕВУ – 85 лет

7 сентября социологическая общественность Кыргызстана отмечает юбилей доктора философских наук, профессора, академика Социальной и гуманитарной академии РФ, Народного учителя Кыргызской Республики, патриарха кыргызской социологии Кусейна Исаевича Исаева.

Трудовая деятельность К.И. Исаева тесно связана как с научно-исследовательской, так и профессорско-преподавательской работой. Подготовкой студентов и научно-педагогических кадров он занимался в Кыргызском национальном университете им. Ж. Баласагына (КНУ), Кыргызском государственном техническом университете им. И. Раззакова (КГТУ), Бишкекском

государственном университете им. К. Карасаева (БГУ) и Кыргызско-турецком университете (КТУ) «Манас», в библиотеки которых он передал более 3000 научных журналов и книг из личного архива. Подготовил трех докторов и более 40 кандидатов философских, социологических и политических наук.

На заре становления социологии в Кыргызстане профессор Исаев заведовал кафедрой «Социологии и инженерной психологии» во Фрунзенском политехническом институте (ныне КГТУ). В 1992 г. в БГУ он создает кафедру социологии, которая под его руководством расширяется до факультета «Управления и социология», и становится деканом этого факультета, а затем руководителем направления «Социология» в КТУ «Манас».

К.И. Исаев внес значительный вклад в развитие исследований села (изучение индустриализации сельскохозяйственного производства, электрификации сельской жизни, качества жизни сельян). Немаловажными являються его исследования в области демографических процессов в Кыргызстане, проблем внутренней миграции и роста сельского населения в городах, социального развития, социально-классовой структуры, индустриальной культуры, приобщения кыргызов к промышленному производству, адаптации сельских жителей в городах; освоения инженерных профессий сельскими кыргызами и многие другие.

После распада СССР Кусейн Исаевич был сфокусирован на поиске исторического места теперь уже независимой Кыргызской Республики в мировом сообществе, проблемах развития демократии, влиянии историко-культурной традиции и духовности на кыргызское общество, а также специфике формирования и становления элиты, правового государства, формировании гражданского общества и президентской власти. Он концептуально обосновал формирование «гражданской нации», что нашло отражение в утвержденной в 2020 г. Указом президента Кыргызской Республики «Концепции развития гражданской идентичности – Кыргыз Жараны в Кыргызской Республике на период 2021–2026 годы».

Итогом изысканий профессора Исаева стало его богатое научное наследие: более 70 монографий и свыше 400 научных статей.

Начиная с 1978 г. он был членом редакционной коллегии журнала КП Киргизии «Коммунист», а с 1982 г. – журнала Министерства высшего и средне-специального образования СССР «Научный коммунизм». С 1974 г. был членом Ученого совета по экономике, с 1976 г. – Ученого совета по социально-политическим наукам АН СССР. Член Международного редакционного совета журнала «Социологические исследования».

Кусейн Исаевич был награжден медалью «За доблестный труд» (СССР), Грамотой Министерства высшего и среднеспециального образования СССР, отличник народного

просвещения Киргизии, награжден Почетной грамотой Верховного совета Киргизской ССР и нагрудным знаком «За отличные успехи в работе» Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Указом президента Кыргызской Республики удостоен почетного государственного звания «Народный учитель Кыргызской Республики».

В 1990 г. К. Исаев основал и возглавил Общество социологов Кыргызстана, впоследствии преобразованного в Социологическую ассоциацию Кыргызстана, президентом которой он является по сей день. Он активно представляет кыргызскую социологию в различных международных объединениях и собраниях бывшего СССР, является вице-президентом Содружества социологической ассоциации СНГ, сопresidentом Ассоциации социологов Евразии, соучредителем Европейского стратегического общества опросных исследований и других.

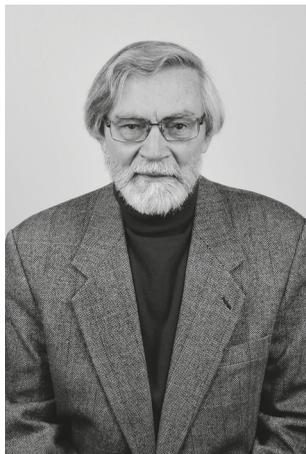
Профессор Исаев участник многих международных конференций и научных симпозиумов, среди которых: XIV Всемирный социологический конгресс «Социальное знание: наследие, вызовы, перспективы» (Монреаль, Канада, 1998), XV Всемирный социологический конгресс «Социальный мир в XXI в.: амбивалентные наследия и растущие вызовы» (Брисбен, Австралия, 2002), XXXVI Конгресс Международного института социологии «Социальные изменения в эру глобализации» (Пекин, Китай, 2004), XVI Всемирный социологический конгресс «Качество социального существования в глобализующемся мире» (Дурбан, ЮАР, 2006), XVII Всемирный социологический конгресс «Социология на марше» (Гёттеборг, Швеция, 2010), IX Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций» (о. Родос, Греция, 2011), XVIII Всемирный конгресс социологов (Йокогама, Япония, 2014), а также принял активное участие в подготовке и проведении Всемирных игр кочевников – международные спортивные состязания по этническим видам спорта, в основу которых легли народные игры исторически кочевых народов Центральной Азии (Чолпон-Ата, Кыргызстан).

Кусеин Исаевич – неустанный труженик науки, знаток своего дела, наставник, высококонрастный, объективный и справедливый, говорящий правду в глаза, несмотря на чины и привилегии. Он и сегодня продолжает использовать свой творческий потенциал, свои знания, силу и опыт для развития и процветания Кыргызстана.

Социологи Кыргызстана поздравляют Кусеина Исаевича со знаменательной датой и желают ему крепкого здоровья и как говорят кыргызы: «Ийгилигиңиздин убайын көрүңүз» Кусеин Исаевич! («Пусть получает радость и счастье от достигнутого в жизни!»)

Друзья, коллеги, ученики

БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ МИРОНОВУ – 80!

В сентябре этого года юбилей постоянного, успешного автора и большого друга, помощника журнала в его функциях зеркала, рупора и мотора отечественной социологии Бориса Николаевича Миронова.

Борис Николаевич родился 21 сентября 1942 г. в городе Маркс Саратовской области. В 1959 г. окончил среднюю школу № 6 г. Ставрополя с золотой медалью и поступил на экономический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ) на отделение политической экономии. После второго курса был отчислен за антимарксистские взгляды. В том же году ректором ЛГУ А.Д. Александровым был восстановлен студентом исторического факультета ЛГУ, который окончил в 1965 г. с отличием. В 1965–1966 гг. проходил службу в рядах Вооруженных сил СССР. В 1966–1969 гг. учился в аспирантуре Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) АН СССР. В 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию «Хлебные цены в России XVIII века», в 1983 г. – докторскую («Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX века»). В 1987 г. присвоено ученое звание старшего научного сотрудника, а в 1990 г. – профессора. С 1970 по 2016 г. работал в ЛО ИИ СССР АН СССР (с 2000 г. – СПбИИ РАН), начав младшим научным сотрудником и дойдя до главного научного сотрудника (с 2009 г.). По совместительству преподавал на историческом факультетах ЛГУ (СПбГУ), РГПУ им. А.И. Герцена. В период 1993–2003 гг. преподавал в университетах Канады, США, Франции, Германии и Японии.

Борис Николаевич по научной «профессии» – историк, специализирующийся в области социальной истории России нового времени. Такой профиль дисциплинарной приверженности невольно заставит постоянно и настойчиво проникать в сущность социальной составляющей истории нашей страны, чем занимается и социологическая наука в применении к социальной действительности – текущей, современной (постоянно при этом наталкиваясь на «следы» истории, прошлого). Нетрудно заключить из этого обстоятельства, по каким причинам Борис Николаевич оказался – с самого начала своего творческого пути историка – стоящим перед задачей постижения и использования возможностей социологии, направлений, форм и методов взаимодействия историка с данными социологии, с ее исследовательским инструментарием изучения социальной реальности прошлого.

Свидетельством такого шага ученого и важности его в карьере Бориса Николаевича стала его небольшая по размеру, но глубокая по содержанию и проникновению в предмет поиска книга «Историк и социология» (1984). Представления о базовых координатах формирования Б. Миронова как крупного историка дополняют его публикации, на этом же отрезке научной «траектории» демонстрирующие его стремление а) математически точно – как и в социологии – доказывать и аргументировать позицию, б) считать свою исследовательскую работу частью противоречивого, конфликтного развития исторической науки своей страны и всего мира, в) уверенно ориентироваться в текущей ситуации в дисциплинарной области своих исследований, видеть современную науку в ее прошлом и настоящем, в перспективе будущих очертаний.

Имя Миронова часто связывают с клиометрией, но не меньше оснований видеть его связь с социологией, политической наукой, исследованиями экономики, религиоведением, науками о войне и военном деле, культурологией, этнологией и т.д. Путь Миронова в науке – хорошая иллюстрация к словам Маркса из «18-го Брюмера»: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготееют, как кошмар, над умами

живых». Он мощно прокладывает свой путь, порой вопреки «традициям». Пусть кошмар тяготеет над теми, кто Миронова опровергал, – мяч на их площадке.

Но мы не станем «рецензировать» обстоятельства и тем более детали становления Бориса Николаевича как крупного современного специалиста по социальной истории России нового времени. Нам он близок и ценен как постоянный, интересный, важный автор нашего журнала, по мере своих сил и возможностей помогающий журналу, откликающийся на наши поиски и нужды. Так было с откликами на первое издание его «Социальной истории России» в конце 1990-х гг., с усилиями по консолидации ученых, могущих двинуть вперед развитие исторической социологии, с осмыслением таких ключевых для нашей истории страны процессов и событий, как «лаг» модернизации нашей страны по отношению к Европе, развал СССР, с постижением смыслов исторических процессов в российском обществе последних сто- и десятилетий, экспертизой поступающих в наше журнал материалов, авторы которых работают на стыке истории и социологии.

Многие лета, Борис Николаевич!

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

Редсовет, редколлегия и редакция журнала «Социологические исследования» присоединяются к поздравлениям и желают здоровья, научного долголетия и жизненных сил.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2022. Т. 28)

- № 2.** *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Человек уважаемый: динамика и особенности самоидентификации, 1994–2020 гг.; *Морев М.В.* Социальное здоровье российского общества в динамике показателей демографической и криминальной статистики; *Синявская О.В., Червякова А.А., Горват Е.С.* Анализ факторов выхода с рынка труда в возрасте 45 лет и старше в России: роль характеристик занятости, смены работы и получения образования; *Земцов А.О.* Выбор между демократией и авторитарным правлением в сознании жителей посткоммунистических стран: его факторы и динамика; *Гринин Л.Е. и др.* Умрет ли капитализм? Размышления о капитализме прошлого, настоящего и будущего; *Головин Н.А. П.А.* Сорокин и Л. фон Визе: к публикации избранной деловой и дружеской корреспонденции социологов (1945–1966); *Головин Н.А.* Избранная деловая и дружеская переписка социологов П.А. Сорокина и Л. фон Визе (1945–1949 гг.).

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2022. Т. 31)

- № 3.** *Иванова Н.И. и др.* Круглый стол по обсуждению статьи А.А. Яковлева «Куда идет глобальный капитализм?»; *Плискевич Н.М.* Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации; *Савченко А.Е.* Дальневосточная политика как проблема построения развивающегося государства; *Бляхер Л.Е., Григоричев К.В., Пешков И.О.* Управление пустотой, или особенности властных отношений на межселенных территориях; *Тартаковская И.Н.* Изменение практик в ситуации пандемии: стратегии совладания с кризисом; *Галкин К.А.* Особенности мотивации молодых сельских врачей: контекст COVID-19; *Куренной В.А., Сувалко А.С.* Художественные ремесла в эпоху технической воспроизводимости: случай русской дымковской игрушки.

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

(2022. Т. 25)

- № 2.** *Вагнер П.* Прогресс и модернность: проблема автономии; *Акопов С.* Цивилизационная модель и особенности идентификации индивидов с макрополитическими сообществами (к проблеме суверенитета); *Браславский Р.* Эволюция концепции цивилизации в социоисторической науке в конце XVIII – начале XX века; *Титаренко Л.* Восточноазиатский модерн в цивилизационной концепции Арнасона; *Старцев С., Рождественская Е.* Как уходят в альтернативную медицину: кризис доверия в коммуникации врача и онкопациента; *Глухова М.* Конструирование депрессии в зарубежном социологическом дискурсе: от «психиатрического объекта» к голосу субъекта; *Бедерсон В.* Московских окон негасимый свет: коммуникационные и организационные факторы гражданской и политической активности в районах Москвы; *Эфендиев А., Резкий С.* Социальное неравенство работающей российской молодежи: факторы и механизмы формирования и развития; *Абрамов Р., Катечкина В.* Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2022. Т. 21)

№ 2. *Коротаев А. и др.* Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке; *Луньков А.* Православный священник на войне: классификация морального опыта; *Попов Д.* Vita COVIDa как биополитическая модальность жизни в пандемию; *Григорьева К.* Надзор за мигрантами, строителями и больными COVID-19: новые технологии на страже «опасных классов»; *Вебер М.* Деловой отчет Немецкого социологического общества / Пер. с нем. *О. Кильдюшова; Дмитриев Т.* Общие истоки, разные итоги: Макс Вебер и Эрнст Трельч об общественно-политических последствиях протестантской реформации; *Яркеев А.* К вопросу о возможности политической теологии: Карл Шмитт полемизирует с Эриком Петерсоном; *Коначева С.* «Бог без суверенитета» и «священная анархия» Царства: «слабая» теология как теополитический проект; *Егоров С.* Понятие «служение» в языках англоязычных и русскоязычных дискуссий современных протестантов: новейшие дискуссии и тенденции; *Коростиченко Е., Климов Я.* Гуманизм: «третья конфессия» или «ведущая культура»; *Киенко Т.* Эмпауэрмент (empowerment)-подход как методология исследования и преодоления социальных проблем людей, групп и сообществ в совместной деятельности: обзор и исследовательские рамки.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

(2022. Т. 10)

№ 2. *Виттенберг Е.Я.* Социальная ответственность бизнеса перед внутренними стейкхолдерами в период пандемии; *Бабич Н.С., Батыков И.В.* Когнитивное сопротивление воздействиям со стороны государства в России (на примере вакцинации от COVID-19); *Климович А.П.* О подходах к созданию теории цифрового общества. По книге Армина Нассе «Образец» («Muster»); *Натсак О.Д.* Трансформация репродуктивной модели тувинской семьи: историческая ретроспектива и современные тенденции; *Журавлева И.В.* Модификация показателей здоровья россиян и его социальных детерминант в сравнении с европейскими реалиями; *Осадчая Г.И. и др.* Социальная сплоченность армянской диаспоры в России: теория и практика измерения; *Ивашиненко Н.Н., Пятакова Е.Н., Янкелевич К.А.* Грантовые программы как инструменты развития третьего сектора; *Бесчасная А.А. А.И.* Блага «Социология детства»: неизвестные страницы истории социологии детства. Часть II.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2022. Т. 13)

№ 2. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Динамика субъективного властного статуса; *Парма Р.В.* Гражданская активность поколений в современном российском обществе; *Шашкова Я.Ю., Качусов Д.А.* Классификация сетевых общественных движений в городах регионов Юго-Западной Сибири; *Воронина Н.С., Башева О.А.* Мотивация волонтеров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса; *Сергеев В.Н.* Конспирологический тренд в обыденных практиках социальной рефлексии: теоретические обобщения; *Рассолова Е.Н., Галкин К.А.* Профессиональные сообщества ученых перед лицом неопределенности современного мира. Кейс российских научных центров (по данным качественного исследования); *Денисова Г.С., Полонская И.Н., Сусименко Е.В.* Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии; *Мареева С.В.* Социальный статус российской молодежи: представления и реальность; *Чигрин В.А. и др.* Динамика и структура предпочтений молодежи в информационном пространстве Республики Крым; *Закиров И.З.* К вопросу о философско-методологических основаниях теории устойчивого развития в социальных науках.

**МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ**

(2022)

№ 3. Корсунова В.И., Соколов Б.О. Ценностные установки россиян: сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов; Чернозуб О.Л. Двухкомпонентная модель факторов поведения: нужны ли имплицитные факторы теории запланированного поведения?; Мальцева В.А., Сальникова И.Е., Шабалин А.И. Вместо университета – в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО?; Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Что ждет студентов после...; Ни М.Л. Онлайн-сообщества трудовых мигрантов в России и Южной Кореи как цепочки ритуалов взаимодействия; Лебедева Н.В., Вилкова К.А. Почему девушки не выбирают STEM: гендерные различия в мотивационных ориентирах; Ларкина Т.Ю. Трудовая полуавтономия российских учителей в забюрократизированной школе; Ким А.В., Мальцева Д.В. Профессиональное онлайн-сообщество российских социологов: тематики обсуждений и структура социальных взаимодействий; Шерemet Е.П. Факторы общественного доверия науке: обзор эмпирических исследований; Сафронова Ж.С., Труханова Ю.А. Развитие краудсорсинга – новый вызов для российских фармацевтических компаний; Крылова Д.В., Максименко А.А. Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими; Галкин К.А., Парфенова О.А. Последствия пандемии COVID-19 для организаций культуры; Первушин Н.С. Медиаасфера в период пандемии COVID-19: региональные и дискурсивные различия в установлении повестки дня; Глазков К.П. В погоне за коллективным иммунитетом: прививочные стратегии россиян в контексте различных форм принуждения к вакцинации; Радаев В.В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и пост-советской России, 1980–2010-е годы; Забелина О.В. Качество медицинской помощи глазами пациентов: итоги независимого онлайн-опроса. Часть II; Белановский С.А., Никольская А.В. К дискуссии о фокус-группах.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2022. Т. 23)

№ 3. Гладун Е.Ф. и др. Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США); Аникин В.А. Социальная структура новой России: опыт применения апостериорного подхода; Бенанав А. Автоматизация и будущее труда; Нацун Л.Н., Калачикова О.Н. Вклад вспомогательных репродуктивных технологий в воспроизводство населения России и социальные аспекты их применения; Лехциер В.Л., Шекунова Ю.О. Генетизация с точки зрения генетиков: направления, проблемы и перспективы персонализированного и предиктивного молекулярно-генетического тестирования в России.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2022)

№ 3. Ильин М.В. Введение в рубрику. Новые способы изучения мегарегионов и месторазвитий; Ильин М.В., Нечаев В.Д. Вызовы и перспективы изучения большого Средиземноморья; Окунев И.Ю., Захарова Е.А. Большое Средиземноморье как макро-регион: опыт пространственного анализа; Вишняков Я.В., Смирнова П.Е. Балканы. Между крестом и полумесяцем; Грэм Т. Россия и США на мировой сцене. Часть III. Роль мессианства, исключительности, амбиций и выживания в разжигании соперничества; Ланцов С.А. Вторая Карабахская война: предпосылки, причины, последствия; Косевич Е.Ю. Защита киберпространства в странах Латинской Америки; Сатаров Г.А., Благовещенский Ю.Н. Сетевое моделирование массового политического

сознания. Первые результаты; *Карасев Д.Ю.* Теория политического дрейфа: политический обструкционизм как механизм сжатия социального государства в США; *Михайлова А.А., Хвалец Д.В., Михайлов А.С.* «Цифровой след» как индикатор интереса населения приграничных регионов России к трансграничным контактам; *Бедерсон В.Д.* А поговорить? Социально-организационные характеристики коллективных действий в современной Москве.

- № 4.** *Барановский В.Г.* Эскалация конвенциональных конфликтов: о возможном переходе ядерного порога; *Арбатов А.Г.* Украинский кризис и стратегическая стабильность; *Назаров В.П., Афиногенов Д.А.* Стратегическое планирование в России: новый этап развития; *Виньо А., Байков А.А., Калужнова Е.* Российское высшее образование в условиях санкций: конструктивистский взгляд; *Куприянов А.В.* Россия и Индия: проблемы и перспективы сотрудничества; *Алексеева Т.А.* Агент-структурные отношения: методология конструктивизма; *Пушкарева Г.В.* Политический брендинг: разворот к символической политике; *Голдстоун Д.А., Гринин Л.Е., Коротаяев А.В.* Волны революций XXI столетия; *Литвинова Т.Н., Железняков А.С., Чулуунбаатар Г.* Монгольский мир перед вызовами современности; *Графов Д.Б.* Влияние групповой лояльности на демократический транзит в незападных обществах; *Палитай И.С.* Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.); *Туровский Р.Ф., Луизидис Е.М.* Факторы губернаторских отставок в России; *Стукал Д.К., Шилина А.Н.* Отношение к власти как фактор восприятия политического троллинга в российских социальных медиа.

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(2022. Т. 20)

- № 2.** *Минаков А., Новкунская А., Клепикова А.* Рождение пациента: (де)медикализация новорожденных в организационных контекстах неонатальной службы; *Бороздина Е., Ельницкий Е., Ходоренко Д.* Доказательства вреда: опыт пациентов и медицинские стандарты в судебных решениях; *Литвина Д.* Репродуктивные потери в контексте институционального взаимодействия: практики, пространства и траектории заботы; *Ожиганова А.* «Сознательные» родители и пациенты: что изучают на курсах подготовки к родам; *Булина А. и др.* Территориальная доступность высокотехнологичной онкологической помощи в СЗФО; *Богомяжкова Е.* «Доверяй, но проверяй»: практики заботы о здоровье в условиях цифровизации здравоохранения; *Асатурян Д., Старцев С.* Не знать, но бояться: источники и способы преодоления канцерофобии; *Касаткина Н., Шумкова Н., Токарева Н.* Выйти из тени: практики преодоления социальной эксклюзии больными эпилепсией; *Угарова А.* Управление эмоциями медицинских профессионалов в учреждениях паллиативной помощи; *Мохов С.* Уход за умирающими в позднем СССР (1970–80-е годы); *Холявин А., Звонарёва О.* Экспертность пациентских организаций: как дать пациентам голос.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2022. Т. 13)

- № 2.** *Пивоваров Е.Г.* «Публикация его малосодержательных верноподданнических записочек...»: об одном не изданном Комиссией по истории Академии наук сборнике документов; *Дмитриев И.С.* «Прикосновение холодной философии» (теологический фактор научной революции раннего Нового времени); *Скрыдлов А.Ю.* Изучение медицинской статистики в пореформенной России: историко-научный обзор; *Виноградов А.В., Манцеров И.И.* Наука и промышленное загрязнение в поздней имперской России: жизнь и труды Григория Витальевича Хлопина (1863–1929); *Головин Н.А., Виссонов Р.М.* Curriculum (учебный план) социологии по П.А. Сорокину: история разработки практической реализации влияния; *Винарский М.В.* Публикационные прак-

тики отечественных зоологов 1902–1940; Григорян Л.А. Неполнота отражения публикаций российских научных вестников в ведущих реферативно-библиографических базах данных: обзор; Васильева О.И., Алексеева Ю.А., Редько С.Г. Проектный подход в организации сотрудничества институтов бизнеса и технических университетов в условиях цифровизации; Михайлов О.В. «Смартфономания» в молодежной среде как продукт «цифровизации»: бытие определяет сознание?

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(2022)

- № 3. Громыко А.А. Европейская культура – силы притяжения и отталкивания; Демин И.В. Методологическое значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для современной теории идеологии; Бронников И.А., Назарова М.С. Роль фрейминга в конструировании имиджа региона (на материалах Томской области); Бабурина О.Н. и др. Мировая торговля и международные морские перевозки в условиях новых геоэкономических рисков; Тарануха Ю.В. Что мешает переходу к креативному предпринимательству?; Тарануха Ю.В. Вклад стран вишеградской группы в общеевропейскую экономику; Трунов Ф.О. О применимости принципа мультилатерализма во внешней политике (на примере ФРГ); Спиридонова В.И. «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке; Белоус Ю.А. Фактор региональной политики ЕС в Испании.

LABORATORIUM: ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(2022. Т. 14)

- № 1. Ярошенко С., Исаева В., Дивисенко К. Семья и партнерство на пути к «постоянному счастью»: трансформация гендерной идеологии в процессе религиозной конверсии в западный буддизм в России; Касаткина А. К поэтике и практике современного урбанизма: «город-сад» как технология социальной интеграции в Обнинске 1960-х годов; Петрова А. Конструирование советского качества и безопасность на производстве: специальная одежда для рабочих в хрущевский период; Широков А. «Расскажи, что сейчас болит»: вовлечение ребенка во взаимодействие врача и родителя через задавание вопроса; Парфенова О. Как развивалась доказательная медицина в России: от закрытых форумов к «доказательным» клиникам.

ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (INTER)

(2022. Т. 14)

- № 2. Щеглова Т.Е. Чувство безопасности в городе: в поисках социологического определения; Лебедева Д.Р. «Вот такую цену ты платишь»: представления москвичей об экологических рисках здоровью (в контексте онкологической угрозы); Рассолова Е.Н., Галкин К.А. «Больше творческой энергии»: смыслы и функции креативного пространства в моногороде (кейс Набережных Челнов); Янишевский О.Б. Реформа городской маршрутной сети как катализатор социальных процессов; Гибадуллина М.Р. Опыт работы в религиозном поле: рефлексия на примере исследований в Республике Татарстан; Жесько Э.М. Навигация по городской еде: о вкусах, местах и профессиях.

ЖУРНАЛ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СОЦИОЛОГИЯ (МИНСК)

(2022)

- № 2. Бабосов Е.М., Баньковская Ю.Л. Конвергенция сетевизации и цифровизации социально-политических процессов в современном белорусском обществе; Евелькин Г.М. Гражданское общество и общество граждан: теоретико-методологиче-

ский аспект; Злотников А.Г. Истоки нового витка депопуляции в Беларуси; Борейко С.А. Демографический фактор воспроизводства научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь; Давыдовский А.Г., Лапицкая Н.В. Социальные последствия цифровой трансформации образования в условиях коронакризиса; Шевчик Д.О., Неделевская И.Г. Концептуализация стратегий воспроизводства и адаптаций в конструктивистской перспективе; Посталовский А.В. Основные тенденции и тренды телесмотрения среди белорусской аудитории; Елсукова Н.А., Гафарова Ю.Ю., Купчинова Т.В. Мобильные технологии в повседневности белорусов: поколенческие различия; Похомова А.А., Яковлева И.А. Формирование потенциала социальной активности молодежи в системе дополнительного образования; Кобяк О.В., Шифрин А.Е. Развитие социологического образа мышления с помощью мультимедийных технологий на примере сказок Навигител.

Подготовила А. ГОВОРОВА

INTERNATIONAL SOCIOLOGY

(2022. Т. 37)

- № 2.** Мисра Дж. Транснациональная феминистская социология; Мартин Дж.Л. Теория на краю империи; Пула Б. Акторство, агентность и власть при модерне; дель Серро С. Дж. Новая Нью-Йоркская школа социальных исследований: продолжение славного наследия.
- № 3.** Салаходжаев Р. и др. Связь филантропии с удовлетворенностью жизнью: кросс-страновые данные; Неринг Д., Керришган Д. Новый взгляд на политическую терапию: власть, постколониализм и психологизация общества глобального Юга; Лерч Дж. и др. Партиципация женщин и вызовы либеральному сценарию: опыт глобального взгляда; Шинь Хуа Джинь, Сухэн Ким. Преодоление изоляции женщин на работе: влияние организационной структуры и практики на взаимоотношения женщин-менеджеров на рабочем месте; Лавриненко О. Познание и протест в демократических и авторитарных режимах, 1981–2020; Корж А. «Вас наказали тюрьмой. А когда выпустили, наказали пожизненно»: пост-тюремные барьеры для женщин на Украине; Лю Чуньчен. Кто за расширение наблюдения? О китайской системе социального кредита.
- № 4.** Улыбина О. и др. Межправительственные организации перед лицом пандемии COVID-19: организационное поведение при кризисе и неуверенности; Атриа Х. и др. Пандемийный патриотизм: официальные речи перед лицом глобального кризиса COVID-19; Флеча Р. и др. Время диалогической социологии; Доркас Рамбу Атахуа А. и др. Развитие социального предпринимательства в сельских местностях: механизмы посредничества; Мейливан М.Л. и др. Работа профессионального шкалирования: как профессиональные сегменты претендуют на новые юрисдикции в мире транснациональных связей; Зафировский М. Последствия концентрации доходов для демократических процессов в современных западных и сходных обществах: данные по странам ОЭСР, 2017–2019.

CURRENT SOCIOLOGY

(2022. Т. 70)

- № 4.** Маркуэлло-Сервос Х. Ценностный поворот в социологии; Сяоронг Гу. Аргументы в пользу ценностного поворота в социологии детства; Балагопалан С. Политика отсрочки: денатурализация «экономической ценности» детского труда в Индии; Сяоронг Гу. «Спасите детей!»: воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, во время Великой миграции в Китае; Адриани В., Ньюберри Я. Нейробиология и формирование ребенка в дошкольном образовании в Индонезии: неолиберальное наследие;

Болотта Дж., Дивайн Д. Оспариваемые фьючерсы: «гуманитарная ценность» детства в сельской местности Сьерра-Леоне; Каур Р. Гендерное воспитание и отдача от детей в современной Индии: исследование студентов Индийского института технологий и их родителей; Цзею Лю. Детство в городском Китае: портрет трех поколений; Ньямньо А.-Н. и др. Вклад теорий личности в переоценку детей в африканских обществах; Сяоронг Гу. Ценность детей на Глобальном Юге: текущий вклад и будущие направления.

- № 5. Меджи А. К теоретической синергии: критическая расовая теория и деколониальная мысль в Трамп-Америке и Брекзит-Британии; Баргалье Д., Лентин А. За пределами конвергенции и дивергенции: к подходу и то, и другое к критическим расовым и критическим исследованиям коренных народов в Австралии; Поццо М., Гораши Х. Как лиминальность повышает шансы на совместное празднование мультязычных общих продуктов: молодые беженцы в Нидерландах; Грегорио В.Л. Изоляция и неприкосновенность в семье: договорные браки в Юго-Восточной Азии; Фрич Н.-С. и др. Горизонтальные и вертикальные подвиги на рынке труда Австрии: влияет ли смена занятий на пересечение женщинами гендерных линий?; Карьеры А. Воображаемые версии будущего в условиях прекарного труда: вопрос гендера?

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2022. Т. 87)

- № 3. Аменгуал М., Бартли Т. Глобальные рынки, заверения корпораций и легитимность вмешательства государства: восприятие удаленной работы и проблем окружающей среды; Уильямс Н., Чжан Лятянь. Ценности и неравенство: просоциальный труд и премии к зарплате; де Ваан М., Стюарт Т. Гендер на рынке экспертизы; Шон Э. Операционализация легитимности; Тиммерманс Ш., Прикетт П. Кого считать семьей? Как стандарты стратифицируют жизни; Пэйджер Д. и др. Криминализация бедности: последствия судебных издержек в рандомизированном эксперименте.
- № 4. Аксой О., Гамбетта Д. Приверженность из жертвы: как длительный пост во время рамадана укрепляет религиозность и политический ислам; Кучинскас Х., Стюарт И. Корыстная или замещающая духовность? Проясняя отношения между духовной практикой и политической приверженностью; Боннес С. Якоря женственности: гетеросексуальные отношения и беременность как точки притеснения военнослужащих женщин в США; Негро Дж. и др. А что потом? Исполнительская музыка после получения «Грэмми»; Штольценберг Р., Линдгрэн Дж. Судьи как партийные животные: сроки отставки федеральных судей и партийный контроль за назначениями судей; Карлсон К. Аграрные корни дивергентного развития: кейс Бразилии XXI в.

AMERICAN JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2022. Т. 127)

- № 5. Харви П.Ф. «Убедись, что смотришь собеседнику в глаза»: социология и классово-окрашенное поведение в двух начальных школах; Лара-Мийан А. Административное исчезновение кризиса государства: разрешение проблем распорядка в тюрьмах графства Лос-Анджелес; Игл Д., Мюллер К. Воспроизводство расизма в формально антирасистской организации: кейс радикальных траекторий карьеры в объединенной методистской церкви; Линь Кень-ху, Хун Койт. Сетевая структура профессий: фрагментация, дифференциация и заражение; Айсек Л. и др. Ударные новости: дискурсивная сила печати как капиталистический ресурс забастовок позолоченного века.
- № 6. Бейкер Р. История расового режима и расового неравенства бедных на американском Юге; Чен Т. Кумулятивная дискретность полиции по поводу жалоб местных жителей; Квон Хью Эн. Инклюзивный труд: претензии детей иммигрантов на участие в повседневной жизни; Лихтенштайн М. Тактика легитимации: хасидские школы, неповиновение и политика отрицания заслуженного.

(2022. Т. 128)

- № 1.** *Де Соуса Леано Л.* Оптика государства: политика раскрытия бедности в Бразилии и Мексике; *Гастон П.* Мораль забастовки: союзы медсестер и оправдание трудового конфликта в больницах Калифорнии; *Лагос Д.* Наступил ли переломный момент для трансгендерных людей? Различия в гендерной идентификации в американских когортах, родившихся в 1935 и 2001 гг.; *Майард Г., Сунь Чжин.* Вирусное управление: как односторонние санкции США меняют правила финансового капитализма; *Раушнер Э., Шень Чжи Фань.* Соотношение между расходами на школу и успеваемостью: эффективность прогрессивных трат; *Сильвер Д. и др.* Балансировка категориальной конвенции в музыке.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2022. Т. 38)

- № 3.** *Биркеланд Г.Э. и др.* Дискриминация по признаку пола при приеме на работу: данные Межнационального согласованного полевого эксперимента; *Циммерманн Ф.* Управление гендерным разрывом в заработной плате: как женщины-менеджеры влияют на гендерный разрыв в зарплате работников; *Меринг К., Вейланд А.П.* Жизненный путь супружеских пар и доход женщин в дальнейшей жизни: анализ многоканальных последовательностей взаимосвязанных жизней в Германии; *Коцани М., Тривенти М., Бернарди Ф.* Материнский стресс и последствия беременности по данным естественного эксперимента: взрывы поездов в Мадриде в 2004 году; *Лейт Р.* Снижает ли экономическое напряжение семьи учебную успеваемость ребенка? Лонгитюдная оценка с использованием данных Великой рецессии в Ирландии; *Хоппе Блаабек Е.А.* Культурный вклад и накапливающееся неравенство в детском чтении: динамичный подход; *Рот Т. и др.* Различается ли эффект порядка рождения на поступление в среднюю школу у мигрантов и местных жителей? Анализ внутрисемейных отношений в немецкой системе образования; *Хьорт-Тролле А., Розенквист Э., Хед А.* Практика выставления оценок и социальный градиент в среднем балле: квазиэкспериментальные данные из Швеции; *Фингер К.* (Не)соответствие стремлений и ожиданий от колледжа: роль социального происхождения и барьеров для поступления.
- № 4.** *Хельштен М., Яиш М.* Межпоколенная образовательная мобильность и экономические траектории жизненного пути в социал-демократическом социальном государстве; *Шахбазян Р., Бихаген Э.* Дает ли класс нечто большее, чем намек на заработок в течение жизни? Оценка показателей заработка на всей протяжении жизни для Швеции; *Грэтц М.* Влияет ли повышение минимального возраста окончания школы на воспроизведение образовательного статуса в разных поколениях? Данные по четырем странам Европы; *Моргенрот Н. и др.* Кого больше беспокоят срочные контракты – мужчин или женщин? Гендерные различия в эмоциональной незащищенности работы, роль домашнего контекста и позиции на рынке труда; *Паньеда-Фернандес И.* Стихийные бедствия и предпочтения в перераспределении: последствия коллективных и внезапных разрушений; *Губин С., Кумлин Ш.* Политическое доверие и спрос на политику в меняющихся социальных государствах: строить нормативную поддержку и облегчать принятие реформ?; *Веласкес П., Эгер М.* Эффект высшего образования: либерализующий или предупредждающий? Панельное исследование антииммигрантских настроений до, во время и после европейского мигрантского кризиса; *Эрхард Л. и др.* Различия влияния массовых медиа на тревоги по поводу иммиграции: новые данные по Германии; *Городзецки А.* Приток беженцев и темпоральные изменения установок по отношению к людям в поисках убежища: кросс-национальная перспектива.

KÖLNER ZEITSCHRIFT FÜR SOZIOLOGIE UND SOZIALPSYCHOLOGIE

(2022. Т. 74)

- № 1.** *Стахе К. и др.* Авторитет домохозяек в Германии – количественно-эмпирический анализ дифференцированных восприятий; *Штайнманн Я.-Ф.* Существует ли иммунизирующее влияние? Внутридифференцированный анализ связи христианской религиозности с выбором правопопулистских партий; *Криг И.* Роль социального окружения во взаимосвязи между групповой враждебностью по отношению к социальным меньшинствам и политически мотивированной преступностью; *Ноймайер С.* Насколько открыты структурированные продвижения по службе?; *де Фогель С.* Еще раз о социальной избирательности индивидуальных и структурированных форм продвижения по службе.
- № 1 (доп.).** *Долата У., Шрапе Я.-Ф.* Интернет, большие данные и цифровые платформы: политическая экономия, коммуникация, регулирование; *Долата У., Шрапе Я.-Ф.* Архитектуры платформ; *Зюдов Й., Аушра К.* Сети, платформы и экосистемы: организационно-теоретические разъяснения; *Нахтвей О., Шаупп С.* Неравный обмен – взаимодействие с пользователями и создание ценности на цифровых платформах; *Хертвиг М., Папсдорф К.* Онлайн-рынки труда в поле напряженностей платформы и общности; *Кирхнер Ш. и др.* Выход за пределы Uber; *Понгратц Х.* Платформы на рынке труда: дигитализация и диверсификация индустрии занятости; *Нойбергер К.* Журналистика и платформы как посредническая третья сторона в цифровой общности; *Яррен О. и др.* Трансформация политической общности? Влияние платформ на общественную систему посредничества; *Донгес П.* Дигитализация политической коммуникации; *Хепп А.* За пределами разрушения: о жизненном цикле сообществ-пионеров и их роли в создании «цифрового общества»; *Добуш Л., Добуш Л.* Насколько открыты «открытые» онлайн-сообщества? Инклюзия, эксклюзия и амбивалентность закрытия; *Катценбах К.* «Алгоритмический поворот» в управлении платформами; *Швартинг Р., Ульбрихт Л.* Почему важна организация в «алгоритмической дискриминации»; *Латцер М.* Дигитальная троица – управляемая эволюция людей – имплицитная повседневная религия; *Перницка С., Шюсслер Э.* Между разрушением и интеграцией: управление цифровыми платформами в сфере пассажирских перевозок с точки зрения теории поля; *Хайбергер Р.* Применение машинного обучения в социологии: как предсказать гендер и выявить исследовательские предпочтения; *Шмитц А., Риблинг Я.* Качество данных о цифровых процессах.

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ПЕТРОВИЧА ОРЛОВА (13.12.1928–04.07.2022)

На 94-м году ушел из жизни известный российский и уральский социолог, общественный деятель, специалист по социальной философии и общей социологии, почетный профессор УрФУ, заслуженный работник культуры РСФСР, доктор философских наук, профессор Георгий Петрович Орлов.

Георгий Петрович родился в г. Слуцке Белорусской ССР. С 1945 по 1950 г. учился на отделении психологии исторического факультета Пермского государственного педагогического университета, окончил с отличием. Работал учителем психологии, логики и истории в школе, а в 1951 г. поступил в аспирантуру на кафедру диалектического и исторического материализма Уральского государственного университета. В 1955 г. Г.П. Орлов защитил кандидатскую диссертацию, в 1970 г. – докторскую по теме «Методологические проблемы свободного времени».

С 1955 по 1976 г. Георгий Петрович вел педагогическую деятельность в Свердловском юридическом институте, где прошел путь от старшего преподавателя (1955–1960) до зав. кафедрой философии (1960–1976). Занимался и общественно-научной работой: являлся учёным секретарём и председателем Совета по защите докторских диссертаций по философии и социологии в УрГУ. Г.П. Орлов автор свыше 140 научных работ, в том числе восьми монографий. Под его руководством было подготовлено около 40 кандидатских и докторских диссертаций.

В 1972 г. Георгию Петровичу было присвоено учёное звание профессора, в 2003 г. был избран почётным профессором УрГУ, в 1996 г. – академиком Академии гуманитарных наук. В 1988 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Георгий Петрович был удостоен почётного звания заслуженного работника культуры РСФСР.

Разрабатываемые Орловым темы и проблемы включали в себя: анализ современного идеологического процесса; сущность, структуру, функции социального времени; методологические и методические проблемы исследования феномена свободного времени (досуга). Также он занимался проблемами систематизации социальных, философских, политических, социологических категорий, основ теоретической социологии, ее структуры, объекта и предмета, связи социологии с другими социальными науками. Исследовал проблемы консолидации мирового социологического знания.

Георгий Петрович обладал заслуженным авторитетом в социологическом сообществе и по праву считается одним из наиболее ярких представителей первых послевоенных поколений социологов. Он участвовал в разработке первых учебных программ по социологии, стоял у истоков социологического образования на Урале, был соавтором первых учебников и пособий по социологии. Студенты буквально боготворили его как лектора.

Георгий Петрович был большим оптимистом и жизнелюбом, яркой и незаурядной личностью. Там, где был Орлов, никогда не бывало скучно. Он любил путешествия, умел о них очень интересно рассказывать. Многие коллеги и учившиеся у него студенты до сих пор помнят его рассказы о том, как он играл в шахматы с Че Геварой, когда летел с ним в одном самолете, как покорял горнолыжные спуски России и Европы. Георгий Петрович был добрейшим человеком и в то же время – очень мудрым. Те, кто его знал лично, никогда не забудут замечательного ученого, великолепного преподавателя, настоящего друга, на которого всегда можно положиться. Я заявляю об этом абсолютно ответственно, как человек, чья дружба с Георгием Петровичем Орловым составила без малого целую человеческую жизнь – 59 лет.

Коллеги, друзья, ученики, близкие люди Георгия Петровича скорбят в связи с горькой утратой.

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ,
д. филос. н.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2022 No. 9

CONTENTS

XXIV KHARCHEV READINGS

- 3 DAVYDOV A.P. Society as a Mediation Subject of Social Development
(Re: Methodology of Inter-Subject Dialogue)
- 14 FETISOV V.Ya. Contours and Strokes to a Portrait of Sociology
- 29 KRAVCHENKO S.A. The Ambivalences of Digitalization: the Demand of its National-Cultural Model for Sustainable Development

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 38 MERSIANOVA I.V., IVANOVA N.V., BRIUKHNO A.S. Did the Digital Competences of Russian NGOs Change under Pandemic Conditions?
- 49 ROGOZIN D.M. Measurement and Representation Bias in Responses on Educational Level in Public Opinion Research

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- 60 ZBOROVSKY G.E., AMBAROVA P.A. Resource Mobilization of the Research and Pedagogical Community: Russian Practices and Regional Dimension
- 72 SHEVCHENKO P.V. Changing Status Characteristics of Moscow School Teacher

GENDER SOCIOLOGY

- 84 KHUSHKADAMOVA K.O., BEREZINA A.V. Political Representation of Women in Tajikistan and Iran
- 94 ALLAKHVERDYAN A.G. Female Face of Sociological Science (basing on the Rosstat statistics)

DISCUSSION. POLEMICS

- 100 BUZGALIN A.V., KOLGANOV A.I. Capitalism, Post-Capitalism and the Creative Revolution (critical reflections on the article by D.A. Davydov)
- 110 IAKOVLEVA N.G. What Sprouts of Post-Capitalism are Capable of Ensuring Progress of Human Potential and Technological Modernization?
- 116 CHEN Hong, BARASHKOVA O.V. Post-Capitalism or Socialism?

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 122 LITVINTSEV D.B., MOZHEIKINA L.B., OSMUK L.A. Social Reclusion and Social Seclusion as Forms of Social Withdrawal: to the Problem Statement

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 132 CHEPURENKO A.Yu. Russian Small Business in the First Half of 2022: between Scylla and Charybdis
- 139 VOSKRESENSKII F.A., VOSKRESENSKAIA E.A. Victimization of Contemporary Russians

ACADEMIC EVENTS

- 144 KARAPETYAN R.V., TARANDO E.E. Social Challenges and Labor Regulation Models: Shaping a Sustainable Future

- 146 FARAKHUTDINOV Sh.F., EFIMOVA G.Z. Society in Search of Balance
(about the XXII Grushin conference)
- 149 LATOV Yu.V. Human Capital in the Conditions of New Challenges
(a section at the XII Grushin conference)

REFLECTING ON A NEW BOOK

- 153 DEMIDENKO S.Yu. Forward to the Past? (about A.V. Shipilov's book)

ANNIVERSARY

- 161 Isaev K.I. is 85!
- 163 Mironov B.N. is 80!

- 165 **JOURNALS' GUIDE**

IN MEMORIAM

- 174 G.P. Orlov

- 175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)